И. П. ДОНКОВ

АНТОНОВЩИНА: ЗАМЫСЛЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

И. П. ДОНКОВ

АНТОНОВЩИНА: ЗАМЫСЛЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Москва
Издательство
политической
литературы
1977

9(С)22
Д67

Донков И. П.
Д67 Антоновщина: замыслы и действительность. М., Политиздат, 1977.

127 с.

Книга кандидата исторических наук И. П. Донкова на большом фактическом материале освещает один из эпизодов истории Советского государства — ликвидацию антоновщины, крупнейшего по своим масштабам кулацко-эсеровского мятежа в Тамбовской губернии (1920—1921 гг.). В книге раскрывается огромная политическая и организаторская деятельность партии в разгроме антоновщины, рассказывается о действиях воинских частей, операциях чекистов, проведенных в ходе ликвидации мятежа.

Д $\frac{10604-171}{079(02)-77}$ 220—76 9(С)22

К читателю

Ликвидация контрреволюционного мятежа Антонова — одна из полных драматизма страниц истории первых лет Советской власти. Вспомним то трудное, героическое, овеянное революционной романтикой время ранней юности нашей страны. На юге идут бои с Врангелем. Еще не завершилась война с белополяками. Японские интервенты хозяйничают на Дальнем Востоке. Усиливаются голод, разруха. Новые заговоры плетут империалисты. И вот в самом центре России, в хлебной Тамбовской губернии, поднимается волна вооруженной кулацкой контрреволюции, готовая захлестнуть тыл сражающейся Красной Армии.

Мятежники мечтают о походе на Москву. А пока озверевшее кулачье мстит Советской власти, коммунистам, рабочим, крестьянской бедноте за пролетарскую революцию, за победы Красной Армии, за новую жизнь народа. Наспех сколоченные бандитские полки и «армии» сжигают, грабят, мучают, убивают. На значительной территории царят беззаконие и террор, уничтожены Советы, пылают совхозы, разгромлены коммуны. Усилились колебания крестьян, уставших от войны, от продразверстки и трудмобилизаций, от всей вынужденной условиями военного времени политики «военного коммунизма». Часть их присоединяется к мятежу, поддавшись влиянию собственнического инстинкта и разгулявшейся мелкобуржуазной анархической стихии.

Страшная тень французской Вандеи, ставшей синонимом консервативной крестьянской контрреволюции, нависла над страной. В стане открытых врагов Советской власти ликование: вот оно, давно обещанное «народное» восстание против большевиков, новая «крестьянская война», способная покончить с ненавистной диктатурой пролетариата!

Во главе мятежа эсеры — партия контрреволюционных мелкобуржуазных псевдосоциалистов. Через

эту партию нити заговора из тамбовских лесов тянутся за рубеж, в столицы империалистических держав, в генштабы и разведывательные управления интервенционистских войск, в штаб-квартиры белогвардейской эмиграции. Там — подлинные дирижеры трагедии, разыгравшейся на тамбовской земле.

Но ленинской партии уже не раз приходилось поднимать народные массы на защиту завоеваний революции. И хотя новый враг — мелкобуржуазная контрреволюция — был неизмеримо сильнее, по выражению В. И. Ленина, чем все колчаки, деникины, юденичи, вместе взятые, победа над ним оказалась такой же блистательной и полной, как и на всех других фронтах гражданской войны. Об истоках этой победы, о политической и организаторской деятельности партии в трудные дни борьбы с кулацкой контрреволюцией и рассказывается в сравнительно небольшой, но насыщенной богатым документальным материалом книге И. П. Донкова.

Тема, избранная автором, не потеряла своей научной актуальности и политической злободневности и поныне. Уроки антоновщины до сих пор в извращенном виде толкуются представителями всех разновидностей идеологии антикоммунизма, которые страстно хотят увидеть в них свидетельство чуждости идеалов Великого Октября, пролетарской революции, марксизма-ленинизма классу мелких собственников, каким остается трудовое крестьянство до победы социализма. Буржуазные фальсификаторы истории пытаются изобразить разгром антоновщины как чисто военную акцию, осуществленную превосходящими силами Красной Армии. Изуверские действия мятежников-кулаков преподносятся современными антикоммунистами как образец борьбы за «свободу» и «демократию», а гуманные акции Советской власти, направленные на быстрейшее восстановление мира и законности в тамбовской деревне, выдаются за пример большевистского «насилия» над крестьянством. В книге И. П. Донкова убедительно показана полная беспочвенность этих лживых утверждений.

Проблема взаимоотношений рабочего класса, его партии со средними слоями, в том числе с крестьянством,— одна из коренных проблем стратегии и тактики международного коммунистического движения. В на-

шей и большинстве других социалистических стран эта проблема успешно решена. Но она остро стоит перед коммунистическими, рабочими и революционно-демократическими партиями, которые еще только борются за создание прочного союза народных сил, способного обеспечить развитие той или иной страны по социалистическому пути. Опыт решения этой проблемы в нашей стране, освещаемый в данной книге, раскрывает важные общие закономерности развития крестьянства в переходный период от капитализма к социализму. В частности, в книге убедительно показана неосуществимость эсеровской проповеди «третьего пути» к социализму, который на практике привел обманутых тамбовских крестьян в лагерь контрреволюции; раскрыта антикрестьянская суть кулацкой программы. Тамбовское кулачество, пытавшееся присвоить себе право говорить с Советской властью от имени «трудового» крестьянства, преследовало свои классовые цели, ничего общего с интересами трудящихся не имевшие. В эсеровском «социализме» кулаков привлекало одно — его антипролетарская, антисоветская направленность. Во имя своей главной цели — свержения диктатуры пролетариата — кулачество, этот, по выражению В. И. Ленина, класс самых зверских, самых диких эксплуататоров, обрекло на разорение и смерть тысячи средних и бедных крестьян, хозяйства которых находились в зоне, охваченной мятежом. На собственном опыте тамбовские крестьяне, силой сгоняемые в кулацкие «армии», еще раз убедились, что у них есть единственный искренний друг и надежный защитник — героический рабочий класс, созидающий социалистическое общество во имя счастливой и обеспеченной жизни всех трудящихся, независимо от их классовой, национальной, религиозной и расовой принадлежности.

Тема антоновщины — не новая в советской исторической литературе. Но впервые выходит книга, которая в деталях воссоздает все обстоятельства, связанные с возникновением, развитием и подавлением мятежа.

Эта работа удачно соединяет в себе черты серьезной научной монографии, насыщенной богатым, большей частью архивным фактическим материалом, и популярной книги, рассчитанной на широкого читателя.

Она дает дополнительные штрихи к характеристике государственной и партийной деятельности В. И. Ленина, раскрывает политическую мудрость партии, ее неразрывную связь с массами, комплексный научный подход к решению насущных политических и экономических проблем. Нельзя без волнения читать страницы, показывающие заботу партии, Советского правительства, лично В. И. Ленина об обманутых мятежниками тамбовских крестьянах, раскрывающие гуманизм Советской власти, ее стремление глубоко разобраться в причинах мятежа, максимально пойти навстречу крестьянам, сделать все возможное для того, чтобы успокоить колеблющуюся массу, превратить ее в свою опору. Всесторонне охарактеризована организаторская деятельность партии и Советского государства, сумевших поднять на борьбу с мятежниками рабочий класс, лучших представителей крестьянской бедноты и оказавших необходимую военную, политическую и экономическую помощь Тамбовской губернии. Показаны героические усилия местного актива, губернской и уездных партийных организаций, боевые действия отрядов Красной Армии, славные подвиги советских чекистов. Читатели познакомятся с интересными фактами из боевых биографий М. Н. Тухачевского, Г. К. Жукова, И. П. Уборевича, Г. И. Котовского, А. П. Гайдара и других участников борьбы с антоновщиной, имена которых ныне хорошо известны каждому советскому человеку.

Хорошо документированная книга И. П. Донкова существенно расширит представления читателей о прошлом Советского государства.

Доктор исторических наук,
профессор *В. М. Иванов*

Срочная телеграмма

В Тамбове было тревожно. 8 сентября 1920 года на экстренном заседании президиумов губкома и губисполкома обсуждался один вопрос: как ликвидировать мятеж, поднятый эсером Антоновым? Руководящие тамбовские работники не на шутку взволнованы: антисоветский мятеж, вспыхнувший во второй половине августа на стыке трех центральных уездов губернии, угрожал серьезными последствиями. На его подавление брошены немногочисленные воинские части, но их действия оказались безуспешными: мятеж продолжал расти, охватив уже к 23 августа семь волостей Тамбовского уезда. По сведениям губчека, к 5 сентября мятежников, вооруженных огнестрельным оружием, насчитывалось до 3—4 тысяч человек. Их отряды находились в 15 верстах от Тамбова.

Утром 8 сентября Военный совет при губернской чека направил на борьбу с мятежом свыше 2 тысяч бойцов из местного гарнизона. В связи с тяжелым положением в губернии участники заседания единодушно решили послать в Москву Владимиру Ильичу Ленину срочную телеграмму, раскрывающую обстановку в губернии, а также командировать туда А. Г. Шлихтера, председателя губисполкома и Военного совета, для личного доклада.

В телеграмме говорилось:

«Тамбовская губерния. Кирсановский, Борисоглебский и Тамбовский уезды в течение трех недель происходит крупное восстание крестьян и дезертиров под руководством правых эсеров. Вследствие острого недостатка войск, винтовок и патронов губернии организованному губисполкомом Военному совету не удалось своевременно задавить повстанческое движение, которое теперь разрослось до громадных размеров и имеет тенденции разрастаться, захватывая новые территории. В ряде случаев войска отступали перед бандами повстанцев из-за недостатка винтовок и патронов.

В результате восстания бандами расстреляно свыше 150 деревенских коммунистов и продработников и отнято у наших мелких отрядов до 200 винтовок и два пулемета. Разгромлены четыре совхоза. Вся продработа остановилась. Неоднократно обращались Орел окрвоенка и сектор ВОХР[1], Москву ВЧК и ВОХР, однако до сих пор нами не получено достаточного количества надежных войск и, главное, винтовок. Поэтому обращаемся Вам как последней инстанции, могущей оказать нам помощь...»[2]

На следующий день в Москву с докладом Военного совета выехали А. Г. Шлихтер и секретарь губкома партии Н. Я. Райвид.

Владимир Ильич принял представителей Тамбовщины. Со Шлихтером он был знаком еще со времени первой русской революции, а годы эмиграции сблизили их. Ленин особенно ценил обширные экономические познания Александра Григорьевича, его практический опыт организации продовольственного дела в стране: в первые годы Советской власти Шлихтер был наркомом земледелия и наркомом продовольствия РСФСР, чрезвычайным комиссаром продовольствия в Сибири, наркомом продовольствия Украины.

...Разговор был нелегким. Александр Григорьевич, обычно не терявший самообладания, заметно волновался. Он понимал: его ответы вряд ли могут удовлетворить Владимира Ильича. У себя, в Тамбове, они и сами во многом не разобрались. Поэтому, в общих словах обрисовав сложившуюся обстановку, А. Г. Шлихтер прямо сказал:

— Откровенно говоря, Владимир Ильич, мятеж в губернии застал нас врасплох. Конечно, мы знали о существовании банды Антонова — немало коммунистов и советских активистов погибло от его рук. Но то, что ее действия примут такой размах, было для нас совершенно неожиданным. Отсюда и трудность борьбы с ним. Боюсь, что мы не справимся местными силами.

---

[1] Окрвоенка — окружной военный комиссар. ВОХР — войска внутренней охраны республики; в сентябре 1920 г. они были преобразованы в войска внутренней службы республики (ВНУС).

[2] Государственный архив Тамбовской области, ф. 1, оп. 4а, д. 83, л. 702.

Вопросы, задаваемые Лениным, говорили о его большой озабоченности случившимся. Он спрашивал, что́ нужно сделать для подавления мятежа, для обеспечения продразверстки, какими силами располагает губерния.

Шлихтер, подумав, ответил:

— Наши силы составляют в настоящий момент около трех с половиной тысяч человек. В это число входят: отряды тамбовских курсантов, продовольственные отряды и подкрепления, присланные по нашей просьбе ВЧК из Рязани, Тулы и Саратова.

В. И. Ленин внимательно слушал. Александр Григорьевич продолжал:

— С такими силами мятеж можно подавить, но на это уйдет много времени. А главное, из-за военных действий продовольственная работа во всем огромном районе мятежа уже прекращена. Если меры не будут приняты в ближайшее время, то выполнить продразверстку будет невозможно.

— И какой же помощи вы ждете от нас? — спросил Ленин.

— Нам необходимы, во-первых, надежный батальон войск внутренней охраны, во-вторых, продовольственные отряды численностью до двух тысяч и два эскадрона и, в-третьих, вооружение для коммунистов: тысяча винтовок, сто револьверов, не менее двадцати пяти тысяч патронов. Только тогда могут быть использованы имеющиеся местные силы. Лишь при этих условиях мы, местные работники, считаем обеспеченной не только действительную ликвидацию мятежа путем окружения его участников в местах скопления, но и выполнение наряда Наркомпрода по разверстке.

Попросив оформить высказанные соображения в виде докладной записки Совнаркому и Реввоенсовету республики, Ленин сказал, что обстановка на фронтах напряженная и рассчитывать надо прежде всего на местные силы, искать резервы, усилить агитационно-массовую работу, больше разъяснять крестьянам сущность Советской власти, ее политику, трудности текущего момента.

Возвращаясь в Тамбов, Шлихтер много думал о встрече с В. И. Лениным, о мятеже. Случайно или нет в дни, когда на Западном фронте началось контрнаступление белополяков и советские войска стали

отходить от Варшавы, а на юге шли жаркие бои с врангелевцами, вспыхнул антоновский мятеж? Скорее всего, нет. Это могли сделать только эсеры, которые, выбрав трудный для республики момент, спровоцировали мятеж.

В представленных В. И. Ленину и в Реввоенсовет республики в сентябре 1920 года письменных отчетах руководители Тамбовской губернии вновь подчеркнули, что продразверстка в губернии находится под угрозой срыва, а подавление антоновского мятежа и выполнение наряда Наркомпрода зависят исключительно от получения быстрой военной помощи и дополнительных сил продармейцев.

Однако мятеж разрастался так быстро, что уже 24 сентября заместитель председателя Тамбовского губисполкома В. Н. Мещеряков, находясь в Москве, просил Владимира Ильича Ленина принять его для решения неотложных вопросов, связанных с антоновским мятежом.

«Со времени Вашего разговора... с Шлихтером о нашем восстании,— писал он Ленину в записке,— положение наше ухудшилось (разоружены наши 2 роты; взято, таким образом, 400 винтовок и 4 пулемета и вообще противник окреп). Я был у главкома, получил обещание послать в Тамбов 1 батальон и 300 винтовок; но по вопросу о продотрядах до сих пор ничего не вышло. Нам не дали ничего. И ссыпка идет по 20—22—25 тысяч пудов в день вместо 200—220 тысяч нужных.

Имею просьбу Шлихтера и губкома переговорить с Вами на эту тему, ибо положение худое».

Прочитав записку, В. И. Ленин тут же адресует ее заместителю председателя Реввоенсовета республики Э. М. Склянскому и председателю Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией Ф. Э. Дзержинскому: «Надо принять *архиэнергичные* меры! Спешно!» [1]

Для уточнения обстановки на месте Советское правительство срочно направило в Тамбов командующего войсками внутренней службы республики (ВНУС), члена коллегии ВЧК В. С. Корнева.

---

[1] «В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917—1922 гг.)». М., 1975, стр. 403—404.

Кризис в стране

Как могло случиться, что в самом центре республики вспыхнул крупный антисоветский мятеж, потребовавший принятия решительных и срочных мер? И это после того, как военно-политический союз рабочих и крестьян выдержал испытание войной и трудящиеся Советской республики доказали твердую решимость сделать все необходимое для обеспечения безопасности государства!

Чтобы лучше понять происшедшее, обратимся к обстановке в стране.

Народное хозяйство республики находилось в состоянии крайней разрухи и истощения. Общий материальный ущерб, понесенный Советской республикой в результате военных действий в период гражданской войны, превышал 50 миллиардов золотых рублей. В районах военных действий почти все фабрики и заводы были разрушены, их оборудование приведено в негодность или разграблено интервентами. Производство предметов широкого потребления на душу населения снизилось до 12 процентов по отношению к довоенному времени. Это сказалось на снабжении населения города и деревни товарами первой необходимости.

Плохо работали транспорт и связь. Топливный кризис и серьезные перебои в работе транспорта стали настоящим бедствием, парализовавшим хозяйственную жизнь страны.

Тяжелый кризис к концу гражданской войны переживало и сельское хозяйство. Работоспособная часть мужского населения в деревне либо ушла на фронт, либо в промышленность и на транспорт. В условиях войны гибли посевы, истреблялся скот.

Трудности в сельском хозяйстве еще более усугубились стихийным бедствием — засухой, которая охватила в 1920 году ряд центральных губерний и Поволжье, а это привело к еще более резкому падению урожайности, к голоду. В. И. Ленин говорил, что «неурожай 1920 года ухудшил положение крестьян до невероятности» [1].

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, стр. 303.

Упадок сельскохозяйственного производства при истощении государственных запасов хлеба привел к продовольственному кризису.

Отмечая общее политическое укрепление Советского государства к концу 1920 года, В. И. Ленин обращал внимание на серьезные хозяйственные трудности, с которыми столкнулась республика в результате антинародной политики царского и Временного буржуазного правительств, империалистической и гражданской войн: «Россия из войны вышла в таком положении, что ее состояние больше всего похоже на состояние человека, которого избили до полусмерти: семь лет колотили ее, и тут, дай бог, с костылями двигаться!» [1]

К экономическому кризису прибавлялся кризис политический, «который проявился в недовольстве крестьян политикой «военного коммунизма», в особенности продразверсткой, введенной как вынужденная мера во время войны» [2].

Признавая политику «военного коммунизма» в определенной мере заслугой Коммунистической партии, В. И. Ленин выступал против рассмотрения ее как обязательной в период перехода от капитализма к социализму. ««Военный коммунизм»,— писал он,— был вынужден войной и разорением. Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой. Он был временной мерой» [3].

Тем не менее законы о продразверстке, о запрещении свободной торговли, о применении трудовой и гужевой повинности, сыграв важную роль в деле материального обеспечения рабоче-крестьянского государства в годы войны, продолжали действовать и когда гражданская война пошла на убыль. В деревне стал нарастать протест против системы «военного коммунизма», который не отвечал экономическим интересам мелкотоварного производителя. Назревала необходимость перехода к такой экономической политике, которая обеспечила бы рост хозяйственной инициативы товаропроизводителя.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, стр. 68.

[2] «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 4, кн. 1. М., 1970, стр. 10.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, стр. 220.

В Центральный Комитет РКП(б), во ВЦИК, в редакции газет стали поступать жалобы на непосильность продразверстки, тяжесть повинностей. Только в адрес газеты «Беднота» в начале 1921 года ежедневно приходило более сотни крестьянских писем.

Редактор «Бедноты» В. А. Карпинский сообщал Владимиру Ильичу Ленину, что деревня переживает самый острый экономический и политический кризис, грозящий самому существованию советского строя. Настроение крестьян характеризуется озлобленностью и возмущением одних и отчаянием и безнадежностью других. Для крестьянина в целом характерно растущее сознание, что дальше так продолжаться не может.

Это недовольство усугублялось неурожаем, охватившим многие губернии Центральной России. К тому же в 1920 году в связи с освобождением Сибири, Украины и Северного Кавказа был намечен более высокий, чем в предыдущие годы, объем хлебозаготовок[1]. Но из-за войны с буржуазно-помещичьей Польшей и Врангелем, а также дезорганизации транспорта и неналаженности аппарата Советской власти в освобожденных районах основная тяжесть продразверстки по-прежнему легла на плечи крестьян Центральной России.

В. И. Ленин обращал внимание и на то, что внутренний политический кризис Советской России привел к недовольству не только значительной части крестьянства, но и рабочих. На почве ухудшения материального положения, голода и экономической разрухи обнаруживался физический и моральный упадок сил рабочего класса, снижалась его трудовая и политическая активность.

Постепенно экономический фактор стал перерастать в фактор политический. Обострение классовой борьбы в условиях гражданской войны и всеобщей хозяйственной разрухи, усталости рабочего класса и недовольства значительной части крестьянства привело

[1] 423 млн. пудов вместо 319 пудов в 1919 г. Более того, принудительные государственные заготовки пришлось распространить на все продукты сельского хозяйства (см. «Четыре года продовольственной работы. Статьи и отчетные материалы». М., 1922, стр. 18, 22—23).

к весне 1921 года к острому политическому кризису внутри Советской России, которым тут же, после провала планов свергнуть Советскую власть с помощью вооруженных сил интервентов и белогвардейцев, решили воспользоваться империалисты и остатки антинародных партий — кадеты, эсеры, меньшевики, буржуазные националисты и другие. Они перешли к поддержке и организации в разных районах страны кулацких восстаний, диверсионных и террористических актов, рассчитывая таким образом взорвать Советскую власть изнутри. Кулацко-эсеровские мятежи, поднятые в ряде районов страны, в том числе в Сибири, на Украине, в Белоруссии, в Поволжье, представляли серьезную угрозу социалистическим завоеваниям Октября. Преследуя цель — свержение Советской власти и восстановление старых порядков, они отвлекали трудящихся от решения насущных задач восстановления народного хозяйства, срывали выполнение плана хлебозаготовок во многих районах страны и продовольственное снабжение республики, нарушали нормальную работу транспорта, мешали проведению политических и экономических мероприятий.

Особая опасность этой формы классовой борьбы заключалась в ее возможности охватить широкие массы крестьян. А как отмечал В. И. Ленин, в момент крутой ломки общественных отношений со стороны крестьян и мелких буржуа вообще неизбежны «переходы от одной стороны к другой, колебания, повороты, неуверенность и т. д.» [1] Он подчеркивал, что мелкобуржуазная контрреволюция, разгулявшаяся к весне 1921 года, «более опасна, чем Деникин, Юденич и Колчак вместе взятые» [2].

Выступая на собрании партийного актива Москвы 24 февраля 1921 года, В. И. Ленин призывал «бороться с создавшимся положением, которое ухудшилось и во внутреннем и в международном отношении. Мир с Польшей до сих пор еще не заключен, внутри — рост бандитизма и кулацкие восстания» [3].

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 280.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, стр. 24.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, стр. 348.

Обстановка в губернии

В Тамбовской губернии[1] несколько раньше, чем по всей стране[2], определились признаки острого экономического и политического кризиса. Объясняется это прежде всего тем, что общие хозяйственные и политические трудности, характерные для страны в целом, в Тамбовской губернии усугублялись социальным составом населения (малочисленному и распыленному рабочему классу противостояла масса крестьянства, включавшая сравнительно большой процент сельской буржуазии).

Несмотря на то, что в результате победы Великого Октября крестьянство губернии получило в безвозмездное пользование свыше 2 миллионов десятин конфискованных помещичьих, церковных и других земель, было освобождено от уплаты аренды помещикам и задолженности крестьянскому Поземельному банку, распределение помещичьих, удельных, церковных и монастырских земель, проведенное уравнительным путем, не решило вопроса об общем экономическом подъеме хозяйств крестьянской бедноты и середняков. Не хватало инвентаря, тягловой силы.

В годы войны производительность сельского хозяйства губернии резко упала, особенно когда в связи с прорывом Южного фронта корпусом Мамонтова

---

[1] Губерния делилась на 12 уездов, имела один губернский и 11 уездных городов, 13 поселков городского типа, 361 волость с 3460 сельскими населенными пунктами (села, деревни, хутора). Из 3 млн. 650 тыс. человек на долю сельских жителей приходилось 3 млн. 382 тыс. человек. Население городов и поселков городского типа составляло всего 268 тыс. человек. Наиболее крупными по площади и населению уездами были Тамбовский, Козловский, Борисоглебский, Кирсановский, Моршанский. По плотности населения Тамбовская губерния была одной из густонаселенных в РСФСР (62 человека на 1 кв. версту, двенадцатое место по плотности среди других губерний («Сборник очерков по вопросам экономики и статистики Тамбовской губернии». Тамбов, 1922, 1, стр. 6)).

[2] Как известно, наступление экономического и политического кризиса в стране В. И. Ленин относил к весне 1921 г. (см. т. 44, стр. 159; т. 45, стр. 282).

на ее территории развернулись военные действия. Постоянное передвижение войск по губернии, военные постои, реквизиция хлеба и скота, а также открытый грабеж крестьянства белыми и всякого рода бандами — все это разоряло тамбовскую деревню. Более половины крестьянских дворов не имели лошадей. К 1920 году посевные площади в губернии по сравнению с 1917 годом сократились на 34 процента.

Сокращение трудоспособной части населения из-за многочисленных мобилизаций, изношенность и непригодность сельскохозяйственных орудий и большой недостаток лошадей привели не только к уменьшению посевов, но и к ухудшению обработки полей, к нарушению агротехники, резкому снижению урожайности.

Особенность социально-экономического развития Тамбовской губернии заключалась в том, что и в первые годы Советской власти там сохранялся высокий процент зажиточного крестьянства, настроенного враждебно к государству диктатуры пролетариата. Доля кулацких хозяйств в некоторых уездах доходила в 1920 году в среднем до 14 процентов. Не удивительно поэтому, что на Тамбовщине с давних пор была сильная организация партии эсеров, опиравшаяся на зажиточное крестьянство. И это имело конкретные результаты в политическом развитии губернии уже после Октябрьской революции: все мероприятия Советской власти в деревне встречали здесь скрытое или явное сопротивление эсеров и той части крестьянства, которая шла за ними.

Уровень развития промышленности Тамбовской губернии был невысоким. Из 8 тысяч предприятий лишь на 15 работало по 500 и более человек, подавляющее же число рабочих было занято на мелких предприятиях, большая часть которых носила кустарный характер. Господствующую роль играла пищевая промышленность: винокурение, свеклосахарные и крахмалопаточные заводы, маслобойни, мельницы и др.

Состояние и размещение промышленности определяло как численный, так и качественный состав пролетариата губернии. И к тому же незначительная его кадровая часть резко сократилась за счет военных мобилизаций и выдвижения на партийно-советскую работу, а пополнение шло за счет малосознательных выходцев из деревни. Это способствовало усилению мел-

кобуржуазного влияния на рабочих Тамбовской губернии.

Военная разруха и недород 1920 года принесли трудящимся Тамбовщины новые испытания. Росла дороговизна, падал уровень реальной заработной платы, деньги обесценивались, рыночные цены неуклонно поднимались. Прожиточный минимум непрерывно возрастал. Особенно вздорожали соль, керосин, сахар, ситец, растительное масло, мука.

В течение всей гражданской войны из губерний, сравнительно близко расположенных к центральным промышленным районам и связанных с ними удобными путями сообщения, Советское государство вынуждено было черпать продовольственные ресурсы для армии и городского населения. По мере сужения территории республики, свободной от военных действий, требования к ее центральным районам, в том числе и к Тамбовской губернии, все более возрастали. На нее была наложена чрезвычайно обременительная продразверстка и в неурожайном 1920 году, когда засуха и бескормица обрушились на крестьянские хозяйства в ее южных и юго-восточных, близких к Поволжью, районах. Интересы тамбовского крестьянина как мелкого собственника, мелкого товаропроизводителя были задеты довольно сильно. На это и сделали ставку кулацкие слои деревни и контрреволюционные партии, приступая к организации антисоветского мятежа.

Местные коммунистические силы были слабы[1]. В ряды партии проникали классово чуждые элементы. Некоторые деревенские ячейки подчас целиком состояли из бывших эсеров и анархистов, среди которых были и лица, вступившие в РКП(б), чтобы вести подрывную работу изнутри. Наиболее активной враждебной революции силой была партия эсеров.

---

[1] К августу 1920 г. в 685 местных организациях насчитывалось 13 490 членов и кандидатов в члены партии, из них в городских — 8498, в сельских — 4992 человека. Однако многие члены партии не имели еще твердой большевистской закалки. Во время перерегистрации в июле 1919 г. из рядов РКП(б) было исключено около 5 тыс. человек, а с июля 1920 г. по январь 1921 г., в период очередной перерегистрации, большевистская организация губернии уменьшилась более чем на 5 тыс. человек (см. «Коммунист», Тамбов, 1920, № 2-3, стр. 19; *Н. А. Окатов.* Тамбовская парторганизация в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.). Тамбов, 1961, стр. 9).

В частности, многие эсеры оказались в продотрядах и всячески способствовали злоупотреблениям при взимании продразверстки, что вызывало недовольство крестьян политикой Советской власти по отношению к ним. Так искусственно в крестьянской среде создавались антисоветские настроения.

Замыслы контрреволюции

Антоновский мятеж, названный так по имени его главаря, был одним из звеньев, пожалуй самым существенным, в общей цепи заговоров против Советской власти, организованный и санкционированный прежде всего партией эсеров, которая имела крепкую организацию в Тамбовской губернии еще до Октябрьской революции, сохранив свое влияние и в первые годы Советской власти. Из губернии вышло немало лидеров этой партии, в том числе В. Чернов, М. Спиридонова и другие. Именно она оформила стихийное крестьянское недовольство в организованный антисоветский мятеж. Именно ей принадлежит главная роль в выработке идеологической платформы мятежа и его лозунгов.

Из тамбовских лесов невидимые нити тянулись в эсеровские конспиративные квартиры и губернского центра, и Москвы, и дальше, за границу, в белоэмигрантские ставки.

Многие эсеры, формально отмежевавшиеся от своей партии, занимали ответственные посты в исполкомах волостных, уездных Советов и даже в органах губернской чрезвычайной комиссии и милиции. В подрывной работе они искусно использовали результаты хозяйственной разрухи, тяжелое материальное положение деревни, а также политическую малограмотность крестьянского населения, его колебания и неустойчивость в условиях обостренной классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией.

Их тактика заключалась в дискредитации Коммунистической партии и советских органов в глазах кре-

ствянства. Эсеры использовали в своей агитации имевшие место ошибки и искривления партийной линии при проведении политики партии на местах, случаи нарушения советской демократии и законности; они противопоставляли город деревне, пытаясь создать атмосферу вражды между крестьянами и рабочими.

Особое внимание уделялось подрыву продовольственной работы в деревне. Немало эсеров именно с этой целью проникло в продотряды. Они-то и были инициаторами незаконных действий по отношению к крестьянам при сборе хлеба по продразверстке, умышленной порчи и уничтожения на глазах местного населения заготовленного продовольствия и сырья.

С весны 1920 года губернская эсеровская организация активизировала антисоветскую работу среди тамбовского крестьянства. Это, бесспорно, было связано с тем, что белопольские войска, успешно продвигаясь на восток, 6 мая захватили Киев. В подрывной работе тамбовские эсеры руководствовались циркулярным письмом местным организациям партии эсеров, подписанным идеологом кулачества В. М. Черновым 13 мая 1920 года [1].

Но прежде ЦК партии эсеров дал указание своим местным организациям приступить по всей стране к созданию нелегальных крестьянских союзов, которые должны были явиться основой подготовки широкого антисоветского восстания. Они назывались в Тамбовской губернии «союзами трудового крестьянства» (СТК); как правило, их возглавляли эсеровские активисты. Через эти союзы они рассчитывали расширить свое влияние среди крестьян. К началу лета 1920 года в губернии были созданы многочисленные деревенские

[1] Правда, центральные органы этой партии отрицали свою связь с мятежом, утверждая, что созданные ими на Тамбовщине «союзы трудового крестьянства» не имеют ничего общего с теми «союзами», которые организовывались там Антоновым и его «сподвижниками». Но это были демагогические утверждения. «Партия, разбитая в гражданской войне,— отмечается в приговоре по делу ЦК партии эсеров на судебном процессе 1922 г.,— сперва колебнулась влево под влиянием побед Красной Армии, но, когда республике стала угрожать новая опасность, партия эсеров занимает снова открыто враждебную по отношению к Советской власти позицию. Обессиленная, она не может сразу ринуться в бой. Но она не отказывается от вооруженной борьбы, наоборот, ставит себе задачей политическую и организационную подготовку вооруженного восстания» («Правда», 9 августа 1922 г.).

ячейки, губернские, а также уездные, районные и волостные комитеты «Союза трудового крестьянства». Первичные ячейки «союза» создавались главным образом в селах и деревнях с крепкими кулацкими хозяйствами. В первую очередь они были образованы в селах Тамбовского и Кирсановского уездов — центрах будущего мятежа.

В особой инструкции Тамбовский губком эсеров определил характер комитетов «союза»: им надлежало быть подпольными, обладать административной властью, оказывать всемерное содействие отрядам мятежников, выполнять карательные функции (вплоть до расстрела); члены комитетов не избирались, а назначались вышестоящими органами.

Опираясь на ячейки и комитеты «союза», губернский комитет партии эсеров развернул широкую работу по подготовке восстания: устанавливались тесные связи с бандами, формировались подпольные боевые дружины, заготовлялось оружие, велась антисоветская пропаганда и агитация.

Политическим знаменем антисоветского мятежа явилась программа тамбовского «Союза трудового крестьянства», разработанная эсеровскими идеологами. В ее вступительной части определялись основные задачи «союза» и его организаторов. Не провозглашая открыто антисоветских целей, программа призывала к свержению власти Коммунистической партии — правящей партии страны. «Союз трудового крестьянства,— говорилось в ней,— ставит своей первой задачей свержение власти коммунистов-большевиков» [1].

Отсутствие в программе антисоветских лозунгов не было случайным явлением и объяснялось изменением тактики борьбы мелкобуржуазных партий и кулачества против диктатуры пролетариата. Если летом 1918 года они открыто, с оружием в руках выступали против Советской власти, то в 1920—1921 годах обстановка резко изменилась и откровенно антисоветские лозунги уже не пользовались поддержкой даже у малосознательной части трудящихся. Наиболее злостное контрреволюционное кулачество было в основном разбито, комбеды на селе упрочили позиции дере-

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 13, д. 1008, л. 3.

венской бедноты. Советская власть за годы гражданской войны завоевала огромный авторитет и признание народа. Поэтому контрреволюционные силы, сняв откровенно антисоветские лозунги, выдвинули новые — «За свободные Советы», «Советы без коммунистов»,— рассчитывая хотя бы временно привлечь на свою сторону широкие слои крестьянства. Однако контрреволюционная и антисоветская сущность борьбы кулачества, подстрекаемого эсеровскими идеологами, от этого не изменилась.

Географические рамки распространения мятежа свидетельствовали о том, что наибольшее развитие он получил в тех уездах и районах, где была крепкая эсеровская организация, где кулачество с его мелкобуржуазной идеологией не без основания видело в упрочении Советской власти свой близкий конец. Сельская буржуазия надеялась в результате мятежа восстановить былое экономическое господство в деревне. И путь к этому господству был у нее один — свержение Советской власти.

Эсеры и буржуазная контрреволюция вообще, указывал Ленин, во имя свержения Советской власти нередко выдвигают «лозунги восстания якобы во имя Советской власти против Советского правительства России» [1]. Надеясь выхолостить из Советов революционное содержание, они предполагали использовать их в своих, контрреволюционных целях. Раскрывая сущность призывов мелкобуржуазных партий, В. И. Ленин говорил на X съезде РКП(б): «Все они приходили с лозунгами равенства, свободы, учредилки, и они не один раз, а много раз оказывались простой ступенькой, мостиком для перехода к белогвардейской власти» [2].

Как известно, лозунг «Советы без коммунистов» нашел поддержку в лагере империалистической реакции и белогвардейской контрреволюции. «...Буржуазная контрреволюция и белогвардейцы во всех странах мира,— отмечал Ленин,— сразу выявили свою готовность принять лозунги даже советского строя, лишь бы свергнуть диктатуру пролетариата в России...» [3]

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, стр. 90.
[2] Там же, стр. 25.
[3] Там же, стр. 90.

Демагогические лозунги «Советы без коммунистов», «Истинное народовластие» и др. служили ширмой для реакционных целей организаторов мятежей. Действительные же цели контрреволюции проявлялись в ее делах. Все кулацко-эсеровские мятежи, в том числе и антоновщина, начинались, как правило, с разгрома местных органов Советской власти, расстрела преданных ей работников, создания своих органов управления.

В 17 пунктах программы СТК были изложены цели этой борьбы. До созыва Учредительного собрания эсеры требовали установления «временной власти на местах и в центре на выборных началах союзами и партиями, участвующими в борьбе с коммунистами»[1].

В программе содержалось требование денационализации промышленности — возвращения фабрик и заводов их прежним владельцам. Она выступала за широкое развитие частного предпринимательства.

Выполнение этой программы вело к установлению власти буржуазии, к созданию единого фронта борьбы против Советской власти от эсеров до кадетов и монархистов. Уже сам по себе призыв к объединению всех сил для борьбы с правящей партией и обращение к истрепанному знамени Учредительного собрания достаточно ясно говорили о контрреволюционных замыслах организаторов восстания.

Программа была ярким выражением кулацко-эсеровской диктатуры. Ее сущность хорошо определила газета «Известия», орган Тамбовского губернского исполнительного комитета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. В номере от 21 мая 1921 года говорилось: «Вы знаете, что такое СТК? Эсеро-бандиты читают это «Союз трудового крестьянства», на деле же это значит «Союз тамбовских кулаков»».

Эсеры «обнадеживали» местных крестьян якобы широкой поддержкой антисоветской борьбы за рубежом, получением скорой помощи из-за границы. «Знайте,— говорилось в одном из эсеровских воззваний,— что к вам на помощь идет ваша, крестьянская (!) партия социал-революционеров. Только на

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 13, д. 1008, л. 3.

днях закончился в Париже съезд членов Учредительного собрания, на котором большинство решило всячески поддержать социалистов-революционеров, а эти, устами лучших своих вождей — Чернова, Керенского, Авксентьева, объявили, что будут вести вооруженную борьбу с большевиками. Итак, помощь не за горами»[1].

Контрреволюционная деятельность руководства эсеровской партии не ограничивалась составлением и рассылкой подобных директив и наказов. В районы обострения классовой борьбы и политического бандитизма ЦК партии правых эсеров посылал также своих эмиссаров и боевиков, имевших опыт в организации вооруженных провокаций и диверсий.

В отчете о работе ЦК РКП(б) за период от IX до X партсъезда говорилось, что эсеры «направляют все свои усилия к подготовке широкого массового выступления против существующей Советской власти. Они строят свои планы на том крестьянском движении, которое, по их мнению, должно начаться в России весною. Имена как заграничных лидеров эсеров, так и находящихся в России членов партии эсеров связаны с теми кулацкими выступлениями, которые имели место в Тамбовской, Воронежской и Тюменской губерниях... Они надеются поднять в России восстание и на гребне этого крестьянского восстания вернуться к власти»[2].

Эсеровские печатные органы и циркуляры рассматривали антоновщину как начало всенародного восстания против Советской власти. ЦК партии правых эсеров провел мобилизацию сил партии, чтобы поддержать это движение.

Теоретическая база антисоветского мятежа была разработана в недрах партии эсеров. Но, как известно, теория без практики мертва. Эсерам нужен был человек, который бы эту теорию попытался воплотить в жизнь. И такой человек нашелся. Им стал Антонов[3].

---

[1] *Ем. Ярославский.* Третья сила. М., 1932, стр. 138.
[2] «Известия ЦК РКП(б)» № 29, 7 марта 1921 г., стр. 7.
[3] А. С. Антонов, уроженец Кирсановского уезда, был исключен из реального училища за хулиганские действия и примкнул к группе уголовных бандитов. В 1905 г. он вступил в партию эсеров и после ряда «экспроприаций» винных погребов и нескольких убийств политических чинов прослыл «опытным» террори-

Окружение его было довольно пестрым: кулаки, офицеры, уголовники. Всех их объединяла ненависть к Советской власти [1].

Один из организаторов эсеро-кулацкого движения на Тамбовщине, эсер с 1905 года Ф. Подхватилин, близко стоявший к главарям «антоновщины», а затем добровольно сдавшийся частям Красной Армии, так характеризует доверенных лиц Антонова, ставших руководителями мятежа: «Заговорщики и главари бандитизма — это люди в большинстве своем полуграмот-

---

стом-экспроприатором. Вскоре за уголовные преступления был сослан в Сибирь, но после Февральской революции вновь появился в Кирсанове и как «пострадавший» от самодержавия с помощью старых партийных связей пробрался к руководству местной милиции. К моменту мятежа 1920 г. он стал называть себя беспартийным, надеясь нажить на этом политический авторитет среди крестьян.

[1] Главными советниками Антонова по военным и организационным делам были Петр Токмаков и Иван Ишин, тоже жители Кирсановского уезда, кулаки.

Токмаков, подпоручик старой армии, уголовник-конокрад, человек без принципов, в родном селе Ивановке считался «хорошим... разбойником». В 1918 г. был назначен Антоновым волостным милиционером Трескинской волости, активно занимался антисоветской и уголовной деятельностью.

Ишин — кулак деревни Калугино, эсер с 1905 г. Являясь казначеем своей партийной организации, присвоил 40 тыс. руб. Лавочник-спекулянт. За уголовные преступления подвергался ссылке, после свержения самодержавия вновь появился на Тамбовщине, заняв должность председателя земства Курдюковской волости.

Среди других главарей мятежа выделялись: Александр Богуславский — из помещичьей семьи, кадровый офицер царской армии, человек, видевший в мятеже случай для быстрой военной карьеры; Василий Селянский, уроженец деревни Пахотный Угол, еще до революции известный конокрад, дезертировал из Красной Армии, создал в северной части Тамбовского уезда отряд головорезов. Он и его банда наводили ужас на жителей близлежащих сел и деревень; Григорий Плужников, житель села Кашинка, Тамбовского уезда, старый эсер, кулак.

В ближайшем окружении Антонова были и правый эсер-террорист кулак Петр Давыдов, и кулак села Рамзы эсер Максим Юрин (Герман), вор-рецидивист, дезертир. Остальные вожаки мятежников — Васька Карась, Агаиец, Маруся Косова и другие,— как правило, все с уголовным прошлым, из кулацких семей. Это объединяло их в борьбе с Советской властью.

Несколько особняком стоит Павел Эктов, штабс-капитан царской армии, мобилизованный в повстанческую армию. Он был у Антонова помощником начальника штаба.

Такова была руководящая верхушка «крестьянского восстания».

ные, крайне грубые и невежественные. В партийных делах и программных вопросах они не разбирались. Большинство руководителей выпущенной программы восстания не понимают... Они не придерживались ее в своей работе и действиях. Грабеж, пьянство, насилие, безразборчивые убийства и расстрелы тружеников — вот по существу их «программа»» [1].

Еще в 1917 — начале 1918 года, находясь на посту начальника Кирсановской уездной милиции, Антонов начинает действовать: путем обмана и воровства накапливает значительные запасы оружия, разоружив несколько чехословацких эшелонов, следовавших на восток через станцию Кирсанов, и создает пока малочисленный отряд, называемый дружиной, основу которой составляли несколько десятков отъявленных головорезов — кулаков. Боясь разоблачения, он уходит в подполье.

Основным местопребыванием Антонова и его подпольной организации стали села Кашино и Афанасьево, Каменской волости, Тамбовского уезда, и бывшее имение Шашлавцева в деревне Белхоншино. Там устраивались тайные собрания, хранилось оружие.

Во время рейда белогвардейской конницы генерала Мамонтова по тылам Южного фронта (она появилась на Тамбовщине в августе 1919 года) Антонов посылал к Деникину за получением задания своих доверенных лиц — Якимова и Санталова, которые срочно выехали в Балашов и Урюпино для установления прямой связи между деникинским командованием и «штабом» Антонова.

Тамбовский губком эсеров, одобряя погромную деятельность Антонова, постоянно подстрекал его к широкому антисоветскому выступлению. 10 июня 1920 года в селе Каревка, Александровской волости, Тамбовского уезда, состоялся съезд делегатов партии эсеров. На нем было решено немедленно организовать две роты (400 человек) из числа членов эсеровской партии и дезертиров. Вооруженные действия намечались на 13—15 июля в деревне Синие Кусты,

[1] «Антоиовщииа. Статьи, воспомииаиия и другие материалы к истории эсеро-бандитизма в Тамбовской губ.». Тамбов, 1923, стр. 26.

Туголуковской волости, Борисоглебского уезда. Но попытка эта не удалась.

Мятеж начался в августе.

Первое время антоновцы, чтобы привлечь на свою сторону крестьян, старались не трогать индивидуальные хозяйства, «организуя» свое снабжение за счет грабежа государственных ссыпных пунктов, складов и магазинов, а также общественного добра совхозов и коммун. Чтобы привлечь к себе симпатии крестьян, мятежники в провокационных целях практиковали раздачу захваченного имущества и продовольствия местным жителям.

Вот примерная картина того, как разрастался мятеж и создавалась повстанческая «армия», картина, нарисованная на основании документальных источников того времени активным участником борьбы с антоновщиной М. И. Покалюхиным[1].

Мирное село. Все в поле, на уборке ржи.

Вдруг — звон колоколов, суета; два-три вооруженных всадника сгоняют народ на собрание.

Не зная, в чем дело, мужики идут на сход, оставив цепы на токах.

В некоторых вооруженных всадниках они узнают вчерашних дезертиров.

— Советская власть свергнута,— объявляют они,— коммунисты «недействительны». Мы, антоновцы, теперь власть!

По заранее приготовленному списку называются фамилии «подпольников» — «членов штаба восставших крестьян».

— Кто за утверждение штаба? — спрашивает один из антоновцев, поигрывая наганом.

При полном молчании ни одна рука не поднимается.

— Кто против?

Снова молчание.

— Значит, возражений нет. Считать штаб избранным, а село присоединенным к восстанию.

Никто не осмеливается уйти первым, толпа угрюмо молчит.

— Ну, теперь расходись, а штаб — остаться! — объявляет кто-нибудь из мятежников.

---

[1] См. «Антоновщина...», стр. 71—75.

Мужики осторожно, вполголоса обсуждают случившееся, долго толкуют, потом расходятся и неохотно принимаются за работу.

«Штаб» же в составе трех, а то и пяти человек в присутствии приехавших бандитов-организаторов заседает обычно в избе самого богатого кулака или священника. «Начальник штаба» назначался обычно самим Антоновым.

Старший из бандитов объявлял волю Александра Степановича и говорил новому «главе» «восставшей деревни»:

— Первым делом собрать всех коммунистов, сельсоветчиков, милиционеров, агентов разных... Поглядим, что за народ, а там и решение примем.

И вот уже арестованы представители Советской власти, члены Коммунистической партии, сочувствующие им. Их запирают в амбар. Село терроризировано, люди опасаются друг друга, не показываются на улице. Никто толком не понимает, что произошло.

Вечером опять село собирают набатом. За невыход можно попасть в амбар.

На этот раз приехал «сам Антонов». На митингах и сходках «сам» редко выступал. Для «разговоров» у него были специальные люди. Одним из таких был Иван Ишин, знаменитый деревенский говорун. У него всегда выходило так, что «врагами народа» являются все, кто не идет за Антоновым.

Длинная речь Ишина заканчивалась обычно провозглашением на селе власти «народного вождя» Антонова.

После этого из наиболее «надежных людей» штаб назначал «десятских»: их имена громогласно объявлялись сходу; «десятские» в свою очередь назначали крестьян «в подводы», на посты вокруг села, на наблюдательные пункты и т. д.,— село принимало вид военного лагеря: около штаба стоял пулемет; выставлялись караулы из мужиков, иногда с обрезами, а чаще всего с вилами, кольями и пр.; на мельнице и колокольне сидели наблюдатели, чтобы врасплох не налетела «краснота» (так Антонов называл красных). Дрожащими руками крестьяне брали «оружие» (преимущественно вилы) и шли, куда посылал их «начальник штаба». Того, кто пытался возражать или отказываться, немедленно сажали в амбар. Из амбара

выводили коммунистов, комсомольцев, милиционеров, агента упродкома, инструктора наробраза, советского агронома, крестьянина, отказавшегося идти на пост... Более видных деятелей Советской власти казнили на глазах у народа. Остальных арестованных отводили в овраг или лощину и зарубали.

Штабу «мятежного» села обычно сам Антонов отдавал приказ: «Всех, кто словом или делом будет мешать нам,— в яругу и башку долой... В село никого не впускать... Установить своим пропуск, а чужих задерживать. Подозрительных без всяких рассуждений в яругу. Если придет малый отряд красноты, обезоружить и в яругу. Если сильный отряд явится, попрятаться и донести мне. А в случае кто будет выдавать красным наших — беспощадно рубить...»

Переночевав в селе, наутро антоновские активисты собирают опять все его население, но уже с «оружием» — с вилами, топорами, кольями,— и вместе со своей «гвардией» ведут его в соседнее село. А там, как правило, проделывалось то же самое.

Крестьян-тружеников, проявлявших симпатии к Советской власти, антоновцы секли плетьми, избивали прикладами, мучили и расстреливали. Они не щадили ни женщин, ни стариков, ни детей. Жители села Уварова, Кирсановского уезда, были свидетелями дикого издевательства антоновцев над 12-летним мальчиком Сережей. Бандиты, куражась, заставляли его петь и плясать, но, когда он в своих незамысловатых куплетах задел мятежников, они отрезали ему ухо; он продолжал петь, тогда ему отрубили нос, а затем, когда, видя свою неминуемую гибель, дошедший до отчаяния мальчик бросил в лицо бандитам слова о том, что коммунисты строят новую жизнь, а бандиты ее разрушают и разоряют народ, ему отрубили голову.

В докладе Центральному Комитету Борисоглебский уездный комитет РКП(б) сообщал, что в захваченных бандитами селах население в полном смысле терроризировано, материальные убытки колоссальны и исчисляются миллиардами (в старом масштабе цен), положение с живым инвентарем в крестьянских хозяйствах, которое и без того было тяжелым, уже после нескольких месяцев антоновщины становится катастрофическим. «Грабежи, насилия, чудовищные зверства и разрушения,— подчеркивалось в этом докла-

де,— являются обычным делом их, превосходящим все то, что можно было бы даже ожидать от зверя-человека. Те издевательства и мучения, которым подвергают свои жертвы бандиты, неописуемы... Расстрелы почти не применяются с целью сбережения патронов...» [1]

Особенно жестоко бандиты расправлялись с членами большевистской партии, работниками продовольственных органов, чекистами. Один из очевидцев антоновских зверств, в декабре 1920 года побывавший в Тамбовской губернии, докладывал в ЦК РКП(б) и ВЧК: «В деревнях при поимке товарищей коммунистов они терзают их, отрезая сперва конечности, выкалывая глаза, вскрывают живот и, набив бумагой и опилками, зажигают живые факелы; насытившись вдоволь муками своих жертв, они изрубливают их и оставляют трупы на земле для кормежки собак, и под страхом смерти никто не смеет убрать трупы, пока банда не скроется. Жертвою этих зверей падают не только товарищи коммунисты, но также и их семьи, и их имущество, и сами жилища сжигаются дотла» [2].

После того как село «очищалось» таким изуверским способом от всех сторонников Советской власти, антоновцы объявляли все мужское население от 18 до 55 лет мобилизованным в повстанческую армию. Организованные отряды нескольких сел создавали «полк». Всякое уклонение каралось немедленной расправой.

Военные силы мятежников были организованы по типу регулярных войск. Отряды (сотни) сводились в полки и бригады. 14 ноября 1920 года на заседании командного состава всех отрядов мятежников, на котором присутствовали и представители губкома партии эсеров, была образована «единая партизанская армия Тамбовского края», создан главный оперативный штаб из пяти человек во главе с Антоновым. В состав главоперштаба антоновской «армии» входили: Антонов, Токмаков, Богуславский, Губарев, Митрофанович — все эсеры. В штабе и среди командного состава антоновцев было много бывших царских офицеров. Все силы мятежников были разделены

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, д. 563, л. 258.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, ед. хр. 599, л. 114.

на две «армии»[1]. Всего было образовано 14 «полков» и 5 кавалерийских особого назначения, являвшихся главным ядром армии Антонова. В каждом «полку» насчитывалось от 400 до 1000 человек, и действовал он обычно в районе своей волости.

В политическом отношении военные силы мятежников подчинялись губкому «Союза трудового крестьянства», который находился в селе Каменка, Тамбовского уезда. Фактически одни и те же лица входили в губернский комитет эсеров, возглавляемый кулаком Г. Плужниковым, и в губком «Союза трудового крестьянства» во главе с эсерами И. Ишиным и П. Токмаковым. При губернском комитете СТК были организованы канцелярия, агитационный отдел, милиция.

Для поддержания дисциплины в армии мятежников были введены телесные наказания[2]. Этими мерами антоновцы хотели поднять боеспособность отрядов, заставить многих насильно мобилизованных крестьян беспрекословно подчиняться эсеро-кулацким вожакам.

В каждом полку была учреждена должность палача, на обязанности которого лежало выполнение смертных приговоров над пленными — советскими работниками, коммунистами, красноармейцами.

Кроме регулярных войск мятежники располагали также милиционными частями, вооруженной охраной,

---

[1] В 1-ю «армию» входило 9 «полков»: 1-й Каменский, 2-й Борисоглебский, 3-й Пановский, 6-й Савальский, 7-й Тамбовский, 10-й Больше-Карачанский, 11-й Павлодарский, 12-й Токаревский и 13-й Витюговский. Армией командовал бывший полковник царской армии Богуславский.

Во 2-ю «армию» входило 4 «полка»: 3-й Кирсановский, 4-й Низовой, 8-й Пахотноугловский и 9-й Семеновский. Штабом этой армии руководил сам Антонов, командующим был Токмаков. Особые кавалерийские полки в состав армии не входили, подчиняясь лично Антонову и его главоперштабу. Были и некоторые другие подразделения, в частности действующие в смежных губерниях (Воронежская, Саратовская, Пензенская).

[2] О значении этой средневековой меры поддержания дисциплины в воинских частях мятежников говорит тот факт, что система телесного наказания была детально разработана. Командир отделения имел право назначать до пяти розог, взводный — до десяти, эскадронный — до пятнадцати. О характере проступков свидетельствует один из приказов по Мало-Алабушскому отряду мятежников. «Партизан Гличиков,— говорится в приказе № 12,— за халатное отношение по службе, выражающееся в плохом уходе за лошадьми, побои спины седлом, о чем не докладывал начальству, наказан 15 розгами, а командир взвода Пивоваров за незнание обязанностей подвергнут наказанию 15 розгами».

занятой внутренней службой, в частности охраной комитетов СТК.

Комитеты СТК, а их к середине января 1921 года было создано уже около 900, подбирали для частей мятежников политических руководителей, занимались печатанием и распространением контрреволюционных воззваний и приказов, выполняли в занятых антоновцами местностях роль временных органов гражданского управления. Через них шло материальное снабжение отрядов, пополнение их новыми «добровольцами». При укомах и райкомах СТК действовали «суды», налагавшие жесткие дисциплинарные взыскания. Союзы трудового крестьянства располагали широкой сетью осведомителей и шпионов. Набор «добровольцев» проводился с помощью провокаций, запугивания и прямых репрессий. Там, где крестьяне не хотели вступать в антоновские банды, использовались наглый обман и угрозы. За уклонение от службы в отрядах мятежников применялись меры наказания вплоть до расстрела, целые села и деревни сжигались и разрушались.

Первые шаги в борьбе с мятежом

Начавшись в августе 1920 года, контрреволюционный мятеж быстро разрастался. Его центром стало село Каменка, Инжавино-Сампурского района, Тамбовского уезда, где был высокий процент кулацких хозяйств и скрывалось много дезертиров, уклонявшихся от призыва в Красную Армию. 19 августа 1920 года местный Совет депутатов в Каменке был разогнан, почти все его члены убиты. На «созванном» в принудительном порядке собрании жителей близлежащих сел (Каменка, Кашинка, Афанасьево и др.) эсер Г. Н. Плужников обратился к толпе испуганных крестьян с речью. Суть его выступления была недвусмысленна: «Началось крестьянское восстание против Советской власти!»

Вооруженные отряды появились в районе станций Сампур и Ржакса. Вскоре мятеж перекинулся из Тамбовского в другие уезды губернии — Кирсановский,

Борисоглебский, Козловский, Моршанский. Довольно крупные отряды, состоявшие преимущественно из всадников по 300—400 человек, вооруженные винтовками, пулеметами, захватывали села, громили волостные и сельские Советы, разоряли коммуны и совхозы.

По пути мятежники устраивали сходки. Они обещали крестьянам отмену продразверстки, свободную торговлю. На первых порах все эти демагогические посулы падали на подготовленную почву: крестьянство устало от тягот военного времени.

Под угрозой оказалась хлебозаготовительная кампания. Нарушилась работа находившихся на территории губернии крупных железнодорожных узлов, через которые поддерживалось сообщение центра с хлебородными и сырьевыми районами юго-восточной части Европейской России.

Громадный ущерб был нанесен также промышленному производству и промыслам. Всякого рода государственные сооружения — мосты, железнодорожное полотно, телеграфные линии и другие постройки — безжалостно уничтожались.

Срыв топливных и сырьевых государственных заготовок, разруха на транспорте приводили к застою промышленности.

Казалось, «антонов огонь» перекидывается из одной деревни в другую. В несколько дней контрреволюция охватила южную часть Тамбовского уезда, юго-западную часть Кирсановского и северо-западную часть Борисоглебского уезда, граничивших между собой.

В ряду общих причин, приведших к такому быстрому распространению мятежа, была одна — и немаловажная,— характерная именно для Тамбовщины: сказалась слабость коммунистических сил губернии, губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, ошибки губернского руководства в оценке мятежа, считавшего мятеж простой бандитской вылазкой, и способах борьбы с ним.

Прежде всего на местах не хватало кадров партийных и советских работников. Идейно-политическая работа среди сельского населения, разъяснение мероприятий партии и Советского государства в области продовольственной политики поэтому велись от случая к случаю. Аппарат государственной власти в Тамбове

и в уездах был слаб, в работе зачастую использовались административные методы, отсутствовала необходимая гибкость в проведении политики партии, постановлений Советского правительства. В частности, имелись ошибки и в осуществлении продразверстки: нарушая классовый подход, продработники с одобрения местных органов власти нередко брали хлеб «по едокам», подрывая тем самым хозяйства маломощных крестьян. Действительно: у кулака, скажем, семья состоит из четырех человек, а хлеба у него в 3 раза больше, чем у соседа-середняка. У середняка же семья — восемь человек. И вот приходит в деревню продотряд и хлебную разверстку распределяет по едокам: с кулака четыре доли, а с середняка — восемь.

Как после подобного проведения продполитики от имени Советской власти мог относиться к ней середняк? Эти просчеты местных органов тут же умело использовали эсеры и кулаки для укрепления своего положения и дискредитации Советской власти. Сообщая же о настроениях крестьян в уездные и губернские органы Советской власти, они давали ложную информацию. Это во многом помешало губернским и уездным органам партийно-советского руководства своевременно увидеть опасность растущего недовольства среди крестьян, обезвредить эсеров и кулаков, обнаружить триединную связь: между созданием эсеровских «союзов трудового крестьянства», развитием бандитизма и подготовкой контрреволюционного антисоветского мятежа. Видя в действиях мятежников в первую очередь угрозу осуществлению продразверстки, губернское руководство основной упор делало на меры административного и военного порядка. Случалось, репрессивные акции против кулаков распространялись и на обманутых эсеровской агитацией середняков. Недостаточно проявлялась забота об упрочении советских органов на местах, о широком развертывании разъяснительной работы среди крестьян и рабочих, об усилении в деревне коммунистического влияния. Среди многих партийных и советских работников Тамбовской губернии царили настроения благодушия и успокоенности. Слабая работа партийного и советского аппарата на местах, губчека и ее органов привели к тому, что августовские события явились для них неожиданностью.

На экстренном заседании президиума Тамбовского губкома партии 21 августа 1920 года был создан чрезвычайный военно-оперативный штаб по подавлению мятежа. В его состав вошли: Тараскович — от губчека, Збруев и Шикунов — от губернского военного руководства. В ЦК РКП(б) и ВЦИК с целью информации о событиях в губернии и получении оружия был командирован представитель губисполкома и губкома С. Г. Загузов.

Положение в губернии было признано чрезвычайным. Теперь с повестки дня заседаний губкома и губисполкома не сходили вопросы организации борьбы с контрреволюционным мятежом. Губком обратился к коммунистам и трудящимся губернии с призывом мобилизовать все силы на разгром кулацкого мятежа.

Губисполком выпустил воззвания к трудовому крестьянству. В одном из них говорилось: «Товарищи крестьяне! Вновь среди вас появились вооруженные враги Советской власти, которые под руководством золотопогонников-врангелевцев и правых эсеров... совершают различные преступления — грабят советское хозяйство, убивают советских работников и вас подговаривают присоединиться к их бандам... Советская власть так сильна, что свергнуть ее не смогут не только крестьяне одного уезда или губернии — капиталисты всего мира поломали свои зубы об ее скорлупу. Именем Советской власти губернский исполнительный комитет приказывает всем примкнувшим к бандитским шайкам немедленно прекратить свои преступные действия и вернуться к честному крестьянскому труду... Губисполком предупреждает, что раскаявшиеся и явившиеся с повинной получат полное прощение, но упорствующие бандиты и их укрыватели понесут суровейшее наказание как тяжкие преступники перед трудящимися»[1].

В районы действия отрядов мятежников были посланы руководящие партийные и советские работники, члены губернского и уездных комитетов РКП(б), исполкомов Советов: М. Ф. Беляков, В. М. Верховых, Я. С. Смоленский, Я. Эйдман и другие — люди, беззаветно преданные делу партии и коммунизма.

---

[1] Газета «Наша правда», орган Козловского исполкома и уездного комитета партии РКП(б), 12 сентября 1920 г.

30 августа губком РКП(б) признал необходимым усилить оперативный штаб. В состав штаба были введены секретарь губкома партии Н. Я. Райвид и начальник Тамбовских командных курсов Л. Зенькович. Им поручалось развернуть широкую агитационную работу среди населения, а также активизировать действия против мятежников.

В тот же день по докладу оперштаба положение в губернии было признано чрезвычайно серьезным. 500 коммунистов города были переведены на казарменное положение. Кроме того, на борьбу с мятежниками привлекались коммунисты, мобилизованные для продовольственной работы.

В связи с тем что губернская чека оказалась, по существу, небоеспособной (незначительная партийная прослойка, слабый оперативный состав, засоренность чуждыми элементами, в том числе эсерами, стали известны факты нарушения дисциплины и т. д.), партийные органы обратились в Москву к Ф. Э. Дзержинскому с просьбой командировать в Тамбов чекиста, который бы возглавил губернскую чрезвычайную комиссию. На работу в органы губчека были переведены 30 местных коммунистов.

Совместным постановлением губкома РКП(б), губисполкома и губчека срочно были созданы две выездные сессии губчека, которые работали в Рассказово-Инжавинском и Сампурско-Жердевском районах (Тамбовский и Кирсановский уезды) — центре возникшего мятежа.

В целях активизации борьбы с кулацко-эсеровским восстанием все партийные организации охваченных мятежом уездов стали создавать боевые отряды, способные в любой момент выступить с оружием в руках. Многие партийные ячейки вливались в эти отряды целиком.

В борьбу с бандами включались все новые группы коммунистов, комсомольцев, деревенской бедноты, отряды ЧОН[1], состоявшие из добровольцев-активистов.

Для усиления политической работы в Тамбовском, Кирсановском и Борисоглебском уездах были созданы специальные ударные группы. В каждую из них входили член уездного исполкома, один из ответствен-

[1] ЧОН — части особого назначения.

ных партийных работников, представители рабоче-крестьянской инспекции и комиссии по оказанию помощи пострадавшим от контрреволюции, а также несколько агитаторов. Этими группами (в их состав вошли 52 коммуниста) руководил агитационно-пропагандистский отдел губкома во главе с Яковом Эйдманом.

В директиве коммунистам групп говорилось: «Больше разъяснений о войне, продразверстке, коммунистах, эсерах, скверных результатах этого восстания для бедноты, пошедшей за дезертирами и эсерами, опровержения вранья, распространяемого бандитами. Главной задачей является установление Советской власти» [1].

На конкретных примерах коммунисты разоблачали антинародные замыслы мятежников, призывали трудящихся сплотиться в борьбе с внутренней реакцией. Они разъясняли крестьянам, обманутым демагогическими лозунгами эсеров, сущность политики РКП(б), разоблачали клеветнические измышления, распространяемые организаторами мятежа о Советской власти и Коммунистической партии, боролись с искривлениями и нарушениями ее линии в деревне, на деле укрепляя союз рабочего класса с крестьянством. В Тамбовском губисполкоме был создан также двухмиллионный фонд для оказания материальной помощи пострадавшим от бандитских выступлений семьям коммунистов и советских работников.

Таким образом, уже в ходе мятежа исправлялась ошибка, допущенная партийно-советским руководством губернии и уездов.

Не разглядев политического характера мятежа, недооценив его размах, трактуя мятеж как простой бандитизм, местное руководство допустило ряд серьезных ошибок в методах борьбы с антоновщиной, главной из которых было стремление подавить его лишь с помощью военной силы. Теперь эту ошибку приходилось исправлять на ходу: необходимо было большевистской агитацией вырвать обманутое крестьянство из сетей эсеровской ловушки, правильной политикой завоевать его твердую поддержку. Немало бесстрашных бойцов партии в эти месяцы стали жертвами диких расправ антоновцев.

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, д. 577, л. 38.

Агитационно-пропагандистская работа среди населения, подкрепленная мерами административного и политического характера (раздача семенного фонда крестьянам, общественные суды над мародерами, денежные ссуды пострадавшим от бандитов семьям), давала положительные результаты. Немало рядовых участников мятежа, убедившись на деле в коварной роли кулацко-эсеровских идеологов и их подпевал, в крепости Советской власти, ее верности интересам народа, отходили от участия в мятеже.

О некоторых методах и результатах такой работы говорится в телеграмме А. Г. Шлихтера В. И. Ленину от 7 октября 1920 года. «Мною дважды посещены захваченные в плен при подавлении бандитского эсеровского движения крестьяне,— сообщал Шлихтер.— В первой беседе с ними разъяснены их ошибки, заблуждения, обещано быстрое рассмотрение дел. Особая комиссия, созданная губисполкомом для рассмотрения их дел, постановила освободить 460, расследовать 14, передать комиссии по дезертирству 44. Результаты работы комиссии объявлены мною при вторичном посещении пленных. Освобождение дано именем Советской власти и Ленина. Милость Советской власти, по общему мнению, произвела огромное впечатление, равно как агитационные беседы мои и члена губкома»[1].

Однако, несмотря на героизм и стойкость защитников Советской власти на Тамбовщине, проявленные и в открытых боях с мятежниками, и на идеологическом фронте, местными силами подавить антоновщину не удалось: сказались и недовольство основной массы крестьян политикой «военного коммунизма», и слабость партийной организации большевиков, прежде всего на местах, и стратегический проигрыш во времени, и острый недостаток воинских частей. Основная тяжесть борьбы с кулацко-эсеровским бандитизмом легла на плечи коммунистических отрядов, отрядов ЧОН, немногочисленных подразделений Красной Армии, опиравшихся на поддержку преданного Советской власти местного населения. Но командование не имело определенного плана борьбы с мятежом,

---

[1] Государственный архив Тамбовской области, ф. 1, оп. 4а, д. 83, л. 797.

боевые операции мелких красноармейских отрядов не давали желательных результатов. Антоновцы навязывали им свою тактику: то быстро уходили от открытых столкновений, то внезапно возникали там, где их не ждали. При этом бандиты захватывали оружие и боеприпасы, а у местного населения складывалось ложное представление о слабости Красной Армии и Советской власти.

Командующий войсками ВНУС В. С. Корнев, прибывший в Тамбов в середине сентября, так оценил действия местного командования в докладе председателю ВЧК Ф. Э. Дзержинскому и главкому С. С. Каменеву: «Ознакомившись с ведением операции т. Аплоком по подавлению восстания, нашел, что неуспех в полном уничтожении бандитов объясняется неиспользованием в полной мере всех средств и ресурсов губернии, непривлечением к борьбе местных властей, слабым комсоставом и крайне слабой войсковой разведкой» [1].

Но время было упущено. Уже в конце сентября стало очевидным, что мятеж принимает затяжной характер.

27 сентября 1920 года на объединенном заседании губкома партии и губисполкома был образован Военный совет, а в уездах, охваченных мятежом, были созданы уездные военные советы (в составе командующего войсками уезда и двух членов местного совета).

Губернский военный совет по ликвидации мятежа возглавил председатель губисполкома Александр Григорьевич Шлихтер. В Совет вошли также секретарь губкома партии Николай Яковлевич Райвид и начальник Орловского сектора ВОХР Юрий Юрьевич Аплок, назначенный 10 сентября 1920 года командующим всеми вооруженными силами, действующими по подавлению мятежа в Тамбовской губернии.

Между тем положение в губернии становилось все более напряженным [2]. Так, многие волостные исполкомы Борисоглебского уезда были разогнаны, их работники замучены. Вести приходили одна тревожнее дру-

---

[1] «Внутренние войска Советской республики. 1917—1922. Документы и материалы». М., 1972, стр. 525.

[2] Из 33 волостей Борисоглебского уезда в октябре 1920 г. 8 были полностью захвачены мятежниками, в 13 действовали отряды по 100—200 всадников.

гой: разрушено 6 совхозов, уничтожено 10 артелей, с десятками других сельскохозяйственных коллективов нарушена нормальная связь. «Борисоглебский уезд с каждым днем все более и более наводняется бандами,— сообщало в Военный совет губернии местное военное руководство.— Вся советская работа парализована»[1].

Так же обстояло дело в Тамбовском и Кирсановском уездах. Кроме того, антоновцы захватили несколько железнодорожных узлов, нарушив связь центра России с хлебными районами юго-восточной части страны. На участке Тамбов — Балашов бандиты разобрали до пятнадцати километров пути; рельсы гнули, увозили и разбрасывали в лесу, чтобы затруднить восстановление железнодорожного полотна. Подвоз хлеба в Москву прекратился по нескольким магистралям Юго-Восточной дороги, разрушенной антоновцами.

Черный террор, беспощадный и слепой, захлестнул уезды, охваченные мятежом. Бандиты зверски убили в Тамбовском уезде до 300, в Кирсановском — до 150, в Борисоглебском — до 100 коммунистов.

Ликвидация мятежа требовала кардинального улучшения работы губчека, партийных и советских органов, усиления армейских частей.

12 октября А. Г. Шлихтер в новой телеграмме председателю Совета Обороны страны В. И. Ленину просил усилить воинские части губернии кавалерией и создать единое военное командование против сил мятежников в Тамбовской и соседних, Воронежской и Саратовской, губерниях.

«Окончательная ликвидация бандитского движения,— писал он,— задерживается за отсутствием достаточного количества кавалерии. Бандиты продвигаются со скоростью 60—100 верст в день, наши пехотные части иногда теряют соприкосновение с ними. В последнее время шайки перебрасываются в Воронежскую и Саратовскую губернии, оттуда обратно в Тамбовскую.

Несогласованность с нами действий воронежского и саратовского командования, невозможность добиться полного согласования выдвигают вопрос о создании

[1] ЦГАСА, ф. 235, оп. 5, д. 14, л. 22.

общего командования трех губерний. Исходя из изложенного, губисполком постановил просить Вас срочно усилить действующие против бандитов части сильным кавалерийским отрядом; объединить вооруженные силы Тамбовской, Воронежской и Саратовской губерний одним командованием, причем руководящий центр командования следует оставить в Тамбове в целях преемственности работы, тем более, что очагом движения является Тамбовская губерния...

Телеграфируйте о Вашем распоряжении»[1].

В ответ на телеграмму Шлихтера 15 октября В. И. Ленин пишет Э. М. Склянскому: «Дайте РВСР поручение или, вернее, точный приказ *добиться быстрой и полной ликвидации*. О принятых мерах мне сообщить.

Председатель Совета Обороны *Ленин*»[2].

В тот же день главком С. С. Каменев отдал приказ командующему войсками ВНУС республики о принятии решительных мер по ликвидации бандитизма. «Предсовнаркома т. Ленин,— говорилось в нем,— приказал в кратчайший срок ликвидировать бандитизм в Тамбовской, Воронежской и Саратовской губерниях, согласно телеграмме предгубисполкома т. Шлихтера № 13434 от 12 октября... Приказываю для ликвидации бандитизма в указанном районе принять самые крайние меры и срочно донести о принятых уже мерах и о тех, кои предположено предпринять»[3].

19 октября в записке командующему войсками внутренней службы республики В. С. Корневу и Ф. Э. Дзержинскому В. И. Ленин писал:

«Тов. Шлихтер сообщает мне об усилении восстания в Тамбовской губ., о слабости наших сил, особенно кавалерии.

Скорейшая (и примерная) ликвидация безусловно необходима.

Прошу сообщить мне, какие меры принимаются. Необходимо проявить больше энергии и дать больше сил»[4].

---

[1] «Внутренние войска Советской республнки. 1917—1922. Докуметы н матерналы», стр. 534.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 51, стр. 303.

[3] «Внутренние войска Советской республнки. 1917—1922. Документы и матерналы», стр. 536.

[4] *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 51, стр. 310.

Авантюра, разрастаясь, выходила за рамки Тамбовщины и понемногу захватывала соседние губернии. В начале ноября 1920 года Владимир Ильич Ленин принял уполномоченного Наркомпрода по Орловской губернии Н. А. Милютина. Беседа касалась продразверстки. По словам собеседника, Владимир Ильич сказал: «Не делайте из этого вывода, что винтовки существуют для украшения. Борьба есть борьба. Без крайней нужды лучше обойтись так, но если неизбежно, то продармейцы должны быть тверды. Вот в Тамбовской губернии бабы разоружают продармейцев и вооружают бандитов. Ведь это рядом с вами. Антоновщина может перекинуться и к вам» [1].

По существу, открывался новый, внутренний фронт, который не имел флангов, а его линию невозможно было нанести на карту.

Мобилизация сил

Для Тамбовщины — для крестьянства губернии, как и для жителей городов,— авантюра Антонова сразу же обернулась трагедией. Голод, хаос в промышленности, парализованный транспорт, атмосфера террора и неуверенности в завтрашнем дне — вот что на практике означала для трудящихся Тамбовской губернии так называемая «крестьянская война».

Владимир Ильич вне всякой очереди знакомился с донесениями из Тамбова, внимательно следил за ходом мятежа, понимая, какое значение для судьбы республики имеет его скорейшее подавление.

В октябре 1920 года, узнав о захвате и разграблении антоновцами фабрик в Рассказове, возмущенный беспомощностью местных властей, В. И. Ленин в записке Ф. Э. Дзержинскому охарактеризовал этот факт как «верх безобразия» и предлагал «прозевавших это чекистов (и губисполкомщиков) Тамбовской губернии» примерно наказать, «послать архиэнергичных людей тотчас... дать по телеграфу нагоняй и инструкции» [2].

---

[1] «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 2. М., 1957, стр. 487.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 51, стр. 310, 311.

В соответствии с указаниями Ленина Реввоенсовет республики и ВЧК выделили дополнительные силы для борьбы с бандами в Тамбовской губернии.

В каких неимоверно трудных условиях выполнялось это требование В. И. Ленина, раскрывает приказ командующего ВНУС республики В. С. Корнева, направленный местному командованию 19 октября 1920 года: «Товарищ Ленин вновь приказал подавить восстание скорейшим и примерным образом... Послать в данный момент подкреплений не представляется возможным. Посему используйте крайние меры для получения ресурсов из своей же губернии. Используйте весь имеющийся конский состав как военных учреждений, так и гражданских, равно отобранный у Антонова, а в необходимых случаях крестьянские средства для образования ездящей пехоты. Результаты вашей работы ожидаю в ближайшие дни» [1].

Докладывая В. И. Ленину о принятых мерах, В. С. Корнев 23 октября 1920 года сообщал: «Для скорейшей ликвидации восстания в Тамбовской губернии 22 октября отправлено в эту губернию на усиление действующих там войск пять полуторатонных автомобилей, вооруженных пулеметами с сильной командой.

Кроме того, вследствие невозможности получить кавалерийские части, как из состава войск внутренней службы, так и военного ведомства, приступлено к формированию нового эскадрона, который будет сформирован и отправлен в Тамбовскую губернию к 26 октября.

Об изложенном доношу вследствие Вашего приказания о принятии крайних мер к ликвидации восстания» [2].

Центральные органы оказались в трудном положении. Во-первых, еще шли бои на Южном фронте с белогвардейской армией Врангеля (с ней было покончено лишь в середине ноября), а договор о мире с буржуазно-помещичьей Польшей, заключенный 12 октября, носил не окончательный, а предварительный характер. Так что снять с фронтов регулярные войска и направить их на Тамбовщину у советского командо-

---

[1] «Внутренние войска Советской республики. 1917—1922. Документы и материалы», стр. 539—540.

[2] Там же, стр. 541—542.

вания не было возможности. А во-вторых, не располагая точными данными о численности антоновцев, они вряд ли могли правильно определить количество сил, необходимых для ликвидации мятежа. Так, в письме В. И. Ленину от 7 октября А. Г. Шлихтер сообщал, что по счету командующего Аплока, уже уехавшего, у Антонова осталось 200—300 штыков, а по телеграмме из Балашовского уезда у него 1800 человек.

Труднейшее политическое и экономическое положение губернии было рассмотрено на пленуме губкома партии, работавшем 16—18 октября 1920 года. Главным направлением в деятельности коммунистов губернии продолжала оставаться продовольственная работа. В результате принятых мер ссыпка хлеба достигла 60 тысяч пудов в день. Много внимания было уделено и борьбе с дезертирством: из этой деклассированной и деморализованной среды Антонов вербовал пополнение в свои отряды.

В своем решении пленум потребовал усилить политическую агитацию среди крестьянства, расширить проведение беспартийных крестьянских конференций, «центром тяжести всей работы Коммунистической партии сделать работу деревенскую».

«Завоевание крестьянства, окончательное закрепление его сочувствия за Советской властью и нашей партией — вот ближайшая задача Коммунистической партии» [1] — этот лозунг стал основополагающим в работе большевиков губернии. Было указано также на необходимость наиболее полной взаимной информации губкома и укомов РКП(б) о военно-политическом положении в губернии и усиления работы губернской чрезвычайной комиссии.

В ноябре — декабре 1920 года принят еще ряд важных мер по укреплению партийного и военного руководства борьбой с мятежом. Военный совет постановил широко распространить приказ командующего советскими войсками в губернии К. В. Редзько, в котором говорилось, что мятежников, сложивших оружие до боя или во время боя, не следует подвергать репрессиям и по возможности использовать в боях против кулацко-эсеровских банд, чтобы они смогли искупить вину перед рабоче-крестьянским государством.

[1] Журнал «Коммунист» (Тамбов), 1920, № 4-6, стр. 37.

В директиве командующего войсками ВНУС республики В. С. Корнева местному военному командованию подчеркивалось, что «применение репрессивных мер должно быть поставлено в рамки действительной необходимости и применяться с особой осторожностью»[1].

Вопросы военно-политического укрепления красноармейских частей, действующих против банд Антонова, подверглись тщательному рассмотрению на заседаниях президиума Тамбовского губкома 30 октября, 2, 10, 13 ноября 1920 года.

В результате войсковые части Красной Армии, находящиеся на территории Тамбовщины, были усилены партполитработниками и командным составом — коммунистами за счет внутригубернских мобилизаций. Политотделу Военного совета и командованию войсками вменялось в обязанность незамедлительное представление сведений о том, как используются мобилизованные товарищи, кто и какое назначение получил — каждый коммунист персонально. По линии железных дорог, на станциях, в крупных промышленных районах были поставлены гарнизоны. С целью преследования банд было сформировано два отряда: один конный под командованием К. В. Бриммера и второй смешанный под командованием П. А. Альтова. По железным дорогам курсировали четыре бронелетучки. Совхозы, на которые часто нападали бандиты, превращались в опорные укрепленные пункты.

11 декабря 1920 года состоялось объединенное заседание партийных и советских организаций губернии. Отметив, что ликвидация мятежа — «одна из боевых задач дня, требующая напряжения всех имеющихся в губернии сил», участники совещания признали необходимым мобилизовать на борьбу с мятежом половину состава губернской чрезвычайной комиссии, 30 процентов сотрудников уголовного розыска, четверть состава органов милиции, а также по 20 коммунистов-крестьян от каждого северного уезда губернии, не затронутого мятежом. Военному командованию губернии предписывалось выделить тысячу красноармейцев, надежных и испытанных в боевом отношении. Для нужд борьбы с мятежом губисполком выделил 5 миллионов рублей.

---

[1] ЦГАСА, ф. 235, оп. 5, д. 3, л. 55.

В охваченных мятежом районах активизировалась печатная и устная коммунистическая пропаганда. При «Известиях Тамбовского губисполкома Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» стала выходить «Продовольственная страничка», которая знакомила крестьянство с продовольственной политикой Советского государства. С ноября 1920 года было налажено издание еженедельной красноармейской и крестьянской газеты «Правда о бандитах». Газета на ярких примерах разоблачала антисоветский и грабительский характер мятежа, приводила наглядный материал о ходе борьбы с эсеро-бандитами и вскоре завоевала широкую популярность среди населения и в красноармейских частях.

И в уездах, охваченных мятежом, и во всей губернии распространялись листовки, брошюры, плакаты. Это была действенная борьба с антоновщиной печатным большевистским словом. Приведем один пример. В самый разгар мятежа в восставших уездах распространялась тоненькая брошюрка В. Докукина (15 страниц на грубой оберточной бумаге) «Правда о бандитах»[1]. И эта правда была убийственна для главарей мятежа. Крестьяне, поверившие поначалу в обещания антоновцев, узнавали, например, в главе «Дела рук бандитских» о том, что в четырех уездах Тамбовской губернии разгромлено, разрушено и сожжено до 60 советских хозяйств, из совхозов увезено и загнано более 1500 лошадей, более 700 коров, 800 свиней, 2600 овец, много домашней птицы, украдено более 250 тысяч пудов фуража, более 10 тысяч пудов хлебных продуктов, пошедших на самогон, около полутора миллионов народных денег. Отряды Антонова разгромили губернскую опытную станцию, Борисоглебское уездное семенное хозяйство в селе Вязовка, опытную станцию в имении Золина и опытное поле в селе Алешки. Разгромлены два винных завода, сожжено несколько телеграфных и железнодорожных станций, разграблено более 10 продовольственных учреждений, много потребительских обществ, причинено убытка на десятки миллионов рублей. В Тамбовском уезде разрушено около 240 коллективных хозяйств, в Козловском — около 30 кооперативов.

---

[1] См. *Вл. Докукин.* Правда о бандитах. Изд. 3. Тамбов, 1921.

Разрушались и сжигались избы-читальни, Народные дома, Советы, рвались телефонные провода и уничтожались аппараты, громились холодильники, водокачки, почтовые отделения, устраивались крушения поездов, когда гибли десятки и сотни людей, расхищалось зерно, товары народного потребления.

Немало зла и убытков принесли бандиты и отдельным крестьянским хозяйствам. В одном только Сампурском районе, Тамбовского уезда, они забрали у жителей 1177 рабочих лошадей, 266 нерабочих, 450 коров, 5598 овец, 225 свиней. В Ивановской, Протасовской и многих других волостях бандиты разгоняли засевавших пашню крестьян, рассыпали семена, избивали и расстреливали пахарей, пытавшихся обработать свои поля.

В Чембарском уезде, Пензенской губернии, куда отряды Антонова переходили из пограничного Кирсановского уезда Тамбовщины, от бандитских налетов пострадало 1540 крестьянских семей, было зверски убито более 50 коммунистов и советских работников, сотни крестьян высечены. «Декабрь был особенно ожесточенным периодом нападений свирепствующих в губернии банд, именно в районе нашего уезда,— сообщал Кирсановский уком в ЦК РКП(б).— Приходится изо дня в день поднимать всех на ноги, привлекать под винтовку (которых, кстати, не хватает даже на членов партии) всех членов РКП(б) и держать их на строгом казарменном положении» [1].

Борисоглебская партийная организация в декабре мобилизовала пятьдесят процентов своих членов для проведения конкретной политической и военной работы, связанной с ликвидацией мятежа. Кроме того, она поручила укому партии представить непосредственно в Центральный Комитет РКП(б) доклад о сложившейся обстановке в губернии.

В этом документе, датированном 28 декабря, местные партийные руководители отмечали: «...улучшения положения без помощи реально извне ожидать не приходится. Здесь приходится повторить, что местные силы для ликвидации бандитизма, после четырехмесячного его существования, при условии даже и присылки части оружия недостаточны... Еще раз подчеркивая

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, д. 567, л. 80.

всю серьезность положення не только для Борнсоглебского уезда, но н республикн вообще, уездный комнтет партнн проснт ЦК обратнть на это особое вннманне и прннять немедленно решнтельные меры к посылке в Борнсоглебский уезд н вообще Тамбовскую губернию для ликвидацнн бандитизма регулярных частей Красной Армин — коннницы н соответствующих других родов оружия...»[1]

С просьбой к Главному командованию вооруженных снл республикн направнть в губернию регулярные воинскне силы обратнлось также н объеднненное заседанне губернского Военного совета, губкома н губисполкома.

Центральный Комнтет РКП(б), ВЦИК, правнтельственные органы вннмательно нзучали обстановку в стране, особенно в районах, охваченных кулацкнми мятежамн, н разрабатывали меры по лнквндацнн очагов контрреволюции.

К концу 1920 года основным вопросом, от решення которого завнсела судьба республнкн Советов, стал вопрос об укреплении союза рабочего класса н крестьянства, смычкн города и деревин. 22—29 декабря 1920 года в Москве состоялся VIII Всероссийскнй съезд Советов рабочнх, крестьянских, красноармейских н казачьих депутатов. Он уделил серьезное винманне развнтию н подъему сельского хозяйства.

И в основном докладе ВЦИК н Совета Народных Комнссаров, и в речн на большевистской фракцни съезда Владимир Ильич Ленин говорнл о том, что сейчас, после окончання гражданской войны, все уснлия партнн, рабочего класса должны быть направлены на подъем сельского хозяйства, на оказанне помощн крестьянам-единолнчникам, от которых завнсит снабженне страны продовольствием. Надо выработать такую политику в областн развнтия сельского хозяйства, которая превращала бы многомиллнонное трудовое крестьянство в горячих сторонников н союзников Советской властн. В. И. Ленин подчеркнвал: «...без практнческого массового улучшения хозяйства мелкого крестьянства нам спасения нет: без этой базы невозможно никакое хозяйственное строительство, н какие бы то

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, д. 563, л. 258 и об.

ни было великие планы — ничто... Это интерес государственный, интерес нашего государства»[1].

На VIII съезде Советов находилась делегация Тамбовской губернии. По просьбе делегатов губернии В. И. Ленин встретился с ними 25 декабря. На этой встрече присутствовали руководящие партийные и советские работники Тамбовской губернии: А. Г. Шлихтер, В. Н. Мещеряков, М. Ф. Беляков и другие. Владимир Ильич интересовался политическим и хозяйственным положением в губернии, отношением крестьян к Советской власти и возникшему мятежу. На просьбу тамбовских делегатов выделить дополнительные военные силы Ленин ответил, что помощь оружием будет оказана.

«— Оружие, войска мы вам пришлем. Но мне кажется, что мятеж можно подавить не только силой.

— А как же еще бороться с врагами?

— Убеждением.

— Антоновцы зверствуют.

— Но состав мятежников не однороден. Подавив мятеж силой, мы еще не добьемся победы. Не забывайте психологию крестьянина. Страшна не та «сухаревка», которая была на Сухаревской площади Москвы... а та «сухаревка» страшна, которая сидит в душе каждого единоличного крестьянина»[2].

В конце беседы В. И. Ленин попросил направить к нему в ближайшее время группу тамбовских крестьян, сочувствующих антоновцам. Он хотел глубже разобраться в причинах мятежа, выяснить настроения крестьян, которым партия и Советское правительство стремились помочь[3].

31 декабря 1920 года вопрос о положении в Тамбовской губернии и усилении действующих там войск рассматривался на совещании в присутствии Ф. Э. Дзержинского, В. С. Корнева, делегации Тамбовского военного совета (А. Г. Шлихтер и В. Н. Мещеряков) и главкома С. С. Каменева, а в первых числах января 1921 года этот вопрос был вынесен на Оргбюро ЦК РКП(б).

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, стр. 148.

[2] *Павло Макрушенко.* Обычный рабочий день. М., 1971, стр. 38.

[3] См. «О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900—1922 годы». М., 1963, стр. 580—583.

Представители Тамбовской губернии информировали Центральный Комитет о военно-политическом состоянии губернии, о невозможности местными силами ликвидировать кулацко-эсеровский мятеж. «Нам удалось поставить вопрос во всю ширину,— выступая на заседании Тамбовского губкома, говорил В. Н. Мещеряков.— Мы убедились, что главком за день до заседания очень детально знакомился с положением в губернии» [1].

После тщательного обсуждения обстановки, создавшейся на Тамбовщине и в соседних с ней губерниях, Оргбюро ЦК РКП(б) приняло решение проводить борьбу с мятежом путем привлечения воинских частей. Критическая ситуация на Тамбовщине диктовала необходимость этой крайней меры. С этой целью было решено послать в губернию дополнительно войска ВНУС, усиленные военными специалистами, штабными работниками. В Балашов была направлена 15-я кавалерийская дивизия, в Ртищево — стрелковая бригада из Самары, в район Воронежа — бригада 10-й стрелковой дивизии. Для лучшей организации операций против антоновцев Главное командование выделило семь вагонов средств связи, а также другое военное имущество [2].

Заместителю председателя СНК РСФСР предписывалось обеспечить бесперебойное снабжение и обмундирование воинских частей. Кроме того, для военной и партийно-политической работы Оргбюро ЦК РКП(б) приняло решение направить в Тамбовскую губернию главным образом из партийных организаций Москвы в течение ближайших трех дней 300 коммунистов. ЦК РКП(б) потребовал каждые два дня сообщать о ходе выполнения этого решения.

По поручению ЦК РКП(б) и СНК РСФСР в Тамбовскую и соседние с ней губернии выезжали специальные уполномоченные для оказания помощи местным партийным и советским органам. За период восстания Тамбовскую губернию кроме В. С. Корнева со специальными заданиями посетили член коллегии

---

[1] Партийный архив Тамбовского обкома КПСС, ф. 840, оп. 1, д. 1016, л. 2.

[2] См. «Внутренние войска Советской республики. 1917—1922. Документы и материалы», стр. 572.

Наркомпрода А. И. Свидерский и член ВЦИК А. К. Воронский (в сентябре 1920 года), народный комиссар просвещения А. В. Луначарский (в январе 1921 года), член Оргбюро ЦК РКП(б) П. А. Залуцкий (весной 1921 года) и другие ответственные работники. Они помогли ЦК РКП(б) и Советскому правительству всесторонне выяснить создавшееся там положение и принять ряд неотложных мер, укрепить партийные организации и советский аппарат в губернии.

Огромная заслуга в выработке мер по ликвидации мелкобуржуазной контрреволюции в стране принадлежит В. И. Ленину. Помимо докладов и сводок, которые поступали на его имя из различных официальных источников, В. И. Ленин неоднократно беседовал с местными работниками и крестьянами. Вся эта богатейшая информация подвергалась тщательному анализу, и на ее основе Центральный Комитет партии и Советское правительство принимали необходимые меры.

12 января 1921 года Пленум ЦК РКП(б) (с участием В. И. Ленина), обсудив вопрос о настроениях среди крестьян, создал две комиссии. Одной из них поручалось «спешно подготовить меры военной ликвидации бандитизма», а другой — в двухнедельный срок «обсудить возможные меры быстрого облегчения положения крестьян» с привлечением к ее работе представителей Наркомзема и Наркомпроса [1].

С 27 января 1921 года приступила к работе Центральная междуведомственная комиссия по борьбе с бандитизмом. В ее состав вошли представители ЦК РКП(б), СТО [2], Реввоенсовета республики, ВЧК, ЧОН, НКПС, Главного командования РККА.

С января 1921 года вопросы борьбы с политическим бандитизмом почти не сходят с повестки дня заседаний ЦК РКП(б) и Совета Труда и Обороны. При этом особое внимание обращается на ликвидацию антоновского движения в Тамбовской и смежных с ней губерниях. Еще в декабре 1920 года в Тамбовской губернии военное командование было непосредственно подчинено центру, а в начале 1921 года общее руководство операциями по подавлению мятежа в губернии было передано Главному командованию и сюда были переб-

[1] См. «Вопросы истории КПСС», 1963, № 12, стр. 35.
[2] СТО — Совет Труда и Обороны республики.

рошены дополнительные воинские силы. Так, если на 15 октября 1920 года в губернии насчитывалось 4447 штыков и сабель, 22 пулемета и 5 орудий, то в январе 1921 года тамбовское командование имело уже 11 602 бойца при 136 пулеметах и 18 орудиях, а еще через месяц — в феврале — 33 750 бойцов при 312 пулеметах и 44 орудиях [1].

В дальнейшем наращивание сил продолжалось. Для укрепления командного состава в Тамбов прибыли опытные командиры.

Территория, на которой велись военные действия, была разбита на боевые участки (опорные пункты советских войск), штабы которых расположились в Тамбове, Кирсанове, Рассказове, Инжавине, Борисоглебске, Жердевке, на Новопокровском сахарном заводе, в Ивановском совхозе.

Новый командующий войсками Тамбовской губернии А. В. Павлов прибыл в Тамбов в начале января 1921 года. С его участием Военный совет, губком и губисполком разработали ряд неотложных мер борьбы с мятежом, а всем партийным и советским органам было дано указание оказывать командованию всемерное содействие.

11 января А. В. Павлов докладывал главкому, что от партизанских действий повстанцы приступили к налаживанию организованной военной силы и гражданской власти. Решительные операции противника ожидаются по сборе всех сил, дней через десять. К этому времени закончится сосредоточение наших сил.

В целях уничтожения главного ядра антоновской армии командование войск сделало попытку прочесать всю Тамбовскую губернию, затем, окружив отдельные банды, ликвидировать их.

В конце января, сосредоточив основные силы на участке Тамбов—Кирсанов и Балашов—Новохоперск, красные части нанесли ощутимый удар антоновцам: в трехдневных боях мятежники потеряли около 4,5 тысячи человек, в том числе около 3 тысяч пленными.

---

[1] См. «Военно-исторический журнал», 1968, № 9, стр. 31; «Война и революция», 1926, № 8, стр. 5.

К этому времени в «армиях» мятежников насчитывалось до 50 тыс. человек. В это число входило все мужское население призывного возраста в захваченных мятежниками деревнях. Ядро армии антоновцев не превышало нескольких тысяч.

Однако окружение не оправдало себя: растворявшиеся в массе крестьян антоновцы вновь объединялись и совершали налеты на небольшие гарнизоны Красной Армии.

25—28 января состоялась очередная, X губернская партийная конференция. Она заслушала доклад А. В. Павлова о военном положении. Этот доклад был направлен Владимиру Ильичу Ленину и хранился в его личном архиве наряду с оперативными сводками и другими важнейшими документами военного ведомства.

В отчете губкома была обрисована обстановка в губернии, отмечены сложные условия борьбы с кулацко-эсеровским мятежом. Свыше тысячи коммунистов погибло в борьбе с бандами мятежников. Такая убыль активных работников ослабляла партийную организацию, работу ее аппарата. В докладе подчеркивалось также, что вплоть до последнего времени борьба с мятежом велась явно недостаточными силами, несовершенными средствами.

Обострение политического и экономического положения в губернии к началу 1921 года объяснялось помимо некоторых других причин резким истощением губернских продовольственных запасов, что, в свою очередь, приводило к увеличению объема продразверстки, для того чтобы обеспечить города губернии хлебом и продуктами питания (вместо объявленных 50 процентов урожая ярового хлеба во многих уездах, в том числе объятых мятежом, стали взимать все 100 процентов) [1]. Дополнительная разверстка усилила недовольство крестьян, а это объективно толкало их в объятия антоновщины. С 20 января 1921 года была прекращена выдача хлеба гражданскому населению Кирсановского уезда, за исключением детей. Подобная картина наблюдалась и в других уездах, охваченных мятежом.

Голодали рабочие и служащие, разрушен был транспорт, не хватало топлива. Нарком А. В. Луначарский, прибывший по поручению правительства в губернию в конце января, вынужден был немедленно обратиться в Президиум ВЦИК, Наркомпрод и к Председателю Совнаркома В. И. Ленину с предложением принять

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 13, д. 1020, л. 3 об.

экстренные меры для улучшения организации снабжения трудящихся, в первую очередь рабочих [1].

Вопрос о Тамбовской губернии был детально рассмотрен на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 2 февраля. Заслушав доклад об обстановке на Тамбовщине, Центральный Комитет партии постановил указать Наркомпроду, что политическое положение и возникший мятеж, безусловно, требуют снижения объема продовольственной разверстки в тех местах, где крестьяне особенно пострадали от неурожая и особенно сильно нуждаются в продовольствии. Было признано необходимым выработать и другие меры для облегчения продовольственного положения в этих губерниях, в частности организовать общественное питание. Наркомпроду поручалось дважды в неделю представлять в ЦК письменные отчеты о принимаемых мерах и о фактическом проведении их в жизнь.

Оргбюро ЦК совместно с Президиумом ВЦИК было поручено немедленно направить в Тамбовскую губернию Полномочную комиссию ВЦИК для политического руководства и помощи местным органам в борьбе с восстанием и для укрепления Советской власти в освобождаемых от мятежников районах. Председателем этой комиссии ЦК РКП(б) рекомендовал В. А. Антонова-Овсеенко [2].

[1] В телеграмме А. В. Луначарского от 2 февраля 1921 г., в частности, говорилось: «...Тамбове находится значительное количество хлеба, фуража, между тем рабочие не получают пайков около двух месяцев, сильное недовольство, особо нежелательное ввиду тяжелого военно-политического положения. Костроме, Рязани при малых запасах рабочие получают фунт в день, очевидно, какое-то нелепое недоразумение, требуется распоряжение центра, немедленно установить нормальный паек фабрично-заводским, железнодорожным рабочим крайне важно». 7 февраля 1921 г. Наркомпрод за подписью руководителя отдела по распределению продовольствия А. Б. Халатова дал директиву тамбовскому губпродкомиссару (ее копии были направлены в Президиум ВЦИК и В. И. Ленину): «Принять решительные меры по удовлетворению рабочих бронированных предприятий Тамбовской губернии, членов их семей продпайком по нормам, указанным распоряжением Наркомпрода» и срочно сообщить о ресурсах, имеющихся в Тамбовском губпродкоме.

[2] В. А. Антонов-Овсеенко, активный участник Великой Октябрьской социалистической революции, член Петроградского Военно-революционного комитета, один из руководителей штурма Зимнего дворца, член Комитета по военным и морским делам. В конце 1917 — начале 1918 г. — командовал советскими войсками, действовавшими против Каледина и Центральной рады, в даль-

Политбюро поручило Оргбюро подобрать и немедленно командировать в губернию работников для укрепления местной партийной организации. Президиуму ВЦИК было предложено провести широкую разъяснительную кампанию среди тамбовского крестьянства о продовольственной политике партии и Советского государства.

4 февраля, телеграфируя об этом решении в Тамбовский губком, секретарь ЦК РКП(б) Н. Н. Крестинский писал, что, обсудив вопрос о положении в Тамбовской губернии, «ЦК постановил командировать в Тамбов 200 партработников, а также направить для работ Тамбовскую губернию товарища Антонова-Овсеенко. Антонов выезжает Перми Тамбов немедленно»[1].

12 февраля 1921 года Центральная междуведомственная комиссия по борьбе с бандитизмом под председательством Ф. Э. Дзержинского приняла решение усилить Тамбовскую губчека опытными работниками и послать в губернию возможно большее число ответственных организаторов — коммунистов. Всероссийской чрезвычайной комиссии поручалось обеспечить В. А. Антонова-Овсеенко брошюрами и другими агитационными материалами об эсерах для работы среди населения.

В целях укрепления губернской чрезвычайной комиссии и улучшения партийно-политической работы в войсках Тамбовской губернии Центральный Комитет РКП(б) направил в Тамбов опытных коммунистов: М. Д. Антонова — председателем губчека, Г. Н. Чибисова — начальником особого отдела и А. И. Жабина — начальником политотдела армии. От ВЧК в Тамбов прибыл уполномоченный Я. Б. Левин. В губернскую партийную организацию влилось до 500 коммунистов, посланных сюда из других губерний республики.

Центральный Комитет партии принял еще ряд важных мер, направленных на ликвидацию бандитизма и местных мятежей. Главкому было указано на недоста-

---

нейшем командующий советскими войсками Юга России, командующий Украинским фронтом. С осени 1919 г. до весны 1920-го В. А. Антонов-Овсеенко работал председателем Тамбовского губисполкома и хорошо знал местные условия.

[1] «Вслед за ленинской строкой». Воронеж, 1967, стр. 93; Партийный архив Тамбовского обкома КПСС, ф. 840, оп 1, д. 989, л. 6.

точность действий в этом направлении, на политическую важность быстрых успехов. В связи с усилением вооруженной мелкобуржуазной контрреволюции была приостановлена демобилизация коммунистов из армии, членам РКП(б) запрещалось уходить в отпуск.

Вопрос о борьбе с антисоветскими мятежами обсуждался также в Совнаркоме и СТО. 11 февраля 1921 года на заседании Совета Труда и Обороны под председательством В. И. Ленина было решено «обратить внимание военного ведомства и главного командования на необходимость более систематической и более энергичной борьбы с бандитизмом и местными восстаниями, в первую очередь в районах железных дорог»[1].

Было ясно, что успех поединика с антоновщиной зависел от того, на чьей стороне окажется основная крестьянская масса, удастся ли врагам Советской власти поколебать союз рабочих и крестьян, окрепший в годы Октябрьской революции и гражданской войны.

В. И. Ленин постоянно подчеркивал, что этот союз окажется прочным в том случае, если он будет стоять не только на политической или военно-политической, но и — обязательно! — на твердой экономической основе.

Решающая мера

Новая ситуация в стране, связанная с завершением гражданской войны и переходом к мирному строительству, настоятельно требовала выработки и претворения в жизнь новой политики в области развития экономики. Поэтому на повестку дня политической и хозяйственной жизни страны был поставлен вопрос об отказе от системы «военного коммунизма», ставшей тормозом в развитии промышленности и особенно производительных сил сельского хозяйства, переходе от военно-политического союза рабочих и крестьян к хозяйственному союзу. Необходимо было найти такие формы отношений между рабочим классом и крестьянством, которые способны были обеспечить укрепление диктатуры пролетариата, восстановление народного хозяйства, построение социалистического общества.

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 3, д. 189, л. 4 об.

В начале февраля 1921 года Политбюро ЦК РКП(б) приняло подготовленный В. И. Лениным «Предварительный, черновой набросок тезисов насчет крестьян». В нем предлагалось «удовлетворить желание беспартийного крестьянства о замене разверстки (в смысле изъятия излишков) хлебным налогом», уменьшить размер этого налога по сравнению с разверсткой, сообразовать его со старательностью земледельца и расширить свободу использования крестьянами излишков сверх налога. Этот документ лег в основу готовящегося решения партии о переходе от политики «военного коммунизма» к новой экономической политике (нэп).

Вопрос об отмене продразверстки на Тамбовщине обсуждался в Тамбовском губкоме и исполкоме еще в январе 1921 года. Выступая на заседании президиума губкома 8 февраля, его секретарь Н. М. Немцов сказал: «Мы обменялись мнениями и полагаем, чтобы искоренить бандитизм в корне — надо снять со всей губернии продразверстку» [1]. С этим ходатайством руководящие работники губернии и вошли в правительство.

Через несколько дней по докладу губернского продовольственного комиссара расширенное заседание Тамбовского губисполкома вынесло решение: «Принимая во внимание общее политическое положение губернии, одобрить постановление Президиума от 8 февраля о прекращении госразверстки» [2].

Все документы, содержащие предложение прекратить взимание продразверстки с губернии и его обоснование, были представлены Советскому правительству. Оно удовлетворило просьбу трудящихся Тамбовской губернии. На основании решения, принятого Наркомпродом, губком, губисполком и губпродком 12 февраля выработали совместное постановление «О приостановлении выполнения продовольственной разверстки» [3]. В этом документе, в тот же день разосланном по всем уездам, говорилось: «Получено распоряжение Наркомпрода остановить дальнейшее выполнение хлебной разверстки, аппарат продорганов использовать в целях внутригубернских перебросок для посевной кампании. К выполнению этого распоряжения предлагает-

[1] Партийный архив Тамбовского обкома КПСС, ф. 840, оп. 1, д. 1016, л. 46.
[2] Там же, ф. 382, оп. 1, д. 80, л. 23.
[3] Там же, ф. 840, оп. 1, д. 408, л. 58.

ся приступить немедленно. По получению сего предлагается прекратить дальнейшее собирание хлебной разверстки и снять все продотряды...»[1]

Отмена продразверстки, которая являлась единственным источником снабжения хлебом и другими продуктами рабочих и служащих губернии, создавала значительные хозяйственные трудности. В связи с катастрофическим продовольственным положением губернии губисполком вынужден был просить Советское правительство помочь губернии продовольствием. И такая помощь была оказана.

Уже в самом факте отмены продразверстки был заложен неминуемый крах антоновщины: ликвидировалась экономическая основа, на которой развивался мятеж. О прекращении взимания продразверстки с губернии население охваченных мятежом уездов оповещалось листовками с аэропланов. А сама отмена продразверстки вылилась в конкретные, зримые меры, по достоинству оцененные крестьянством: были сняты все продотряды и организована выдача крестьянам семян для посева. Отмена продразверстки еще раз раскрыла крестьянам сущность Советской власти, всегда идущей навстречу чаяниям тружеников. Одновременно на своем горьком опыте они постигали грабительский характер антоновщины и многие сами просили освободить и защитить их от бандитов. Козловский уком партии уже в феврале 1921 года отмечал, что «население за Советскую власть в своем большинстве»[2].

Показательной для изменения позиции крестьянства в это время является резолюция общего собрания крестьян деревни Содчинки, Знаменской волости, Тамбовского уезда, принятая 10 февраля. «Мы, трудящиеся, крестьяне и крестьянки,— говорилось в ней,— сознаем, что эсеровские грязные затеи взорвать Советскую власть изнутри служат на пользу только заграничным капиталистическим эксплуататорам трудящегося люда, но никак не трудовому крестьянству...

Мы даем клятву верно и непоколебимо идти рука об руку с нашей Советской властью и верной нашей руководительницей — Коммунистической партией большевиков и обещаемся по восстановлению Советской

[1] Партийный архив Тамбовского обкома КПСС, ф. 840, оп. 1, д. 408, л. 58.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 13, д. 1020, л. 11.

власти на местах немедленно выдать в руки правосудия всех бандитов. Обращаемся с горячей крестьянской просьбой к крестьянам, поддавшимся на удочку эсеров, немедленно же бросить бандитские шайки, выдать в руки революционного правосудия всех негодяев-бандитов и всячески содействовать красным войскам, действующим по подавлению восстания, и скорейшей ликвидации мятежа. Призываем крестьянство не укрывать в своих селах бандитов и эсеров, поднявших преступную руку против рабоче-крестьянской власти.

Обращаемся с просьбой к представителям Советской власти оградить нас от бандитских налетов, ибо мы давно уже жаждем мирного труда. Со своей стороны, мы, что сможем, сделаем на благо всего трудового народа и для укрепления социалистического строя. Да здравствует Советская власть — наша подлинная рабоче-крестьянская власть! Смерть грабителям эсерам! Да здравствует тесный союз трудового люда!»[1]

Такие резолюции свидетельствовали о назревавшем переломе в настроениях тамбовского крестьянства в пользу Советской власти.

На приеме у Ленина

В феврале для информации Владимира Ильича Ленина о событиях в губернии в Москву выехали секретарь Тамбовского губкома Н. М. Немцов и представитель военного командования К. В. Редзько. Кроме того, зная о просьбе Владимира Ильича, высказанной в конце декабря 1920 года тамбовским товарищам, было решено взять в Москву и нескольких участников мятежа — «бородачей», как их называли, находившихся в губчека.

14 февраля В. И. Ленин долго беседовал с Немцовым о работе коммунистов губернии и событиях в ней. Владимир Ильич оставил у себя привезенные секретарем губкома документы и материалы, чтобы детальнее

[1] «Известия Тамбовского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов», 3 марта 1921 г.

с ними ознакомиться [1]. В тот же день вечером в Кремле В. И. Ленин принял тамбовских крестьян и приехавших с ними тамбовских руководителей.

Во время встречи с ними Ленин интересовался мельчайшими подробностями их жизни, настроениями, стремился узнать причины крестьянского недовольства и, самое главное, отношение крестьян к мятежу и Советской власти.

О более ранней встрече В. И. Ленина с тамбовским крестьянином (1918 год) вспоминал прогрессивный американский публицист Альберт Рис Вильямс: «Конечно, имея за плечами университетское образование, много томов собственных сочинений, побывав во многих странах в годы эмиграции, Ленин теоретически знал несравненно больше тамбовского крестьянина. Но, с другой стороны, крестьянин, прошедший тяжелую трудовую жизненную школу, мог поделиться с Лениным своим богатым практическим опытом. Этот крестьянин накопил в себе народную мудрость. Все это крайне интересовало Ленина. Как все истинно великие люди, Ленин понимал, что даже у самого неграмотного человека можно кое-чему научиться» [2].

Крестьяне рассказали Владимиру Ильичу о грабежах антоновцев, о том громадном ущербе, который наносит мятеж крестьянскому хозяйству. Говорили «бородачи» и о неправильных действиях некоторых представителей Советской власти и воинских частей, о случаях бесхозяйственности. От них Ленин узнал, что отдельные советские уполномоченные, мало знакомые с конкретными условиями, подменяли методы убеждения и разъяснения грубым администрированием.

«Агенты продотрядов,— продолжали рассказывать крестьяне,— не считаясь ни с чем, требовали и брали, а власти не обращали внимания. И еще очень обидно, что, бывает, берут картошку, мы ее свезем, где картошка гниет, и нас же опять заставляют очищать это место» [3].

Эти случаи свидетельствовали не только о неопытности некоторых советских работников, о бездумном

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, стр. 586—587 (примечания).

[2] «Правда», 7 февраля 1960 г.

[3] Газета «Тамбовский пахарь», 27 февраля 1921 г.

выполнении ими распоряжений вышестоящих организаций, но и о сознательных действиях врагов, пролезших в органы Советской власти и намеренно причинявших ей ущерб. «Сгноили картошку. Берут. Гноят»,— записал В. И. Ленин по ходу беседы [1] и рекомендовал выбирать в Советы самых лучших и добросовестных людей, которые могли бы защищать интересы честных земледельцев.

Об этой встрече рассказал присутствовавший на ней Михаил Федорович Беляков, в то время заведующий земельным отделом Тамбовского губисполкома. На жалобу одного из крестьян: «Хлеб у нас отбирают по продразверстке, прямо варежкой выметают из амбара» — Владимир Ильич ответил: «...а из ям спрятанный хлеб чем выгребают?.. Зачем прячете, от кого прячете и гноите хлеб, когда рабочие Москвы, Иванова, Тулы голодают... Заблудились вы, против законной Советской власти воюете, и это только на Тамбовщине. Вы же проезжали Рязанскую губернию, и Московскую, везде спокойно, а у вас подбивают крестьян воевать. Где же мы будем брать хлеб, чтобы кормить армию, рабочих, как не у тамбовских крестьян, имеющих много земли и запасов хлеба?.. Берем мы все взаймы, в долг, все вам вернется машинами, одеждой, обувью и другими товарами через кооперацию. Скоро весна. Вам нужно готовиться к севу. Скоро будет издан декрет о новой экономической политике, по которому продразверстка отменяется и крестьяне будут уплачивать налог, а все излишки хлеба могут продавать по своему усмотрению».

С интересом слушали крестьяне. Владимир Ильич попросил Лидию Александровну Фотиеву принести законопроект и прочитать его вслух. «Поезжайте к себе домой,— сказал он,— и расскажите всем, всем, что сами себя разоряете. Нужно приняться за восстановление хозяйства, организовать кооперативы для совместной обработки земли. Помогайте Советской власти налаживать все народное хозяйство» [2].

Глава Советского правительства на примерах показал антинародный характер антоновщины, объяснил им сущность продовольственной политики партии и посоветовал более активно бороться с ее нарушителями,

[1] Ленинский сборник XX, стр. 13.
[2] См. «Тамбовская правда», 12 марта 1966 г.

беспощадно изгонять их из органов Советской власти, а также шире организовывать беспартийные крестьянские конференции, на которых и высказывать все свои нужды, а главное, крепить рабоче-крестьянскую власть. Прощаясь с собеседниками, Владимир Ильич сказал: «Если теперь крестьяне будут обижены властью, сообщайте в губернию, а если губернская власть не примет во внимание, обращайтесь в Москву, в Кремль, ко мне. Можно письменно и лично» [1].

Как вспоминал Н. М. Немцов, крестьяне, выйдя из кабинета В. И. Ленина, все время повторяли: «Вот это правитель, вот это действительно голова государства, с этим не пропадем» [2].

Беседа Ленина с тамбовскими крестьянами имела огромное политическое значение. «Граждане, поговорив с Лениным,— отмечал секретарь Тамбовского губкома РКП (б) Борис Васильев,— приехали оттуда ярыми защитниками Советской власти, мы им дали мандаты, и они на местах приказывают бандитам сложить оружие» [3].

Рассказ крестьян «Что сказал товарищ Ленин крестьянам Тамбовской губернии» был опубликован 27 февраля 1921 года в первом номере газеты «Тамбовский пахарь» и издан большим тиражом отдельной листовкой. Участники встречи, выступая в деревнях и селах, рассказывали о беседе с Владимиром Ильичем, призывали немедленно прекратить бессмысленную борьбу и приниматься за мирный труд. И надо сказать, уже вскоре приток добровольцев в банды, по существу, прекратился.

Перестройка работы

16 февраля 1921 года в Тамбов прибыл В. А. Антонов-Овсеенко, направленный сюда по решению Политбюро ЦК. Он должен был возглавить Полномочную

---

[1] Газета «Тамбовский пахарь», 27 февраля 1921 г.
[2] Сб. «Старый большевик» № 1. М.—Л., 1930, стр. 98.
[3] Государственный архив Тамбовской области, ф. 1, оп. 4а, д. 83, л. 11.

комиссию ВЦИК по борьбе с бандитизмом[1]. В этот же день состоялось расширенное совещание Тамбовского губкома, на котором Антонов-Овсеенко информировал коммунистов о задачах, поставленных Центральным Комитетом партии. Основная задача — ликвидация антоновского мятежа — осложнялась внутрипартийной борьбой в губернской партийной организации. Большой вред причиняла неслаженность в работе руководящих партийных и советских органов губернии. Значительная часть руководства губкома (Н. М. Немцов, Б. Я. Пинсон и другие) и уездных партийных организаций (А. С. Лавров — в Козлове, И. В. Лотиков — в Моршанске, Н. С. Пешков — в Борисоглебске и другие) разделяла взгляды групп «рабочей оппозиции» и «демократического централизма». Вследствие этого губком в конце 1920 года был фактически неработоспособным.

В Центральном Комитете партии знали о ненормальном положении в тамбовской организации.

Подробно проанализировал положение в губернии, состояние ее партийной организации нарком просвещения А. В. Луначарский. По поручению ЦК РКП(б) и СНК он выезжал в Тамбовскую и соседние с ней губернии для выяснения положения на месте и оказания помощи местным партийным и советским органам. Луначарский встречался со многими руководящими работниками губернии, представителями военного командования. Его доклад в ЦК и лично В. И. Ленину, датированный 2 февраля 1921 года, содержал развернутую картину состояния партийной организации.

Уже с конца 1920 года, писал А. В. Луначарский, часть руководства губкома повела активную агитацию против работников, присланных из центра,— председателя губисполкома А. Г. Шлихтера и бывшего председателя губкома В. Н. Мещерякова. Деятельность оппозиционеров увенчалась успехом, и к руководству губкомом на X губпартконференции пришли сторонники «рабочей оппозиции» и «демократического централизма». А. В. Луначарский рассказал о своем

[1] В состав комиссни, сформированной через несколько дней, вошли помнмо ее председателя, назначеного в Москве, секретарь губкома Б. А. Васильев, председатель губнсполкома А. С. Лавров, командующий войсками Тамбовской губернии А. В. Павлов и начальник политического отдела А. И. Жабнн.

столкновении с ними, когда на фракцин губернского съезда Советов они стали отстаивать свон взгляды. В заключенне А. В. Луначарскнй отмечал слабость нового руководства и по просьбе бывшнх руководителей губкома ставил вопрос «относительно учреждення в Тамбовской губерннн Ревкома ввиду чрезвычайно тяжелого положения с расширяющимся восстанием»[1].

Изучив обстановку в губернин, Центральный Комнтет счел необходимым прннять меры по организационному укрепленню местной организацин. Именно поэтому 2 февраля ЦК партин принял решенне об укреплении политнческого руководства в губернии. Оргбюро ЦК партин направнло в Тамбов работавшего с августа 1920 года в Донбассе опытного партийного работника, члена партии с 1904 года Борнса Афанасьевича Васнльева. Из губернни и уездных организаций былн отозваны скомпрометнровавшие себя н недостаточно опытные работннкн, усилены коммуннстами советские органы н воннские части, развернута шнрокая агнтация и пропагандистская работа.

Учитывая сложившиеся условня и неотложность создания работоспособного руководящего партнйного органа, совещание партактнва 16 февраля 1921 года предложило Тамбовскому губкомнтету досрочно, в двухнедельный срок, созвать экстренную XI партийную конференцию.

Она состоялась 2—3 марта 1921 года н обсудила политическое и военное положение в губерннн. Делегаты конференции говорнли о необходимости укрепления партийных органов, политотделов Красной Армии, органов ЧК. Конференция призвала всех коммунистов губернни к сплоченню в крепкую, дисциплиннрованную органнзацию, способную протнвостоять мелкобуржуазному влиянию. «Неднсциплинированности, шкурничеству, мелкобуржуазному индивидуализму,— говорилось в резолюции,— должен быть положен решительный конец»[2].

Подробно был рассмотрен н вопрос о борьбе с кулацко-эсеровским мятежом. Отметив, что «крестьянство в своем подавляющем большинстве остается

[1] «Литературное наследство. В. И. Ленин и А. В. Луначарский. Переписка, доклады, документы», т. 80. М., 1971, стр. 485.
[2] «Известия Тамбовского губисполкома...», 5 марта 1921 г.

верным власти Советов и только условия чрезвычайно тягостного продовольственного положения в губернии благоприятствуют некоторым успехам пропаганды эсеров и других слуг буржуазии», конференция потребовала от коммунистов сосредоточить особое внимание на политической работе среди крестьян, на оказании немедленной практической помощи крестьянскому хозяйству. «Каждый член партии,— было записано в ее решении,— обязан принять самое активное участие в беспощадной борьбе с эсерами и другими провокаторами крестьянских масс» [1].

Обсудив очередные задачи местной организации, конференция избрала новый состав губкома РКП(б) с исключительными полномочиями и объявила парторганизацию губернии на военном положении.

В докладной записке в ЦК РКП(б) «О состоянии партийной организации с января по X съезд партии» Тамбовский губком сообщал: «Прибывший Антонов-Овсеенко, уполномоченный ЦК и ВЦИК, по постановлению собравшихся ответственных работников губернии созвал чрезвычайную XI губпартконференцию. Лотиков, Лавров, Пешков примкнули к позиции тов. Антонова-Овсеенко и тов. Васильева и вошли в новый губком [2], образованный с ответственным секретарем Васильевым. Такая ориентация губкома ликвидировала склоку» [3].

Руководствуясь решениями конференции, партийные и советские органы губернии совместно с Полномочной комиссией ВЦИК наметили конкретный план военно-политических мероприятий, направленных на ликвидацию мятежа и создание перелома в настроениях крестьянства. Хотя уже готовились исторические решения X съезда РКП(б) о переходе к новой эконо-

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 13, д. 1009, л. 10.

[2] В состав губкома вошли: В. А. Антонов-Овсеенко — председатель Полномочной комиссии ВЦИК; Б. А. Васильев — секретарь губкома; И. В. Лотников — заворготделом; А. И. Жабин — начальник политического отдела армии; М. Д. Антонов — председатель губчека; А. С. Лавров — председатель губисполкома; Н. С. Пешков — председатель комиссии по увольнению красноармейцев в отпуск и А. П. Галина — завгубженотделом. Президиум губкома был образован в составе В. А. Антонова-Овсеенко, Б. А. Васильева, И. В. Лотникова, А. С. Лаврова и А. И. Жабина (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 13, д. 999, л. 113).

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 13, д. 1009, л. 11.

мической политике и на Тамбовщине уже было объявлено об отмене продразверстки, «кое-где,— сообщал Тамбовский уездный комитет партии в губком РКП(б),— благодаря отчасти эсеровской агитации, наблюдается некоторое недоверие крестьян к новым мероприятиям Советской власти. Некоторые крестьяне видят в перемене курса продполитики новый подход, имеющий своей целью побудить лишь крестьян к поднятию сельского хозяйства, чтобы затем (примерно осенью) снова круто повернуть к разверстке»[1]. Поэтому, прежде чем приступить к активным действиям против злостных антоновцев, необходимо было идеологически изолировать от них основную массу крестьян. Для этого организовывались широкие политические кампании среди беспартийных трудящихся масс — конференции беспартийных крестьян, митинги, политбеседы.

Губком РКП(б) потребовал от Тамбовского, Кирсановского и Борисоглебского укомов партии организовать политическую работу «исключительно интенсивно, под непосредственной ответственностью укомов; бросить на нее максимум сил, не останавливаясь перед закрытием учреждений... сосредоточиться на переломе настроения крестьян»[2].

Начиная с февраля стали проходить уездные и районные крестьянские, рабочие и красноармейские конференции, а в марте состоялась губернская конференция беспартийных крестьян. На них заслушивались сообщения о посевной кампании и борьбе с бандитизмом, вырабатывалось общественное мнение против кулацко-эсеровского мятежа.

Тамбовская уездная конференция беспартийных крестьян, на которой выступили В. А. Антонов-Овсеенко, А. В. Павлов, а также побывавший на встрече с Владимиром Ильичем Лениным крестьянин Василий Петрович Бочаров, приняла воззвание «К крестьянам Тамбовской губернии». В нем содержался призыв «помогать доблестной Красной Армии уничтожать бандитов, нарушающих мирное строительство»[3].

---

[1] «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 4, кн. 1, стр. 73—74.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 13, д. 1000, л. 14.

[3] «Дружба народов», 1966, № 11, стр. 255—256.

«Мы внимательно и всесторонне, без всякого принуждения и стеснения,— говорилось в резолюции другой беспартийной конференции — крестьян Тамбовского и Лебедянского уездов,— обсудили все наши наболевшие вопросы и говорим прямо и открыто — крестьянству не нужно никакой другой власти, кроме Советской» [1].

Эта конференция, как и многие другие, призвала крестьян, примкнувших к эсеровским «дружинам», прекратить кровопролитие, выгодное только буржуазии, сдать оружие советскому командованию и вместе с Советской властью взяться за ликвидацию хозяйственной разрухи. От имени всего беспартийного трудового крестьянства делегаты обратились к командованию Красной Армии с призывом скорее очистить Тамбовскую губернию от кулацко-эсеровских банд, обещая красноармейцам в этой борьбе полное содействие и поддержку.

Крестьянские конференции Жидиловской, Волчковской, Хмелевской, Спасской волостей, Козловского уезда, и деревни Красной Федоровки, заклеймив позором эсеро-бандитов, объявили беспощадную борьбу с ними и дезертирами.

«Первая крестьянская беспартийная конференция Козловского района,— говорилось в одной из телеграмм в Тамбовский губисполком,— шлет свой крестьянский привет из далекого угла Борисоглебского уезда, только что освободившегося от проклятых банд, мешающих нам пахать землю. Мы просим Борисоглебский уисполком и Тамбовский губисполком помочь нам в нашем трудном теперь деле возрождения нашего хозяйства. Мы со своей стороны обязуемся приложить все усилия для поднятия сельского хозяйства. Победим разруху, как мы победили барона Врангеля, адмирала Колчака и прочую контрреволюционную сволочь» [2].

Конференции беспартийного крестьянства свидетельствовали об изменении настроения трудового крестьянства в пользу Советской власти. В то же время

---

[1] *Вл. Докукин.* Правда о бандитах. Изд. 2. Тамбов, 1921, стр. 15.

[2] Государственный архив Тамбовской области, ф. 1, оп. 5, д. 99, л. 17.

они позволяли глубже проникнуть в крестьянскую психологию, понять причины недовольства крестьян и определить меры, необходимые для его устранения. Всего до лета 1921 года было проведено две губернских беспартийных конференции, 15 уездных, шесть городских, 90 волостных; сельские конференции крестьян прошли почти во всех селах и деревнях Тамбовской губернии[1]. Крестьянские делегаты благодарили Советскую власть за решительную борьбу с кулацко-эсеровским мятежом, за восстановление порядка и выражали готовность помочь ей.

Новый курс партии

Отмена продразверстки на Тамбовщине, беседа Ленина с тамбовскими крестьянами, имевшая огромное политическое значение, — все это происходило накануне события, ставшего знаменательной вехой в жизни партии и страны. Событием этим явился X съезд РКП(б), работа которого широко освещалась в центральной и местной печати. Съезд состоялся в марте 1921 года и принял историческое решение о замене продразверстки продналогом и переходе к новой экономической политике.

В отчете о политической деятельности ЦК РКП(б) В. И. Ленин дал всесторонний анализ политической обстановки в стране.

За несколько дней до съезда начался контрреволюционный мятеж в Кронштадте, организованный эсерами, меньшевиками, анархистами и белогвардейскими офицерами. Не решаясь открыто выступить против советского строя, контрреволюционеры практически применили ту же тактику борьбы, что и тамбовские эсеры. В целях обмана масс они выдвинули лозунги: «Вся власть Советам, а не партиям», «Советы без коммунистов». Их лозунги фактически смыкались с лозунгами идеологов антоновщины. Таким образом мятежники рассчитывали отстранить коммунистов от руководства

[1] Государственный архив Тамбовской области, ф. 1, оп. 4а, д. 83, л. 11.

Советами и, превратив Советы в орудие контрреволюции, восстановить капитализм.

Крестьянские волнения в ряде районов страны, события в Кронштадте свидетельствовали о разгуле в стране мелкобуржуазной стихии, о том, что Россия переживает серьезный политический кризис, неразрывно связанный с кризисом в экономике. В планах брошюры «О продовольственном налоге» В. И. Ленин записывает: «Экономика весны 1921 года превратилась в политику: «Кронштадт»» [1].

Раскрыв тесную связь кронштадтских событий с деятельностью международного империализма и мелкобуржуазных партий, В. И. Ленин в докладе и в выступлениях на съезде показал, что они свелись, по существу, к мелкобуржуазной контрреволюции, к мелкобуржуазной анархической стихии, которая, по существу, «есть политическая ступень к белогвардейщине» [2]. Он подчеркнул, что буржуазия старается использовать мелкобуржуазную анархическую стихию для низвержения диктатуры пролетариата и реставрации капитализма.

В. И. Ленин развил тезис о необходимости обеспечить крестьянину возможность хозяйничать, дать ему известную свободу в местном обороте, для этого ввести налог вместо разверстки, чтобы мелкий хозяин мог сообразно с ним устанавливать размер своего производства. Он показал, что крестьянство стало гораздо более средним, чем прежде, поэтому государственную экономику необходимо теперь строить применительно к экономике середняка. Уметь найти способы соглашения, прежде всего с середняком,— это и есть важнейшая практическая задача партии. В. И. Ленин решительно заявил о том, что крестьянство в тесном содружестве с рабочим классом страны пойдет в сторону социализма.

В докладе В. И. Ленина был дан ответ и на вопрос, чем была вызвана необходимость замены продразверстки продовольственным налогом. Он разъяснил, что наиболее правильной политикой в стране диктатуры пролетариата является обмен хлеба на промышленные товары, необходимые крестьянству. Продналог яв-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, стр. 387.
[2] Там же, стр. 24, 31.

ляется переходом именно к такой политике. Если продразверстка предполагала изъятие продовольственных излишков, монополию государства на хлеб, то продовольственный налог, будучи твердо фиксированным и меньшим, чем продразверстка, предусматривает создание у крестьян материальной заинтересованности в увеличении посевных площадей, в повышении урожайности. «Хозяин может и должен стараться за свой собственный интерес,— указывал Ленин,— потому что с него не возьмут всех излишков, а только налог, который, по возможности, нужно будет определить заранее. Основное — чтобы был стимул, побудитель, толчок мелкому земледельцу в его хозяйствовании» [1].

В директивах съезда указывалось, что налог должен быть меньше обложения, налагавшегося раньше путем разверстки, а сумма его будет исчислена таким образом, чтобы покрыть минимальные необходимые потребности армии, рабочего класса и других слоев неземледельческого населения; подчеркивалось, что размер продналога будет уменьшаться по мере успехов восстановления народного хозяйства страны и он будет носить прогрессивный характер, то есть зависеть от состояния хозяйства земледельца.

X съезд РКП(б) поручил Центральному Комитету провести закон об отмене разверстки через ВЦИК и Совет Народных Комиссаров. 21 марта 1921 года ВЦИК утвердил постановление «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом», а 28 марта во исполнение этого постановления Совет Народных Комиссаров принял два декрета: «О размере продовольственного натурального налога на 1921—1922 гг.» и «О свободном обмене, покупке и продаже сельскохозяйственных продуктов в губерниях, закончивших разверстку».

Размеры налога определялись путем конкретного учета средней урожайности, площади посева и имущественного положения каждого отдельного хозяйства. Всей тяжестью он ложился на кулацкую и зажиточную часть деревни. Середняк платил умеренный налог, беднота от налога освобождалась частично или полностью. После сдачи налога крестьянам предоставлялось право свободной продажи или обмена излишков

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, стр. 71.

продовольствия, сырья и фуража. Таким образом они получали стимул для расширения площади засева и повышения производительности своего хозяйства.

Экономическая выгода натурального налога по сравнению с продразверсткой была наглядно видна трудовому крестьянству. Так, например, весной 1921 года натуральный налог был определен для Тамбовской губернии в 5,3 миллиона пудов, а после уточнения в октябре 1921 года — в 8,5 миллиона пудов, что составляло 29 процентов валового сбора зерна, то есть свыше 70 процентов собранного зерна оставалось в руках крестьянских хозяйств и те могли использовать его по своему усмотрению.

Введение продналога предполагало расширение торгового оборота. Свободная торговля вела к некоторому оживлению капитализма, к росту кулачества. Однако при сохранении командных высот в руках социалистического государства опасность реставрации капитализма в стране была не страшна. В то же время развитие торгового оборота должно было помочь воссоздать всероссийский внутренний рынок, оживить сельское хозяйство и получить необходимое для восстановления и развития промышленности количество продовольствия и сырья. Торговля, таким образом, становилась основной формой экономической связи между городом и деревней.

Одновременно всемерное развитие на селе получали все виды кооперации: потребительская, сельскохозяйственная, кредитная, промысловая. Эти ее формы подводили крестьян к основной производственной кооперации земледельцев — колхозам.

Все эти меры обеспечивали правильное сочетание общественных и личных интересов трудящихся, их материальную заинтересованность в росте народного хозяйства.

Новая экономическая политика, разработанная Лениным, была рассчитана на весь переходный период от капитализма к социализму, на ликвидацию капиталистических элементов и полную победу социалистической системы хозяйства. Она вводилась «всерьез и надолго» [1].

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, стр. 329.

Советская власть укрепляется

После X съезда партии политическая кампания сосредоточилась вокруг декрета о продналоге, знаменовавшем начало нового курса. В практической пропаганде политики партии широко использовались материалы съезда, центральной прессы, декреты Советского правительства, данные местных хозяйственных органов.

Новый экономический курс партии был с воодушевлением встречен трудящимися Тамбовщины. «...Сообщение о снятии продразверстки с губернии, о законах, направленных к поднятию сельского хозяйства,— отмечалось в документе «Уроки Тамбовского восстания»,— о переходе от продразверстки к продналогу было встречено полным удовлетворением... Настроение основных слоев крестьянства резко изменилось в сторону, враждебную... бандитизму»[1]. Мероприятия партии и правительства почти повсеместно оценивались сельскими тружениками как правильные, своевременные и целесообразные.

С введением натурального налога крестьяне энергичнее взялись за обработку земли. Так, несмотря на бушевавший еще мятеж, убыль лошадей и крупного рогатого скота, изношенность сельскохозяйственного инвентаря и недостаток семян, весной 1921 года было засеяно больше, чем в 1920 году. При этом под пашни отводились и заброшенные земли, и пустоши, ранее не используемые.

«Напрячь все силы к тому,— говорилось в резолюции крестьян села Б. Пролома, Спасского уезда,— чтобы ни один клочок земли не остался незасеянным. Пусть каждый из нас знает и твердо помнит, что, чем больше он засеет земли, тем больше будет иметь излишков хлеба, которые останутся в его полном распоряжении»[2].

---

[1] «Вестник агитации и пропаганды», орган ЦК РКП(б), 1921, № 18, стр. 40.

[2] Партийный архив Тамбовского обкома КПСС, ф. 840, оп. 4, д. 228, л. 221, 222.

Как сообщал Моршанский уком партии, «крестьяне понимают изменение курса продполитики с введением продналога и свободного обмена как шаг по пути восстановления экономического благосостояния страны и, главным образом, как стремление пойти на помощь укреплению крестьянского хозяйства» [1].

Подробно этот вопрос рассматривался на губернской конференции беспартийных крестьян 10—16 марта 1921 года. «Мы приветствуем,— говорилось в ее резолюции,— заявление товарища Ленина на съезде о необходимости дать простор крестьянину и перейти от продразверстки к натуральному налогу» [2].

В воззвании к антоновским «полкам» участники конференции на конкретных н ярких примерах разоблачали авантюрнстический и грабительский характер мятежа, его антинародную сущность.

Накануне губернской конференции беспартийных крестьян Полномочная комиссия ВЦИК опубликовала в губернской газете обращение к крестьянам, в котором призывала их через своих делегатов открыто высказывать претензии нли недовольство относительно работы органов Советской власти, отдельных ее представителей и действий красноармейских частей. И не случайно поэтому, доклады с мест на конференции носили откровенный и деловой характер.

Обсудив их, участники конференции постановили:

«1. Просить Советскую власть все заявленные нами жалобы о несправедливых действиях на местах продагентов, продотрядов и всех советских служащнх принять не только к сведению, но и для скорейшего устранения на будущее время подобных явлений.

2. Сократнть во всех советских учреждениях канцелярскую волокиту, идущую в ущерб плодотворному делу.

3. Принять действительные меры, чтобы собираемый с большим трудом добываемый нами хлеб н картофель бережно хранился в ссыпных пунктах и других хранилищах и ни в коем случае не допускался к порче.

4. В предупреждение на будущее время наносимых государству убытков порчею хлеба и картофеля за-

[1] Партийный архив Тамбовского обкома КПСС, ф. 840, оп. 4, д. 228, л. 221, 222.

[2] «Известия Тамбовского губисполкома...», 17 марта 1921 г.

ведующими советскими ссыпными пунктами, совхозами и другими хлебными хранилищами назначать честных, с практическим опытом лиц.

5. Во всех случаях порчи хлеба и картофеля и замеченных злоупотреблений в советских учреждениях немедленно назначать следствие из беспристрастных лиц для предания виновных суду.

6. Внутреннее перераспределение в уездах для прокорма голодающего населения производить, обязательно посоветовавшись с представителями волостей, по возможности не прибегая к продотрядам.

7. Для привлечения хороших работников в Советы просить, чтобы сотрудники сельских и волостных Советов не подвергались аресту в административном порядке прибывающими в волости отдельными агентами, инструкторами и другими уполномоченными»[1].

Эти пожелания показывали, с одной стороны, характер крестьянского недовольства, ставшего одним из мотивов их участия в мятеже или сочувствия антоновцам, а с другой — наглядно свидетельствовали и своим тоном, и конкретностью замечаний и предложений о том, что крестьянство все больше проникается верой в Советскую власть, видит в ней олицетворение своих чаяний. В этом коллективном документе нашли отражение ленинские советы, данные тамбовским крестьянам в беседе 14 февраля 1921 года.

Местные партийные и советские органы развернули широкую работу по укреплению Советской власти. При исполкомах уездных Советов были образованы полномочные «тройки», призванные на местах контролировать деятельность административно-судебных и советских учреждений; в их состав входили ответственные представители укома партии, уездного исполкома и органов рабоче-крестьянской инспекции.

О создании и работе «троек» широко извещалось местное население; все жалобы на неправильные действия органов Советской власти и красноармейских частей рассматривались в экстренном порядке. «Побольше гласности, побольше деловой критики недостатков советского аппарата,— говорилось в одном из писем губкома уездным организациям РКП(б).— Беспощаднейшая борьба со всяким помпадурством,

[1] «Известия Тамбовского губисполкома...», 18 марта 1921 г.

чинодральством, пьянством, всеми большими и маленькими злоупотреблениями советских работников»[1].

Борьба с злоупотреблениями в работе советских органов, введение гласного судопроизводства, чистка учреждений от бюрократических и враждебных элементов — этим партия настойчиво укрепляла авторитет Советской власти.

В освобожденных от мятежников деревнях и селах приходилось фактически заново строить органы Советской власти, так как сельские Советы там были почти повсеместно ликвидированы, а их работники уничтожены или терроризированы. Советское строительство начиналось обычно с учреждения ревкомов. Волостные ревкомы включали, как правило, пять человек — представителей уездного исполкома, ячейки РКП(б) и военкомата, а также двух местных граждан. Сельские ревкомы состояли из трех наиболее активных, преданных Советской власти бедняков и середняков. Пользуясь полнотой власти в районе, ревкомы налаживали нормальную хозяйственную и политическую жизнь, готовили выборы местных Советов.

Полномочная комиссия ВЦИК и партийные органы, настойчиво добиваясь того, чтобы сельсоветы и волисполкомы губернии превратились из органов административного воздействия в органы преимущественно хозяйственного руководства, направили политико-воспитательную и разъяснительную работу на то, чтобы крестьяне выбирали в Советы наиболее сознательных своих представителей, с большим практическим и хозяйственным опытом. «Мы призываем вас к дружной работе по восстановлению народного хозяйства,— говорилось в обращении Полномочной комиссии к трудящимся Тамбовской губернии.— Мы призываем вас к работе по укреплению власти трудящихся. Мы призываем вас к действию в искоренении всяких злоупотреблений, к очистке советских учреждений от недостойных людей»[2].

При этом местным партийным и советским органам власти комиссия давала конкретные практические указания, направленные на укрепление авторитета Советской власти исключительно при опоре на местные

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 13, д. 1003, л. 32.
[2] Газета «Тамбовский пахарь», 3 марта 1921 г.

передовые силы. Особо подчеркивалась необходимость борьбы с бесхозяйственностью, беспечностью, халатностью. «Правилом должно быть,— писал в марте в статье «Ближе к деревне», опубликованной в «Известиях Тамбовского губисполкома», председатель комиссии В. А. Антонов-Овсеенко,— беспощадное преследование бесхозяйственности, образцовый порядок в хранении и распределении получаемых от населения продуктов. Такие явления, как неуборка вовремя лугов, хлебов, вымерзание картошки, самосгорание зерна, должны быть предотвращены во что бы то ни стало».

В результате большой организационной и разъяснительной работы партии в ходе перевыборов волостных и сельских Советов, проходивших весной 1921 года, существенно повысилась активность среднего крестьянства, стремившегося с целью защиты хозяйственных интересов иметь в Советах своих представителей.

Благодаря деятельности партии, проведению ею курса на укрепление местных органов Советской власти работа сельских Советов — полномочных органов государства диктатуры пролетариата на селе — значительно улучшилась. Они успешно содействовали упрочению в деревне позиций Советской власти, укреплению союза рабочего класса с крестьянством, сплочению трудящегося крестьянства вокруг Коммунистической партии.

Сельские труженики поняли после введения продовольственного налога, что партия, пролетарская власть заботятся об их интересах. И в то же время решительные действия против мятежников говорили о том, что Советская власть не допустит ослабления пролетарской диктатуры.

Трудящиеся крестьяне, обманным путем втянутые в мятеж, после отмены продразверстки и принятия законов об укреплении крестьянского хозяйства решительно рвали с мятежниками и включались в борьбу с местным бандитизмом. Так, жители села Каменка поймали председателя эсеровского губкома Григория Плужникова и передали его органам Советской власти, хотя в этом селе он пользовался раньше большим влиянием.

Широкое распространение в губернии получила в это время кампания так называемых сельских пригово-

ров, когда на открытых общих собраниях крестьяне сурово осуждали антисоветскую деятельность антоновцев и просили оказать вооруженную помощь в борьбе с ними. Часто сельские сходы требовали от своих односельчан, ушедших в банды, явиться в свои села и сдать оружие Советской власти.

По своей инициативе крестьяне стали составлять списки активных антоновцев и передавать их советскому командованию. С помощью крестьян в Козловском уезде в течение мая было выловлено более полутора тысяч злостных участников мятежа, в Борисоглебском — до 500 человек и т. д.

Об изменении политической атмосферы в деревне красноречиво свидетельствовали и факты организации в селах и деревнях добровольных крестьянских дружин для обороны селений от бандитских налетов и быстрого подавления всякого рода контрреволюционных выступлений, для охраны железных и шоссейных дорог. Такие отряды самообороны создавались из коммунистов и беспартийных во многих селах и деревнях охваченных мятежом уездов.

Свидетельством начавшегося перелома в настроении крестьянских масс явились все более возраставшая поддержка населением мер, направленных против антоновских отрядов, и участившиеся случаи перехода на сторону советских войск не только отдельных групп участников мятежа, но и целых отрядов антоновцев, а также проведенный с 21 марта по 5 апреля двухнедельник добровольной явки участников мятежа. Ему предшествовала большая предварительная работа среди крестьян.

В выпущенном обращении Полномочной комиссии ВЦИК, губисполкома и командования войск «К крестьянам, втянутым в бандитские шайки» говорилось: «Крестьяне, честные пахари! Все, кто по неразумению, обманом или силой был втянут в постыдное дело борьбы с Советской властью, [помните]: двухнедельник кончается 5 апреля... Кто явится к этому сроку добровольно с оружием в штаб какой-либо красной части, тот будет прощен и отпущен домой, если он не является дезертиром. Дезертир пойдет в Красную Армию, но не подвергнется никакому наказанию. Вожаки и подстрекатели, если явятся добровольно, будут избавлены от высшей меры наказания, от расстрела».

В результате двухнедельника с повинной из лесов вышло 3 тысячи человек, а к 12 апреля — свыше 7 тысяч крестьян, в том числе целиком полк со всем вооружением.

Симпатии деревни теперь на стороне Советской власти и Красной Армии. Довольно точно отражают духовное состояние крестьянства, его настроения частушки, родившиеся в ту переломную пору. И уже с открытой насмешкой поют у околицы:

Бандит молодой,
Дали ему плетку,
Сопли-слюни распустил —
Едет на разведку.

И еще одно отражает частушка. Мятеж — драма для деревни. Многие тысячи крестьян втянуты в него обманом, шантажом, прямым террором. И вот близится разгром, неминуемая гибель. Многие «партизаны», отравленные эсеровской пропагандой, не верили в милость Советской власти. Выхода нет. И эту трагедию точно, обнаженно передает безыскусная частушка:

Как у нас, у ворот,
У самой калиточки,
Удавился бандит
На суровой ниточке...

И уже поют частушки о победе над бандитами:

Рожь поспела —
Покосили.
Всех бандитов
Подушили...

Большевистское слово — в массы

Большое значение в это время имела большевистская печать и новое, социалистическое искусство, обращенное в основном к деревне.

С весны 1921 года печатная пропаганда в Тамбовской губернии достигла невиданного до того масштаба. Помимо газеты «Известия Тамбовского губисполкома», выходившей тиражом 10—15 тысяч экземпляров,

здесь издавались специальные газеты для крестьян — «Тамбовский пахарь» и «Пахарь», выпускались типографским способом стенные газеты «Правда о бандитах», стенные, устные и световые газеты «Роста» (губернские и уездные), печаталось огромное количество брошюр, плакатов, листовок и воззваний. Так, с 1 марта по 1 августа 1921 года было выпущено 806 300 экземпляров журналов и газет, издано 77 названий брошюр, воззваний и листовок общим тиражом более 1 миллиона экземпляров. В их числе были брошюры «Правда о бандитах» В. Докукина, «Закон о мерах укрепления крестьянского хозяйства», «Наказ красноармейцу», «Партия эсеров», «О продналоге», «Гони бандитов», листовки «О натурналоге», «Ко всему населению Тамбовской губернии», «Ко всем участникам бандитских шаек», «К мирному труду», «На помощь голодающим крестьянам», «Где твой враг, крестьянин?», «К рядовым участникам бандитских шаек», плакаты «Антоновцы за работой» и др. Не менее двух третей всех изданий распространялось в районах, охваченных антоновщиной.

В то время как вожаки мятежа пытались скрыть от рядовых его участников и местного населения решения VIII съезда Советов и X съезда партии о мерах содействия единоличному крестьянскому хозяйству, и особенно об отмене продразверстки, советская печать разъясняла значение мероприятий партии и Советской власти, связанных с переходом страны к нэпу, рассказывала о путях осуществления перехода от продразверстки к продналогу в Тамбовской губернии. В то же время она разоблачала контрреволюционную сущность действий эсеров, организовавших кулацко-бандитские выступления, на злободневных примерах показывала звериное лицо бандитских вожаков, призывала к добровольной явке участников мятежа.

Строгой и беспощадной критике подвергался также бюрократизм, самоуправство, местничество в работе советского аппарата, в газетах публиковались письма трудящихся с указаниями на те или иные нездоровые явления и сведения о мерах, принятых по этим письмам.

«За 1921 год,— вспоминал редактор газеты «Известия Тамбовского губисполкома» В. Докукин,— мы писали и выпускали бесчисленное количество агитаци-

ной литературы — листовок, воззваний, брошюр, плакатов и пр... Типографии работали бешеным темпом, не считаясь со временем... Колоссальную пользу принесли нам воздушные эскадры, тысячами разбрасывавшие наши листовки и брошюры в бандитских районах. Многие из наших воззваний, приказов, мою брошюру «Правда о бандитах» впоследствии находили глубоко запрятанными в сумках у бандитов... Печать... разлагала бандитские шайки... способствовала пробуждению сознания обманутых крестьян, информировала о распоряжениях, декретах рабоче-крестьянского правительства».

Материалы печати обсуждались на собраниях и сходках, на митингах и беспартийных конференциях, резолюции которых систематизировались и обобщались Полномочной комиссией ВЦИК.

Широко развернута была и устная агитационная работа. Члены губкома и губисполкома, укомов, уполномоченные центра постоянно выступали с лекциями, докладами, проводили беседы с крестьянами. Большой популярностью среди местного населения пользовался художественный агитколлектив, руководимый Н. Варзиным и Д. С. Васильевым-Буглаем. Спектакли, инсценировки из произведений Д. Бедного и других советских поэтов и писателей, концерты иногда проводились буквально под обстрелом бандитов, и самим артистам приходилось нередко участвовать в вооруженных схватках с мятежниками.

Вот что рассказал Н. Варзин в очерке «Тамбовский агиттеатр» об этом бесстрашном, преданном делу революции коллективе, участником которого он был сам:

«Однажды так завершился спектакль «Мститель» (О Парижской Коммуне)... Мы остановились в богатом кулацком селе. Как ни искали, подходящего для «театра» места не нашлось. Тогда решили играть спектакль прямо на кладбище. На колокольне разместили дозор. Спектакль шел удачно, с подъемом, но когда началась сцена боя коммунаров, на колокольне ударили в набат: из леса за селом появилась в конном строю банда. Наши зрители — красноармейцы — тут же взялись за оружие. Они пошли в обход вместе с актерами, и банда, прискакавшая к кладбищу, попала под перекрестный обстрел.

Иногда приходилось выступать в тылу у бандитских шаек и уезжать в последнюю минуту перед налетом. Среди сельской интеллигенции встречались обыватели, которые вели себя соглашательски, а иногда даже и явно предательски. Помню, в Сампуре почтовый служащий вместо того, чтобы дать телеграмму в Тамбов с просьбой о подкреплении, телеграфировал совсем по другому адресу. Глубокой ночью в селе появились конники на неоседланных лошадях, с обрезами в руках. Мы тут же выставили заслон, и началась стрельба на железнодорожных путях у нашего агитвагона.

При налете на коммуну «Пчелка» бандиты зарубили поголовно всех членов коммуны, разграбили имущество... Антоновцы рьяно разыскивали агитаторов, чтобы «набить им животы бумагой», сожгли все книги и газеты, которые мы привезли.

Так шла война без линии фронта. Враги поджидали за каждым углом...

Однажды, возвращаясь из села Ляда, агитбригада вынуждена была выбрать между бандитскими обрезами и волчьими клыками. Мы предпочли зверей. Отстреливаясь от стаи, бригада благополучно вернулась в город. Помню, во время концерта на станции Терновка кто-то закричал, что появились бандиты. Зрители бросились к дверям, заволновались хористы.

Васильев-Буглай властно скомандовал: «Слушай «Марш коммунаров»!» И музыка победила панику. Зрители вернулись на свои места, а за околицей гремела перестрелка» [1].

Навстречу крестьянским нуждам

Многосторонняя идеологическая работа, проводившаяся среди тамбовского крестьянства, стала важным звеном в общей цепи мероприятий партии, направленных на укрепление Советской власти.

---

[1] *Л. Гранат, Н. Варзин,* Актеры — агитаторы, бойцы. М., 1970, стр. 145—148.

На завоевание крестьянских масс, их сознательное вовлечение в активное строительство новой жизни были направлены и все другие действия партийно-советских органов губернии.

Учитывая пожелания тамбовских крестьян на конференциях беспартийных крестьян, в соответствии с решениями ЦК РКП(б) и Советского правительства Полномочная комиссия вместе с губкомом и губисполкомом осуществила ряд мер по оказанию труженикам тамбовской деревни неотложной экономической помощи. Еще до декрета Совнаркома от 28 марта 1921 года о свободном обмене, продаже и покупке хлебных, зернофуражных продуктов и сена в губернии была разрешена свободная торговля продуктами и сеном, снят запрет с открытия маслобоек и мельниц, облегчены условия гужевой повинности, улучшено снабжение населения солью, спичками, керосином и мануфактурой; для оказания необходимой материальной помощи пострадавшим от бандитизма селам выделялись специальные фонды. Частям Красной Армии было дано распоряжение оказывать трудовому крестьянству всемерную помощь.

28 апреля в газете «Тамбовский пахарь» был опубликован приказ командующего войсками Тамбовской губернии. В нем говорилось: «Наступило время посева, бандиты, называющие себя Союзом трудового крестьянства, руководимые партией эсеров, во многих местах губернии учащают насилия над мирными пахарями, сгоняют с полей работающих крестьян, отбирают у них лошадей и т. д...

Приказываю: всем войсковым начальникам во всех случаях идти на помощь трудящемуся крестьянству, предоставляя им по мере возможности лошадиную и ручную силу красноармейских частей...»

При боевых участках начали создаваться военные посевные комитеты. Теперь наряду с оперативными сводками о боевых действиях частей в штаб командующего войсками Тамбовской губернии шли донесения о количестве вспаханной земли и других практических делах красноармейцев. Помощь эта была конкретна и действенна, особенно на фоне грабежей и насилий, имевших место со стороны антоновцев. Для примера приведем одну политсводку, сухую, немногословную, но говорящую сама за себя. За пятидневку

июля 1921 года одной из красноармейских частей проделана следующая работа:

«*Курдюки:* крестьянам оказывается помощь по уборке хлеба. С 20-го по 25-е работало 15 лошадей, 3 самокоски и 65 красноармейцев.

С. Пересыпкино: организован из 70 человек и 30 лошадей красноармейский отряд для оказания помощи населению по уборке хлеба. Произведен учет нуждающихся крестьян, которым оказывается помощь.

По 15 июля 148-й бригадой вспахано для беднейшего населения 192 дес. и засеяно 168 дес. Населению оказывалась помощь по взметке пара, сенокосу, уборке хлеба и проч.

142-м полком вспахано $57^1/_2$ дес. пара, 14 дес. заборонено. Скошено 15 дес. ржи и проч. Ежедневно работало 31 лошадь и 73 красноармейца.

443-м полком ежедневно беднейшим крестьянам давалась 21 лошадь. Из членов РКП и красноармейцев организована ударная группа по оказанию помощи беднейшим крестьянам.

85-й полк дает населению лошадей для уборки хлеба. Кавэскадрон провел 1 субботник в помощь семьям красноармейцев. Перевезено 21 копна ржи, 38 возов сена» [1].

Многое сделала для организации помощи крестьянским хозяйствам губернская посевная комиссия, возглавляемая А. Г. Шлихтером, а затем В. А. Антоновым-Овсеенко. В задачу посевных комиссий, созданных еще в январе 1921 года почти во всех уездах и волостях, входило оказание крестьянским хозяйствам всесторонней помощи. В губернии начали открываться ремонтные мастерские, кузницы, прокатные и зерноочистительные пункты, усилилась агротехническая пропаганда. Работа комиссий, как и политические мероприятия по проведению губернского двухнедельника подготовки семян, недели красного пахаря, недели профдвижения, недели рабоче-крестьянской инспекции, помогала выполнению основной политической задачи — созданию решительного перелома в настроениях крестьянства в пользу Советской власти. В губернских и уездных газетах систематически публико-

[1] «Антоновщина...», стр. 34—35.

вались «советы крестьянину», отчеты о ходе подготовки к севу, разъяснения о новой экономической политике Советской власти и мерах укрепления сельского хозяйства.

Уже в апреле 1921 года в настроениях тамбовских крестьян произошли заметные сдвиги. «Деревня, даже та, которая целиком была антоновской, теперь ждет Советскую власть, дабы приступить к мирной и спокойной жизни,— сообщало командование 1-го боевого участка (Кирсановский уезд) 23 апреля.— Сейчас в связи с весенними, а затем и летними работами банды Антонова тают. Крестьянство бросает банду, винтовку и идет работать в поле, к сохе» [1]. И с каждым весенним месяцем тамбовские крестьяне все более решительно отворачивались от антоновцев, видя уже только в Советской власти свою защиту и надежду на лучшее будущее.

Социально-экономические и политические мероприятия, осуществленные Коммунистической партией и Советской властью, оказывали решающее влияние на настроения широких масс крестьянства, буквально парализовали бандитизм на территории губернии. Многие участники антоновских отрядов стали понимать бесперспективность дальнейшей борьбы. Жизнь убедительно доказывала, что Советская власть — власть трудящихся и отстаивает права и коренные интересы народа.

Под действием объективных и субъективных причин в отрядах антоновцев началось разложение. Организаторам мятежа не удалось объединить крестьянство в борьбе против Советской власти не только в масштабах страны, как об этом мечтали эсеровские идеологи, но даже в пределах одной Тамбовской губернии. В результате политики партии и Советского государства мятеж, который замышлялся как толчок к широкому антисоветскому движению крестьян во всероссийском масштабе, стал неуклонно сходить на нет.

Органы революционной власти, опираясь на поддержку широких масс трудящихся, получали теперь возможность сравнительно быстро навести революци-

---

[1] *И. Я. Трифонов.* Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921—1923 гг.), ч. I. Л., 1964, стр. 142.

онный порядок в губернии и покончить с кулацко-эсеровскими бандами. Но борьба еще не кончилась. Напротив, она даже ожесточилась. В рядах мятежников оставались, по существу, самые закоренелые враги советского строя, злостные контрреволюционные элементы, «переубедить» которых можно было только языком оружия.

Подготовка главного удара

Благодаря политическим и экономическим мерам Советского правительства, в результате переброски на территорию Тамбовской губернии регулярных частей Красной Армии была создана прочная база для сокрушения антоновщины, ее костяка, оставшегося верным пагубной идее свержения власти Советов вооруженным путем. Но борьба с антоновцами предстояла напряженная, поскольку их численность была еще весьма значительной.

В начале 1921 года антоновцы имели четыре довольно крупные подвижные группировки. К югу от Кирсанова (в районе Рамза — Инжавино) действовала группа Антонова, к югу от села Рассказова — отряд Токмакова, к северу от Тамбова (в районе Черненое — Пахотный Угол) — банда Селянского, в районе станции Жердевка — отряд Богуславского. В январе — феврале 1921 года части антоновской «армии» численностью до 9 тысяч человек вторглись в Балашовский и Сердобский уезды Саратовской губернии, захватили станцию Ртищево, в марте — в Чембарский уезд Пензенской губернии. Антоновцы действовали и в Бобровском и Новохоперском уездах Воронежской губернии[1].

К 1 февраля, как сообщал в ЦК РКП(б) и Реввоенсовет республики начальник политотдела тамбовских войск А. И. Жабин, насчитывалось 10 крупных отрядов мятежников (16 050 человек при 10 пулеметах и 1 орудии), к 1 марта число антоновских отрядов

[1] См. *И. Я. Трифонов.* Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921—1923 гг.), ч. I, стр. 246—247.

возросло до 13 (17 600 человек при 25 пулеметах и 5 орудиях).

Кулацкая вооруженная контрреволюция охватила Кирсановский, Тамбовский и Борисоглебский уезды, большую часть Козловского и Моршанского, часть Лебедянского, Усманский и Липецкий уезды. В тяжелых боях мятежники несли крупные потери, но до окончательного их разгрома было еще далеко. Кроме того, к весне на Тамбовщину из Воронежской губернии перебазировались кулацко-бандитские отряды Колесникова [1], а из Саратовской губернии — банды Попова, стремившиеся соединиться с «армией» Антонова и действовать совместно.

Обеспокоенный медлительностью военного командования и незначительностью успехов в борьбе с бандитизмом, В. И. Ленин в записке Э. М. Склянскому 6 февраля 1921 года писал: «Пусть два раза в неделю мне дают *краткие*, самые краткие *итоги борьбы* с бандитизмом» [2], а затем в новой записке в тот же день потребовал: «Закажите мне *краткий* доклад Главкома (с краткой схемой размещения банд и войск) о том, что делается.

Как используется вполне надежная конница?

— бронепоезда? (Рационально ли они размещены?

Не курсируют ли *зря*, отнимая хлеб?)

— броневики?

— аэропланы?

Как и сколько их используется?

---

[1] Иваи Колесииков, кулак из села Старая Калитва, Вороиежской губерииии, бывший уитер-офицер царской армии и дезертир из Красиой Армии, сбил отряд числеииостью до 5 тыс. человек и был «избраи» комаидиром этой «дивизии», состоявшей из 3—4 кавалерийских полков. На ее вооружеиии было несколько десятков пулеметов и даже батарея из 4 орудий. С осеии 1920 г. баида неодиократио переходила граиицы Тамбовской губерииии. Колесииков устаиовил связь с Аитоиовым и его штабом. В аитоиовской «армии» баида Колесиикова получила иаимеиоваиие 1-го Богучарского полка. В марте 1921 г. колесииковцы (более 3,5 тыс. человек) захватили ряд иаселеииых пуиктов. В упориых боях частям Красиой Армии удалось иаиести противиику иесколько чувствительиых ударов, более 200 человек были убиты и раиеиы, отряд рассыпался иа иебольшие группы. Окоичательио баида Колесиикова ликвидироваиа с помощью вороиежских чекистов.

[2] *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 52, стр. 66.

И хлеб и дрова, все гибнет из-за банд, а мы имеем миллионную армию. Надо подтянуть Главкома изо всех сил»[1].

Ленинские указания говорили о желании главы государства максимально разобраться в сложившейся обстановке и найти кардинальное решение в борьбе с кулацко-эсеровским политическим бандитизмом.

В январе части Красной Армии предприняли против антоновцев две крупные операции, в феврале — четыре, в марте — восемь. В конце февраля они сильно потрепали 3-тысячную армию мятежников под селом Богуславским. Пытаясь выйти из-под удара, антоновцы бежали в Чембарский уезд Пензенской губернии, но, не встретив там поддержки местного населения, вернулись обратно. В марте одна из крупных банд Антонова (до 6 тысяч человек) понесла большой урон под Тамбовом.

В боях с антоновцами весной 1921 года отличился эскадрон 14-й Отдельной кавбригады, которым командовал Георгий Константинович Жуков, впоследствии прославленный советский полководец, Маршал Советского Союза. 5 марта под селом Вязовая Почта, вблизи станции Жердевка, бойцы эскадрона столкнулись со значительно превосходящими силами противника. В течение нескольких часов одна атака сменялась другой, огневой бой — рукопашным. Дважды под командиром эскадрона убивали коня. В этом неравном бою эскадрон потерял 10 человек убитыми и 15 ранеными, но отряд антоновцев был разгромлен. Многих командиров и бойцов за этот бой отметили наградами. Свой первый орден Красного Знамени получил и Г. К. Жуков.

В приказе Реввоенсовета республики говорилось: «Награжден орденом Красного Знамени командир 2-го эскадрона 1-го кавалерийского полка Отдельной кавалерийской бригады за то, что в бою под селом Вязовая Почта Тамбовской губернии 5 марта 1921 г., несмотря на атаки противника силой 1500—2000 сабель, он с эскадроном в течение 7 часов сдерживал натиск врага и, перейдя затем в контратаку, после 6 рукопашных схваток разбил банду»[2].

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 52, стр. 67.

[2] *Г. К. Жуков.* Воспоминания и размышления, т. 1, изд. 2, доп. М., 1974, стр. 75—76.

Но несмотря на отдельные успехи частей Красной Армии, антоновский мятеж шел на спад медленно.

К концу апреля политическое положение в Тамбовской губернии существенно изменилось. Ряд поражений, нанесенных антоновцам в марте — апреле, усилили деморализацию в их рядах. Однако ликвидации мятежа добиться еще не удалось. Более того, собрав пятитысячную армию, Антонов 11 апреля захватил большое село Рассказово, взял в плен батальон советских войск и в течение трех часов хозяйничал в селе. В конце месяца, соединившись с бандами Карася, Антонов попытался с семитысячным «войском» овладеть Кирсановом, но здесь получил решительный отпор советской конницы кавгруппы Дмитриенко, Семенова и 14-й дивизии и отошел в район деревни Кобяки, в 10 верстах северо-западнее Кирсанова.

Теряя поддержку тамбовских крестьян, антоновцы ожесточались, усиливали террор. «За май месяц,— докладывали кирсановские руководители в губчека,— бандиты двигались по всему уезду, разоряя крестьян, почему крестьяне ненавидят бандитов... В мае Антонов проводил мобилизацию крестьян Кирсановского уезда. В случае, если к нему отказываются идти или уходят от него дезертирами, он расстреливает их и убивает и грабит всю семью, отчего крестьяне окончательно поняли, что такое Антонов со своими партизанами».

Пленум губернского комитета партии, состоявшийся 21 апреля, одобрил политическую линию губкома и Полномочной комиссии ВЦИК, в результате которой был достигнут перелом в политическом настроении крестьянства.

В то же время пленум подчеркнул, что главное острие борьбы должно быть направлено против партии эсеров, ее контрреволюционных действий, выражающихся в подстрекательстве крестьян к антисоветской борьбе [1].

[1] Эсеровский ЦК только в марте—апреле направил в Тамбовскую губернию восемь полномочных представителей со специальным заданием местным силам во что бы то ни стало усилить сопротивление Советской власти. Именно в это время произошло объединение банд, действующих в губернии. К основной «армии» Антонова присоединились крупные банды Карася и Селянского, претендовавшие до этого на самостоятельную роль. События в Кронштадте подстегнули эсеров к активизации антисоветской

Для доклада о политическом и военном положении губернии в ЦК РКП(б) и Центральную комиссию по борьбе с бандитизмом выехал В. А. Антонов-Овсеенко. По его докладу Центральная комиссия приняла развернутое постановление.

Учитывая, что мятеж по-прежнему продолжает сохранять свои опасные формы, губерния была объявлена «на положении Кронштадта в дни меньшевистско-эсеровского мятежа». На разгром антоновщины переключались регулярные вооруженные силы республики во главе с опытными военными руководителями.

Главкому, руководителям центральных военных учреждений, органов ВЧК, милиции, командованию Орловского военного округа и войскам Тамбовской губернии поручалось принять экстренные и согласованные меры для вооруженной ликвидации мятежа. В Тамбовскую губернию дополнительно направлялись две стрелковые бригады и кавбригада Г. И. Котовского, а также броне-, авиа- и автоотряды. Было решено усилить тамбовские части командным составом и ударной группой политработников и комиссаров, забрав их из резерва ПУРа, ЦК. Командующему Кавказским фронтом В. М. Гиттису, командующему вооруженными силами Украины и Крыма М. В. Фрунзе и командующему Западным фронтом М. Н. Тухачевскому поручалось лично проследить за отправкой командного состава этих фронтов в Тамбовскую губернию. Штаб РККА должен был немедленно выделить необходимые пополнения в тамбовские части взамен демобилизуемых. От Наркомпрода требовалось обеспечить

борьбы в губерннн. Сразу наглядио выявнлась однотнпность этнх явленнй, общнй замысел контрреволюцнн. Кронштадтскнй мятеж начался 28 февраля 1921 г., а 6 марта штаб аитоиовскнх войск нздал прнказ о повсеместном и одиовремеиином выступленнн всех сил «Союза трудового крестьянства». Во многнх деревнях н селах Тамбовщнны кулацко-эсеровскне активисты повелн усиленную враждебную пропагаиду. «У иас в Моршаиске и уезде эсеры н другне черносотенцы,— сообщала газета «Моршанская коммуна» 22 марта,— распускают нелепые и провокацнонные слухн, что якобы кронштадтские мятежникн захватили уже Петроград, а в Москве — восстанне». На самом же деле «мятежиики изгнаны красным войскамн нз Кронштадта. Эсеры генерала Козловского получилн по носу красным кулаком. Этого же дождутся от нас н эсеры Антонова».

продовольствием и фуражом красноармейские части, действующие в Тамбовской губернии, установив наиболее быстрый способ доставки продуктов и фуража как извне, так и внутри губернии.

23 апреля Центральный Комитет РКП(б) направил всем губкомам страны телеграмму, в которой говорилось: «Бандитизм, организованные кулацкие восстания до сих не ликвидированы. Объединяющим центром организованного кулацко-эсеровского бандитизма являлась в последние месяцы и является до сих пор Тамбовская губерния. Опыт борьбы с мелкобуржуазной контрреволюцией и уроки Кронштадта заставляют быстро и полностью ликвидировать остатки антоновских и других банд... ЦК постановил немедленно провести мобилизацию коммунистов для Тамбовской губернии»[1].

По всероссийской мобилизации работников губернского, уездного и волостного масштаба из Москвы, Петрограда, Самары, Нижнего Новгорода, Пскова и других городов на партийную и военную работу в Тамбовскую губернию направлялись наиболее опытные коммунисты. Вскоре в Тамбов прибыло 1200 членов и кандидатов в члены РКП(б) из разных районов страны. Они укрепили красноармейские части, провели агитационно-пропагандистскую работу среди местного населения.

27 апреля вопрос о ликвидации банд Антонова рассматривался на заседании Политбюро ЦК РКП(б). В его обсуждении приняли участие В. И. Ленин, К. Е. Ворошилов, М. И. Калинин, В. Р. Менжинский, П. Г. Смидович, И. В. Сталин, М. В. Фрунзе и другие. Тщательно ознакомившись с обстановкой в губернии и учитывая перелом в настроении крестьянства, ЦК партии поставил задачу ликвидировать антоновщину в течение месяца. Дополнительно к мерам, разработанным Центральной комиссией по борьбе с бандитизмом, было решено командировать в Тамбовскую губернию 300 партработников, 1000 военных политработников и 30 коммунистов с опытом руководящей работы губернского масштаба. Политбюро поручило Э. М. Склянскому принять все необходимые меры

[1] *И. Я. Трифонов.* Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921—1923 гг.), ч. I, стр. 161.

для срочного продвижения в Тамбов командированных коммунистов, а также немедленно отправить в губернию бригаду курсантов. ЦК потребовал от РВС республики еженедельных докладов о ходе мобилизации военных коммунистов.

По предложению В. И. Ленина Политбюро приняло решение назначить командующим советскими войсками на Тамбовщине М. Н. Тухачевского.

Михаила Николаевича Тухачевского, находившегося после разгрома кронштадтского мятежа в Смоленске, вызвали в Москву. Его принял В. И. Ленин. Владимир Ильич расспросил о Кронштадте, поинтересовался личными планами, а потом сказал: «Надо кончать с антоновцами в Тамбовской губернии. Как вы смотрите на назначение вас туда?» Тухачевский знал об антоновщине и не раз задумывался о путях ее ликвидации. Теперь вся военная власть в губернии отдавалась в его руки. Поблагодарив за высокое доверие, он ответил, что готов выполнить любое задание партии [1].

6 мая в командование войсками Тамбовской губернии вступил М. Н. Тухачевский [2], наделенный широкими политическими и военными полномочиями. Он подчинялся непосредственно главкому и должен был еженедельно информировать ЦК о военном положении в губернии. Прибыв в Тамбов, Тухачевский вошел в состав Полномочной комиссии ВЦИК как заместитель председателя и сразу же включился в ее работу: изучил район боевых действий и тактику бандитских отрядов, посетил воинские части, познакомился с командным составом.

---

[1] См. *А. И. Тодорский.* Маршал Тухачевский. М., 1964, стр. 71.

[2] До начала мая борьбу с антоновскими отрядами вели войска под командованием А. В. Павлова и К. В. Редзько.

Заместителем М. Н. Тухачевского был назначен И. П. Уборевич, начальником штаба — Н. Е. Какурин. Во главе отдельных частей и боевых участков были поставлены испытанные командиры: во главе отдельной кавалерийской бригады прибыл Г. И. Котовский, академия Генштаба Красной Армии направила на разгром мятежа группу слушателей во главе с И. Ф. Федько, ставшим командиром 1-го боевого участка (город Кирсанов), один из слушателей академии, И. В. Тюленев (ныне генерал армии), возглавил 15-ю кавдивизию в Козловском уезде, 6-м боевым участком (село Инжавино) командовал П. А. Павлов, принимавший активное участие в ликвидации махновщины, и т. д.

«О Михаиле Николаевиче Тухачевском,— вспоминал в своей книге «Воспоминания и размышления» Маршал Советского Союза Г. К. Жуков,— мы слышали много хорошего, особенно о его оперативно-стратегических способностях, и бойцы радовались, что ими будет руководить такой талантливый полководец». Г. К. Жуков рассказывает, как после обсуждения предстоящих боевых действий в штабе 14-й отдельной кавбригады на станции Жердевка М. Н. Тухачевский беседовал с бойцами и командирами, интересовался их боевым опытом, настроением, взаимоотношениями с местным населением, оказываемой ему помощью. Перед отъездом он сказал: «Владимир Ильич Ленин считает необходимым как можно быстрее ликвидировать кулацкие мятежи и их вооруженные банды. На вас возложена ответственная задача. Надо все сделать, чтобы выполнить ее как можно быстрее и лучше» [1].

В Тамбовскую губернию направлялись части регулярных войск, бронеавтомобили, авиация, кавалерия. Если в январе здесь насчитывалось 9,6 тысячи штыков и около 2 тысяч сабель, то в начале марта — 32,5 тысячи штыков и около 8 тысяч сабель, а в мае — 37,5 тысячи штыков и до 10 тысяч сабель. К лету сюда прибыло также 5 автобронеотрядов, 9 артиллерийских бригад, 4 бронепоезда, 6 бронелетучек, 2 авиационных отряда. Для непрерывного преследования банд была создана сводная группа войск из трех кавалерийских бригад и автобронеотрядов под общим командованием И. П. Уборевича.

Для укрепления гарнизонов, стоявших в селах, охваченных мятежом, на лагерные сборы в губернию были присланы курсанты Московских и Орловских пехотных командных курсов общей численностью 7 тысяч человек. Возглавил курсантский лагерный сбор П. А. Павлов.

В связи с изменением оперативной обстановки губерния была разбита на 6 боеучастков: 1-й боевой участок имел штаб в городе Кирсанове, 2-й — в селе Рассказове, 3-й — в городе Борисоглебске, 4-й — в Козлове, 5-й — в Моршанске и 6-й, созданный на базе курсантских частей,— в Инжавине.

[1] *Г. К. Жуков.* Воспоминания и размышления, т. 1, изд. 2, доп., стр. 73.

Наряду с регулярными частями Красной Армии в боевых действиях против мятежников принимали участие отдельные формирования ВЧК — отряд особого назначения ВЧК, скомплектованный из трех полков прославленной Московской дивизии ВЧК, а также ряд других частей ВЧК, мобилизованных на борьбу с мятежом из других губерний. В оперативном отношении они подчинялись командующему вооруженными силами губернии М. Н. Тухачевскому. В губернии действовал и автобронеотряд ВЧК им. Я. М. Свердлова, прибывший 14 мая 1921 года в Кирсанов — в распоряжение начальника 1-го боеучастка.

Военное командование совместно с Полномочной комиссией ВЦИК выработало определенную систему борьбы с бандитизмом: в освобождаемых районах организовывались сельские, волостные и районные ревкомы, по просьбе местных жителей оставлялся гарнизон Красной Армии, который обеспечивал нормальную работу революционных органов и мирный труд хлебопашцев. В той конкретной обстановке, только опираясь на боевую силу, ревкомы могли проводить планомерную работу по восстановлению и упрочению Советской власти. Лишь это гарантировало мирное население от набегов антоновцев, их лютой мести хлебопашцам, симпатизирующим Советской власти. «Искоренения бандитизма,— докладывал М. Н. Тухачевский Центральному Комитету РКП(б) 20 мая 1921 года,— следует ожидать не от разгрома банд, которые громятся ежеминутно, а главным и решающим образом от советизирования злостнобандитских районов, служащих жизненными центрами питания бандитизма» [1]. К концу апреля было создано 13 районных и 20 волостных ревкомов. Их главная цель, согласно инструкции,— «переломить настроение крестьян в пользу Советской власти и Коммунистической партии» [2].

При ревкомах и волисполкомах действовали созданные из местного населения для вооруженного отпора антоновским бандам добровольные вооруженные дружины и отряды самообороны, что свидетельствовало об активизации широких крестьянских масс в

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 13, д. 1004, л. 3.

[2] *И. Я. Трифонов*. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921—1923 гг.), ч. I, стр. 221.

борьбе с мятежниками, об их намерении стойко защищать завоевания революции, особенно усилившемся после введения нового курса в продовольственной политике.

Добровольческие отряды по борьбе с мятежниками комплектовались также в городах и промышленных поселках. В решении Кирсановской городской профсоюзной конференции от 8 мая, например, говорилось: «Антоновское движение в Тамбовской губернии есть проведение замысла международной контрреволюции, направленного к свержению Советской власти и восстановлению ига капитала, помещика и кулака... Приветствуя решение уездного профсоюзного бюро, уездного комитета партии и уездного исполкома об организации добровольческого отряда из членов профсоюзов, конференция призывает всех членов профсоюзов к вступлению в отряд» [1].

Геройски действовали вооруженная дружина рабочих Ивановского совхоза Тамбовского уезда, занесенная на Почетную красную доску, дружины Рассказова, Уварова, Инжавина, Токаревки и других поселков. В добровольную дружину Токаревки, например, вступило до 400 человек, главным образом демобилизованных красноармейцев. Они долго сдерживали натиск трех «полков» антоновцев и своими силами охраняли 12 близлежащих волостных и сельских ревкомов Тамбовского уезда.

12 мая 1921 года командование войсками издало приказ № 130, по которому предлагалось всем крестьянам, вступившим в банды, сдать оружие и выдать главарей. Всем без исключения войсковым частям Красной Армии приказывалось оказывать крестьянам всяческую поддержку и защищать их от нападения бандитов, а ответственным органам власти (ревкомам, полномочным «тройкам», органам ЧК и др.) — тщательно избегать нанесения какого-либо ущерба честным, трудовым гражданам. Несколько позже, 11 июня, был издан новый приказ — № 171,— дополнявший прежний и усиливавший ответственность крестьян за сокрытие бандитов и оказание им помощи. Эти приказы сыграли большую роль в деле ликвидации мятежа.

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 13, д. 999, л. 194.

Полномочная комиссия вместе с губкомом и военным командованием в мае 1921 года разработала также особую Инструкцию по искоренению бандитизма, которой должны были руководствоваться все партийные и советские работники губернии и командиры воинских частей. Особое внимание в инструкции обращалось на выявление и ликвидацию организаций партии эсеров и комитетов СТК, на поддержку всех форм борьбы местного населения с кулацко-эсеровской авантюрой.

Важным звеном в общей цепи укрепления партийно-советской работы в охваченных мятежом уездах стали созданные на местах участковые (уездные) полномочные комиссии, непосредственно подчиненные Полномочной комиссии ВЦИК. Определяя цель их создания, комиссия ВЦИК указывала: «Ликвидация бандитизма и создание устойчивой Советской власти в Тамбовской губернии является боевой задачей всех военных, партийных и советских органов и неотложно требует полнейшей согласованности и централизации их работы»[1]. В состав каждой комиссии входил секретарь укома РКП(б). Уездные полномочные комиссии осуществляли в пределах боевых участков, определяемых административными границами уезда, всю полноту власти. Прежде всего они были созданы в Сампуре, Кирсанове, Козлове, Моршанске, Борисоглебске, Инжавине.

Много внимания уделяли Полномочная комиссия ВЦИК и губком улучшению работы ЧК и особых отделов. Губком указывал, что каждый коммунист является, по существу, чекистом и обязан оказывать органам ЧК всяческое содействие. Для отрядов особого назначения дополнительно было выделено свыше 1000 винтовок, пулеметы, автоматические ружья.

Наряду с военными действиями против мятежников проводились мероприятия по поощрению волостей, сел и отдельных граждан, которые начинали активно бороться с антоновскими бандами.

В результате всех этих мероприятий к маю влияние кулацко-эсеровских элементов было в основном подорвано, военные силы мятежников значительно ослаблены и рост мятежа приостановлен. Тем не менее

[1] ЦГАСА, ф. 235, оп 2, д. 21, л. 1.

окончательная ликвидация мятежа еще не была завершена. В пяти из 12 уездов губернии (Кирсановский, Тамбовский, Моршанский, Козловский и Борисоглебский, за исключением южной его части) Советской власти фактически не существовало, не считая городов. На территории этих районов власть, по существу, принадлежала «Союзу трудового крестьянства», который по-прежнему сколачивал банды, вел злобную антисоветскую агитацию. Сам Антонов с ударным отрядом в 2—3 тысячи человек находился в 50 километрах южнее Тамбова, в районе Инжавино — Рамза; в других уездах действовали «полки» Башкирова, Богуславского, Карася, Селянского, Ивана Матюхина. Численный состав организованных банд достигал к 5 мая 21 тысячи человек.

Поставленная ЦК РКП(б) задача разгромить кулацко-эсеровское восстание в месячный срок требовала от губернской парторганизации исключительного напряжения сил. Учитывая это, губком партии 15 мая объявил на особом (фронтовом) положении парторганизации пяти охваченных мятежом уездов: Тамбовского, Борисоглебского, Кирсановского, Козловского и Моршанского.

«...Ваша организация,— говорилось в циркулярном письме губкома в адрес пяти укомов,— выдвинута на линию огня. В ней должна быть боевая дисциплина и стойкость. Никаких послаблений. Каждый на порученном партией посту выполни приказ или умри»[1]. Для каждого из коммунистов этих уездов задания партийных комитетов отныне становились боевым приказом. «Тамбовская губерния (точнее, Тамбовский, Кирсановский, Борисоглебский, Козловский и Моршанский уезды),— подчеркивалось в передовой статье органа Тамбовского губкома РКП(б),— стала настоящим и серьезным фронтом... В Тамбовскую губернию, как в свое время на фронты внешние, посылаются войска, мобилизуются коммунисты из других губерний»[2].

Эти организации укреплялись «в порядке боевой мобилизации» кадрами, им оказывалась всевозможная помощь. На остальные уезды губернии на время борьбы с мятежом перекладывались задания по выполнению общегубернских хозяйственных планов.

[1] Журнал «Коммунист» (Тамбов), 1921, № 4(10), стр. 13.
[2] Там же, стр. 1.

Разгром
основных сил

События складывались так, что к лету 1921 года были созданы все предпосылки для разгрома антоновщины. Изменения, происшедшие к этому времени в антоновской «армии», были показательны и облегчали борьбу с ней: от мятежников отошли многие крестьяне, вовлеченные в мятеж обманом и террором; среди антоновцев остались в основном убежденные враги Советской власти, которые уже не могли рассчитывать на ее снисхождение — так тяжки были их преступления перед народом. Был выработан план разгрома антоновщины.

Он включал в себя сочетание военных действий с политическими, хозяйственными, административными мерами и предусматривал нейтрализацию бандитских центров и баз путем ввода войск; широкое применение мощных мобильных, или так называемых «пиявочных», отрядов для неотступного преследования и уничтожения банд; концентрированное расположение войск в пределах каждого боевого участка в целях нанесения массированных ударов по бандам; проведение последовательной советизации очагов бандитизма по волостям с максимальным сосредоточением всех сил — военных, чекистских, милицейских[1]. В целях мобилизации сил для выполнения этого плана была проведена реорганизация войск: созданы так называемые летучие отряды из кавалерийских и бронеавтомобильных частей. Эти отряды стали незаменимыми для борьбы как с главными силами, так и с отдельными мелкими, маневренными бандами противника.

Всего к началу июня в распоряжении тамбовского командования было 53 тысячи бойцов и командиров, в том числе четыре кавалерийские бригады (около 6 тысяч сабель), два авиаотряда, бронеотряд, шесть бронелетучек, четыре бронепоезда, десантный отряд[2].

---

[1] См. *И. Трифонов.* Из истории разгрома антоновщины в 1920—1921 годах.— «Военно-исторический журнал», 1968, № 9, стр. 32.

[2] См. «Военно-исторический журнал», 1968, № 9, стр. 33.

Полномочная комиссия ВЦИК обратилась к армейским коммунистам с призывом, в котором говорилось: «Товарищи военные коммунисты! На плечи Красной Армии в Тамбовской губернии возложены великие задачи. Тамбовское кулацкое повстанье — это гнилая заноза в исхудалом теле нашей трудовой Республики. Ее надо вырвать немедленно твердой и умелой рукой»[1].

Решительные действия против антоновцев начались в конце мая 1921 года. Первый удар был нанесен по 2-й «армии» мятежников, возглавляемой Антоновым, вблизи станции Инжавино на реке Вороне. В «армии» Антонова было около 3 тысяч человек. Против нее действовали советские части — кавалерийская бригада Г. И. Котовского, 7-е Борисоглебские кавалерийские курсы, 14-я отдельная кавбригада и др. Предвидя скорую развязку, опасаясь окружения, антоновцы метались, ища выхода. Они попытались уйти на территорию Саратовской губернии. Но именно здесь их ожидало поражение: кавалерийские бригады Г. И. Котовского, М. П. Ковалева, В. И. Дмитриенко, три автоброиеотряда под общим командованием Уборевича начали преследование мятежников. Автобронеотряды действовали на антоновцев ошеломляюще, так как уйти от них практически было невозможно. В течение девяти дней отряд из семи машин с 47 красноармейцами участвовал в шести боях с бандами Антонова. 2 июня под Сердобском, у села Елань, в Саратовской губернии, автобронеотряд им. Свердлова нанес серьезное поражение антоновским 3, 4, 14-му и особому «полкам». Больше 200 человек потеряли они убитыми и ранеными, Был захвачен их обоз, более 300 лошадей, 2 пулемета, 150 винтовок. На следующий день автобронеотряд настиг одну из банд Антонова в районе села Бакуры, потери противника составили более 500 человек.

В начале июня недалеко от деревни Киселевки был окружен и сброшен в реку Сердобу кавалерийский полк, которым командовал сам Антонов. В этом бою антоновцы потеряли до 900 человек и 9 пулеметов из 16. В результате последующих боев под Чембаром 2-я «армия» мятежников распалась на мелкие

---

[1] *А. И. Тодорский.* Маршал Тухачевский, стр. 73.

отряды и группы, которые затем ликвидировались красноармейскими частями с помощью местного населения. В одном из боев Антонов был ранен в голову, с небольшим отрядом из 150 человек (все, что осталось от его «армии») он скрылся в кирсановских лесах.

В конце мая в районе сел Покровское и Шереметьевка, Тамбовского уезда, была разгромлена банда Селянского. А всего за время с 6 мая по 14 июня 1921 года потери противника составили убитыми 3783 человека, пленными — 2585, добровольно с оружием в руках явились 1169 участников мятежа.

«Кончил «гулять» Антонов,— говорилось по поводу этих боев в приказе Полномочной комиссии ВЦИК.— Железные кони Красной Армии взяли верх над награбленными конями белых бандитов... Сдавайтесь! Руки назад вашим организаторам, командирам, ведите их в красный штаб, сдавайте оружие, Советская власть будет милостива к тем, кто раскается и проявит свое раскаяние. Советская власть будет беспощадна к нераскаявшимся злодеям»[1].

Однако, несмотря на крупные успехи, в установленный партией месячный срок мятеж не был ликвидирован. Как стало известно советскому командованию, Антонов отдал приказ о «временном» роспуске своих «бойцов» — до ухода из губернии Красной Армии,— чтобы затем вновь собрать силы для борьбы с Советской властью.

«Бандитизм не удалось ликвидировать согласно заданию ЦК в месячный срок,— докладывал 9 июня на заседании Полномочной комиссии ВЦИК М. Н. Тухачевский,— так как сосредоточение сил закончилось только в двадцатых числах мая. Кроме того, до самого последнего времени операции не были достаточно согласованы... Теперь надо учесть прошлый опыт, предусмотреть допущенные ошибки, в первую очередь произвести разгром живых сил Антонова одним или несколькими оглушающими ударами»[2].

Внимательно следил за ходом ликвидации антоновщины В. И. Ленин. Он вникал в формы и методы этой борьбы, давал конкретные указания и ди-

---

[1] «Известия Тамбовского губисполкома...», 14 июня 1921 г.
[2] «Военно-исторический журнал», 1968, № 9, стр. 33.

рективы политического характера, требовал строгой ответственности от лнц, отвечающих за выполнеиие решения ЦК.

В записке, адресованной в Реввоенсовет республики Э. М. Склянскому, ои запрашивал:

> «Как дела у Тухачевского?
> Все еще не поймал Антонова?
> Нажимаете лн Вы?
> Когда доклад в Политбюро?»[1]

1 нюия к В. И. Ленину обратнлся с пнсьмом секретарь Тамбовского губкома РКП(б) Б. А. Васнльев. «Мы проснм Вас,— писал ои,— взять дело борьбы с антоновщиной также под Ваш персональный контроль и руководство». В этот же деиь в записке секретарю ЦК Молотову В. И. Ленин писал: «...прошу

1) либо поставить в Оргбюро проверку (исполнения поручення Цека о том, чтобы кончить с Антоновым), либо секретарнату ЦК произвести эту проверку путем ознакомления с документамн и вызовом т. Склянского н еще кого-либо;

2) переслать прилагаемое *секретно и лично* т-щу Скляискому с тем, чтобы ои прочел н вернул мне, добавив (Вам; копню мие), какие меры нажима ои принял»[2].

После ликвндации 2-й «армии» Антонова советская конница и автобронеотряды были переброшены протнв наиболее крупной банды Богуславского, командующего 1-й «армией» мятежников. Оиа состояла нз четырех «полков» общей численностью около 2 тысяч человек н располагалась в районе деревень Семеновка, Каменка, Михайловка Тамбовского уезда. К ней прнсоеднннлись н остатки разбнтых полков 2-й «армии». Когда обнаружнли банду, комаидующий сводной группой И. П. Уборевнч прнказал окружить ее. В состав сводной группы входило две кавбрнгады (Г. И. Котовского н 14-й кавднвизии) численностью до 1900 сабель с 5 орудиямн, а также трн бронеотряда (нз 20 бронен боемашии с пулеметамн). Одиако в иочь на 14 нюня

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 52, стр. 240.
[2] Там же, стр. 240—241.

мятежникам удалось незаметно выйти из окружения и уйти за Дон. Бронеотряды начали преследование банд, и 16 июня под деревней Поспеловкой настигли их. В бою антоновцы потеряли около 150 человек, но большая часть их переправилась на левый берег Хопра — в Воронежскую губернию.

В преследовании банды активное участие принял автобронеотряд ВЧК им. Свердлова под командованием Ю. В. Конопко. Бойцы и командиры этого отряда, в формировании которого весной 1918 года вместе с Ф. Э. Дзержинским принял участие председатель ВЦИК Я. М. Свердлов, проявили в борьбе с бандами чудеса героизма и мужества. 58 бойцов и командиров отряда за храбрость в боях с антоновцами были награждены орденом Красного Знамени. С русскими, украинцами, белорусами, латышами в этом отряде сражались поляки, венгры, немцы, австрийцы.

В журнале отряда, отражавшем его боевой путь, говорится и о последних боях:

«16 июня. С рассветом отряд выступает в Ржавченко, Костино-Отделец и деревню Поспеловка, где ведет бой с бандитами Богуславского численностью 1600 сабель. После полуторачасового боя противник выбит из деревни, где бросил весь свой обоз, пять пулеметов, до 100 лошадей, потеряв убитыми 50 человек и ранеными 100. Остальные разбежались. Отряд преследует противника, отступающего на Новый Хопер.

17 июня. Отряд, преследуя противника, вступает в село Калмык, где ведет бой с бандой в 1300 сабель. После пятичасового усиленного боя противник обратился в бегство, потеряв на поле боя до 100 человек убитыми и около 200 человек ранеными. Оставив 500 лошадей, уцелевшая часть банды рассыпалась на берегу реки Хопер. Отряд, преследуя банду, получил задачу уничтожить ее в станице Урюпинской.

18 июня. Отряд занимает без боя Урюпинскую и переправляется через реку Хопер к хуторам Батраков, Бубновский, а затем в станицу Карогонную, где вступает в бой с оставшейся частью банды Богуславского численностью 250 сабель. После нескольких часов боя банда во главе с Богуславским взята в кольцо и оттес-

неиа к реке, частью расстреляна, частью потоплеиа. Сам Богуславский, ранеииый в иогу... бросился в реку с иадеждой спастись, ио добит метким выстрелом из винтовки. Бой коичился полиым уничтожеиием баиды Богуславского» [1].

Под Новохоперском антоиовцам был иаиесеи иовый удар, бандиты потеряли до 300 человек, а 20 июия около Урюпииска 1-я «армия» мятежников была уничтожеиа.

21 июия иачальиик штаба РККА П. П. Лебедев докладывал В. И. Лениину о ходе борьбы с баидами Антонова: «В общем операции против банд за истекший период [2] свелись к следующему: в северной части губериии ликвидировано иесколько мелких партий во главе с главарями; в Козловском райоие спокойио; в Тамбовском райоие иаши части имели ряд успешиых боев с баидами, входящими в состав 1-й и 2-й «партизанских» армий; баиде Карася наиесеио значительное поражение; в Борисоглебском райоие полиостью уиичтожеиа баида Богуславского; в Кирсановском райоие идет ликвидация остатков баиды Аитоиова, крестьяие окрестиых деревень прииимают участие в вылавливаиии баидитов. В Тамбовском, Моршаиском, Козловском и Кирсаиовском райоиах продолжается добровольиая явка значительиого числа баидитов и дезертиров, продолжается вылавливаиие баидитов иашими отрядами» [3].

В боях с аитоновщииой отличились миогие советские бойцы и комаидиры.

В телеграмме Председателю ВЦИК М. И. Калииииу политические и воеиные руководители губернии В. А. Аитоиов-Овсеенко, М. Н. Тухачевский, А. С. Лавров, Б. А. Васильев писали 21 июня о выдающихся геройских качествах, проявлеииых И. П. Уборевичем: «В иастоящее время т. Уборевичем ликвидирована 1-я армия баидитов. Из 1500 баидитов осталось меиее 500, более тысячи убито, расстреляно. Тов. Уборевич лично

[1] *И. Г. Беликов, И. К. Бойко, М. С. Логунов.* Имени Дзержинского. Боевой путь ордена Ленина, Краснознаменной дивизии имени Ф. Э. Дзержинского. М., 1976, стр. 25—26.

[2] Речь идет об итогах боевых действий советских войск с начала июня 1921 г.

[3] «Внутренние войска Советской республики. 1917—1922 гг. Документы и материалы», стр. 626.

участвовал в боях и придавал боевым действиям безгранично смелый и успешный характер»[1].

Активно участвовал в боях с антоновцами летом 1921 года и был ранен А. П. Голиков, в будущем известный детский писатель Аркадий Гайдар. Окончив военную школу «Выстрел» в феврале 1921 года, семнадцатилетний Аркадий Голиков был назначен командиром 23-го запасного полка Орловского военного округа, а в июне — командиром 58-го Нижегородского отдельного особого назначения полка в городе Моршанске Тамбовской губернии с подчинением командующему 5-го боеучастка. Перед назначением А. П. Голиков встречался с М. Н. Тухачевским, который знал его еще по Кавказскому фронту. Сообщая комиссару полка о назначении нового командира, Тухачевский характеризовал его как бывалого, опытного командира.

58-й полк, которым командовал Голиков, участвовал в ликвидации банд Селянского, Жирякова, Митьки Леденца. Комполка из госпиталя писал домой: «В течение всего лета не слезал с коня. Был назначен врид командующего боевого участка... Живу хорошо». А позже в автобиографии «командира отдельного полка» Аркадий Гайдар писал: «Я... всегда с большой теплотою вспоминаю огневые зори на вражьих фронтах — боевую школу, в которой прошли мои лучшие мальчишеские годы»[2].

В середине июля были успешно проведены операции и против банды Васьки Карася. Понеся значительные потери в районе села Ивановского под Тамбовом, бандиты были рассеяны, главарь убит. Южнее станций Инжавино и Романовки были разбиты банды Аверьянова и Вороженцова. В результате «армия» мятежников как боевая единица перестала существовать. Отдельные отряды антоновцев, разбросанные по тамбовским лесам и болотам, были ликвидированы в основном в течение лета 1921 года.

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 96, д. 590, л. 72—73.

[2] См. *Борис Камов.* Обыкновенная биография (Аркадий Гайдар). М., 1971, стр. 62, 67, 74, 5.

По заданию Дзержинского

Борьба с антоновщиной не ограничивалась военными и политическими мероприятиями, которые проводились под руководством партии и Советского правительства. Большую роль в ликвидации антоновщины сыграла одна из операций, разработанная ВЧК.

28 августа 1966 года в газете «Советская Россия» была опубликована статья «Секретная миссия Евдокима Муравьева». В ней приводились многие факты, тайну которых сорок пять лет хранили архивные документы, впервые рассказывалось, как под руководством Ф. Э. Дзержинского весной 1921 года была разработана смелая операция. Суть ее состояла в том, чтобы проникнуть в самое сердце антоновщины и обезглавить мятеж.

Еще в 1920 году чекисты вышли на резидента антоновцев в Тамбове, через которого мятежники получали директивы эсеровского ЦК и были связаны с внешним миром. Его дом был тем каналом, по которому в тамбовские леса направлялись боевики, агитаторы, пропагандистская литература, медикаменты, оружие, сведения военного характера. Этим человеком был адвокат Д. Ф. Федоров, известный у антоновцев под именем эсера Горского, а на самом деле видный кадет, ярый враг Советской власти. Чекисты не спешили брать Федорова — Горского. Возник план проникнуть через него в лагерь мятежников и под любым предлогом вывезти в Москву «главнокомандующего» мятежников Александра Антонова и его ближайших сподручных.

Как вспоминал начальник отдела ВЧК Т. П. Самсонов, Ф. Э. Дзержинский поставил задачу проникнуть в антоновский главоперштаб. Для этой операции нужен был человек, беспредельно преданный Советской власти, с железными нервами, готовый на мучительную смерть за дело революции, хорошо политически подготовленный, знающий программные и тактические установки партии эсеров, поскольку руководителями антоновщины являлись эсеры с большим партийным стажем и политическим опытом. Выбор пал

на Евдокима Федоровича Муравьева[1], которого в ВЧК знали по его прежней революционной работе.

Евдоким Федорович вспоминает, как после окончания этой операции Т. П. Самсонов говорил ему: «С твоими биографическими данными ты, Евдоким Федорович, был для нас настоящей находкой». А его заместитель выразился более образно: «Ты как бог у Вольтера. Если бы бога не было, говорил Вольтер, его надо было бы выдумать. А тебя нам и придумывать не пришлось: ты оказался именно таким, каким был нам нужен». Весной 1921 года Муравьева неожиданно вызвали к председателю коллегии Воронежской ЧК Дмитрию Кандыбину и члену бюро губкома партии Григорию Баклаеву и попросили помочь в деле, от которого зависела быстрейшая ликвидация антоновских банд.

Предстоящая операция замышлялась таким образом. Советским чекистам стало известно, что в Воронеж должен прибыть связной антоновцев, чтобы наладить связь с местными эсерами. Вот на него и нужно было выйти Муравьеву, ставшему, по существу, руководителем левых эсеров в Воронеже, а затем через посланца мятежников проникнуть в их стан и завершить второй этап операции — вывезти руководителей главоперштаба в Москву.

---

[1] Выходец из семьи крестьянина-середняка Рязанской губернии, Муравьев окончил Рязанскую учительскую семинарию, учился в Воронежском учительском институте, принимал участие в студенческих выступлениях против царизма, в 1916 г. вступил в партию эсеров. Как член Воронежского военревкома Евдоким Федорович участвовал в подготовке революционного переворота в Воронеже и установлении там Советской власти. Накануне Октябрьской революции Е. Ф. Муравьев был исключен из партии эсеров «за дезорганизаторскую деятельность и разложение партийных рядов». Когда эсеры раскололись на правых и левых, он стал членом партии левых эсеров и вошел в состав Воронежского комитета городской организации левых эсеров.

До середины 1918 г. он работал в Рязани председателем губернского Совета крестьянских депутатов и губревкома, затем был одним из руководителей партизанского отряда на северо-востоке Украины. Симпатии Евдокима Муравьева уже полностью были на стороне большевиков, хотя формально он еще некоторое время оставался в эсеровской партии. В феврале 1921 г. Муравьев готовил конференцию левых эсеров в Воронеже, на которой должен был решиться вопрос об их коллективном выходе из партии эсеров и вступлении в РКП(б).

В целях операции было решено «оживить» работу местной левоэсеровской группы, которая, по существу, бездействовала, и показать ее гостю во всем размахе. Связным оказался начальник антоновской контрразведки Н. Я. Герасев, больше известный под фамилией Донского. В Воронеже он застал «активно действующую» организацию левых эсеров: совещания и митинги, боевые резолюции, эсеровский клуб, где велись «диспуты» с большевиками, и т. д. Герасев — Донской детально познакомился с «деятельностью» организации, присутствовал на собраниях, изучал их «протоколы», «резолюции», прислушивался к разговорам вокруг. И Донской уверился, что в Воронеже на самом деле существует сильная левоэсеровская организация, с которой большевикам приходится считаться. Окончательно убедился в этом антоновский посланец на первомайском митинге, где выступал Е. Ф. Муравьев. А вскоре познакомили Донского и с «членами ЦК» партии левых эсеров, которые якобы приезжали в Воронеж для проверки деятельности местного комитета. «Полномочные» лица ЦК рассказали Донскому, что в Москве готовится в ближайшее время всероссийский съезд представителей всех антибольшевистских сил, на котором весьма необходимо присутствовать делегатам от тамбовских и воронежских эсеров и обязательно от антоновской «освободительной» армии.

Возвращался Донской в полной уверенности, что установлена прочная связь с ЦК партии левых эсеров. Донской проникся полным доверием и симпатией к Муравьеву, договорился об установлении прямых контактов с Антоновым. В то же время Евдоким Муравьев, как на это рассчитывали, получил тайные явки в Тамбове, в том числе пароль в дом адвоката Федорова, уже известного чекистам. Договорились, что Донской встретится с Антоновым, проинформирует его о деятельности воронежских левых эсеров, а затем вернется в Воронеж, чтобы сопроводить Муравьева в тамбовские леса уже для установления личного контакта с Антоновым.

Но дни шли, миновало две недели, а Донской все не появлялся. Решено было идти на риск.

И вот в доме присяжного поверенного адвоката Федорова, назвав пароль, появился «член ЦК партии

левых эсеров» Петрович (это был Евдоким Муравьев) с чрезвычайными полномочиями установить контакт с руководством «крестьянского восстания» и лично с Антоновым. Отважного чекиста ничего не заподозривший Федоров переправил в тайное логово врага.

На лесном хуторе, куда его привели с большими предосторожностями, проходило совещание бандитских главарей. Здесь он встретил Герасева—Донского, очень обрадовавшегося «другу»: оказалось, что его задержали непредвиденные обстоятельства. Пока все шло хорошо.

Теперь Евдокиму Муравьеву предстояло приступить к выполнению главных задач: во-первых, вывезти в Москву главаря мятежа Антонова или уничтожить его; во-вторых, собрать как можно больше информации о мятеже, выявить имена, адреса, связи, каналы снабжения оружием.

И тут Муравьева ждала неудача: Антонова не было, установить место его пребывания не удавалось. Позже он узнал, что в одном из боев «главнокомандующий» был ранен и лечился в неизвестном даже его ближайшим помощникам месте; надо сказать, что Антонов был на редкость недоверчивым и осторожным человеком.

Обстоятельства диктовали: если нет Антонова, вывезти в Москву хотя бы его ближайших помощников. С этой целью Петрович выдвинул идею подготовки губернского съезда «Союза трудового крестьянства» и стал энергично готовить его. Съезд состоялся в конце июня 1921 года на опушке леса недалеко от села Хитрова. На нем были широко представлены почти все отряды «армии» Антонова. Настал решающий момент — выборы делегатов на «съезд» антибольшевистских сил в Москву, о «созыве» которого сообщил повстанцам представитель ЦК эсеров Петрович. И тут антоновцы заколебались: никто из них не хотел покидать тамбовские леса. Наконец Муравьев решился на отчаянный шаг: обвинив антоновцев в трусости и ренегатстве, он от имени ЦК партии левых эсеров сам определил делегатов на съезд «на основании данных ему полномочий»: в Москву отправятся председатель губернского комитета «Союза трудового крестьянства», весьма влиятельный среди мятежников

Иван Ишин и «заместитель начальника главоперштаба» Павел Эктов, по существу военный руководитель мятежа. Делегаты не посмели отказаться...

Надо сказать, что уже до этого, чтобы предотвратить возможность провала, Муравьев для связи с «центром» сумел направить в Москву якобы по вызову руководителей эсеровской партии людей, знавших его и помогших ему проникнуть к антоновцам; в результате этого хода в руках чекистов оказались главный резидент мятежников в Тамбове Федоров — Горский и начальник антоновской контрразведки Герасев — Донской.

«Делегатов» на съезд Ишина и Эктова переправили в Москву вместе с двадцатью отборными боевиками-головорезами. На вокзале их встречали чекисты. Ишина и Эктова препроводили на «конспиративную» квартиру в переулке на Цветном бульваре и сказали, что «съезд антисоветских сил» уже состоялся и они несколько опоздали: на съезде избран центральный повстанческий штаб, теперь его члены готовы выслушать доклады ближайших соратников Антонова о событиях на Тамбовщине.

Заседание «штаба» состоялось на другой «конспиративной» квартире. Члены «штаба» — это были работники ВЧК — выслушали подробный «политический» доклад Ишина, «военное» сообщение Эктова. Антоновцам было задано множество вопросов. Все их ответы тщательно протоколировались. В дальнейшем эти документы послужили обвинительным материалом на судебном разбирательстве.

По окончании заседания Ишин и Эктов были арестованы. Злейшего врага революции и Советской власти Ишина расстреляли, а Павел Эктов, в прошлом тамбовский крестьянин, дослужившийся в армии до штабс-капитана, а затем насильственно мобилизованный Антоновым, чистосердечно раскаялся, дал ценные показания, был помилован и в дальнейшем сыграл известную роль в одной из рискованных операций против банд Антонова.

Так блестяще закончилась миссия Евдокима Муравьева, полная риска и смертельной опасности. В результате ВЧК получила ценнейшие сведения: стали известны многие базы мятежников, их явки, склады оружия, ближайшие стратегические планы.

В одной из книг, посвященных Дзержинскому, так рассказывается о встрече Феликса Эдмундовича с Евдокимом Муравьевым:

«Дзержинский захотел поговорить с Муравьевым. Когда тот пришел, завязалась живая, непринужденная беседа.

— Евдоким Федорович, вы блестяще справились с заданием, но все-таки почему вам не удалось вывести в Москву Антонова?

— В одном из боев с частями Красной Армии Антонов был тяжело ранен и отлеживался в тайном лесном убежище.

— А что оказалось наиболее трудным в вашей «командировке»?

— Боязнь заснуть. Иногда я во сне разговариваю, и это могло меня погубить. Вот я и не спал толком полтора месяца,— отвечал Евдоким Федорович.

А потом Дзержинский подробно расспросил Муравьева об отношении к антоновцам тамбовских крестьян. И почему антоновцы так крепко и так долго держались в Тамбовской губернии? В чем была их главная опора?

— Все это очень важно и интересно. Я обязательно расскажу о нашей беседе товарищу Ленину,— говорил Дзержинский, провожая Муравьева. А затем вызвал Беленького и поручил отправить Муравьева в санаторий на отдых и лечение» [1].

---

[1] *А. Тишков.* Дзержинский. М., 1974, стр. 317.

В 1925 г. по рекомендации ВЧК без прохождения кандидатского стажа Е. Ф. Муравьева приняли в Коммунистическую партию, затем он окончил Институт красной профессуры, заведовал кафедрой истории религии и атеизма, работал в Институте философии АН СССР. Во время Великой Отечественной войны Е. Ф. Муравьев, доброволец московского народного ополчения, участвовал в боях, был ранен. После демобилизации — опять на преподавательской и научной работе в Московском государственном университете им. Ломоносова. В дни 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции Евдоким Федорович Муравьев за заслуги перед революцией был награжден орденом Красного Знамени. Сейчас он персональный пенсионер, живет в Москве, часто выступает с рассказами о своей боевой молодости. Его воспоминания «Полтора месяца в штабе антоновцев» стали источником и для нашего рассказа (см. «Воронежские чекисты рассказывают...». Воронеж, 1976, стр. 42—62).

Твердая поддержка

Победы Красной Армии, перегруппировка партийных сил, усиление коммунистами уездных организаций охваченных мятежом районов и другие политические меры, проводимые наряду с нэпом, привели к изменению положения в деревне, создали почву для успешной политической работы среди крестьян. Задача восстановления Советской власти на селе требовала большого напряжения сил. Необходимо было окончательно развенчать кулацко-эсеровских главарей мятежа в глазах обманутой части тамбовского крестьянства.

Под влиянием широко поставленной политической работы в деревне закреплялся перелом в настроениях крестьянства, улучшилось руководство укомов сельскими организациями РКП(б). Члены партии на местах организовали помощь пострадавшим от бандитизма, вели разъяснительно-воспитательную работу среди населения и в красноармейских частях, подавали пример в борьбе с контрреволюцией. Крестьянские массы, запуганные до этого террором и репрессиями антоновцев, стали решительнее помогать красноармейским частям искоренять кулацко-эсеровский бандитизм, одновременно укреплять органы Советской власти. В первых числах июня 1921 года участковые политкомиссии приступили к восстановлению Советской власти в селах и волостях, где более девяти месяцев хозяйничали эсеро-бандиты. Если к 1 июня 1921 года в Кирсановском уезде было организовано 2 районных ревкома и 8 волостных, то к 1 июля — 4 районных и 30 волостных, а к 15 июля — 5 районных, 32 волостных и 388 сельских [1].

Крестьяне совместно с красноармейцами участвовали в облавах, в прочесывании лесов, активно помогали изымать оружие, составлять списки бандитов, ликвидировали подпольные комитеты СТК.

Решительные меры Советской власти встречали сочувствие и понимание у трудового крестьянства, в

[1] ЦГАСА, ф. 235, оп. 5, д. 24, л. 87 об.

том числе у многих участников мятежа, обманутых кулацко-эсеровской пропагандой. На общесельских собраниях крестьяне выносили резолюции, в которых они признавали свою вину перед Советской властью, раскаивались в поддержке банд Антонова и просили вновь принять их в единую трудовую рабоче-крестьянскую семью.

Большую роль в советизации освобожденных районов сыграли бойцы и командиры, участвовавшие в ликвидации банд мятежников. Помимо своей основной задачи — охраны мирного населения от налетов эсеро-бандитов — они провели огромную агитационно-пропагандистскую работу среди крестьян: в освобожденных селах и деревнях устраивали собрания и митинги, на которых знакомили крестьян с аграрной политикой Советской власти, раскрывая им глаза на преступную деятельность эсеров и кулаков. Особенно действенным было практическое участие красноармейцев в организации помощи местным жителям в проведении продовольственной и посевной кампаний, в запашке полей, починке инвентаря, в субботниках и воскресниках.

Командир отдельной кавалерийской бригады Г. И. Котовский отдал приказ возвращать крестьянам отбитых у мятежников лошадей, и эта мера нашла одобрение в деревнях.

В результате мероприятий Советской власти и начавшегося прозрения обманутых крестьянских масс усилилась добровольная явка участников мятежа и дезертиров с повинной. Они сдавались одиночками и группами, с оружием и без оружия, причем в числе явившихся были и активные участники контрреволюционной борьбы, члены комитетов СТК, командиры частей мятежников, в том числе командир особого «полка» мятежников Я. Санфиров, позже принявший личное участие в поимке Антонова. А всего с мая по август 1921 года было зарегистрировано около 15 тысяч добровольно сдавшихся антоновцев.

Б. А. Васильев, секретарь Тамбовского губкома РКП(б), писал: «Уже в июне 1921 года знаменитых партизанских армий не существовало и в помине. Добрая половина главарей была перебита. Не меньше — пришли с повинной головой и добровольно не только сложили свое оружие, но и предложили свои услуги

по окончательной ликвидации последних остатков банд»[1].

В конце июня в селе Каменка был ликвидирован Тамбовский губком «Союза трудового крестьянства». В руки советских войск попали знамя ЦК партии эсеров-интернационалистов, документы, раскрывающие сущность мятежа, систему организации мятежников, их имена. Это дало возможность быстрее ликвидировать уездные, волостные и сельские комитеты СТК.

К середине июля вооруженные силы антоновцев были в основном разгромлены. По сведениям тамбовского командования, в губернии оставалось 12 групп численностью до 4 тысяч человек, которые скрывались в лесах, но и эти отряды, самые крупные из которых насчитывали 500—600 сабель, с каждым днем таяли. Они были ликвидированы в течение месяца.

16 июля 1921 года по просьбе В. И. Ленина Главное командование Красной Армии и М. Н. Тухачевский представили ему письменные доклады о ходе ликвидации кулацко-эсеровского мятежа. М. Н. Тухачевский писал: «В результате методически проведенных операций на протяжении 40 дней восстание в Тамбовской губернии ликвидировано. С[оюз] т[рудового] к[рестьянства] разгромлен. Советская власть восстановлена повсеместно»[2].

В докладе Главного командования отмечалось, что со вступлением в командование войсками Тамбовской губернии товарища Тухачевского принятые им методы борьбы с бандитизмом оказались вполне целесообразными и правильными. Отчет главкома Владимир Ильич Ленин направил Бухарину, который в феврале 1921 года, во время обсуждения вопроса о тамбовском мятеже на Политбюро ЦК, выражал сомнение в возможности его быстрой ликвидации, с пометкой: «*Бухарину. Секретно. 17 VII* [*1921 г.*] вернуть, *прочитав* от строки до строки в наказание за паникерство. Ленин»[3].

20 июля 1921 года В. А. Антонов-Овсеенко сообщал в ЦК РКП(б): «Банды Антонова разгромлены. Шайки Богуславского уничтожены. Банда Карася

[1] «Антоновщина...», стр. 17.

[2] «Внутренние войска Советской республики. 1917—1922 гг. Документы и материалы», стр. 629.

[3] Ленинский сборник XX, стр. 351.

вместе со своим атаманом ликвидироваиа. Бандиты массами сдаются, выдавая главарей. Само крестьянство окоичательно отшатиулось от эсеро-баидитского предательства. Оио само вступает в решительную борьбу с разбойиымн шайками» [1].

Уиичтоженне отдельиых бандитских шаек продолжалось и впоследствни, ио эти операции носилн уже частиый характер.

Последние операции

Вот одна нз таких операций, проведеиная частямн 6-го боевого участка под комаидоваиием П. А. Павлова.

30 июля стало известио, что баида аитоиовцев в 70—80 человек скрывается у озера Змеиного. Средн группы мятежников иаходились Антонов, его брат Дмнтрнй, Петр Ивановский и другие приблнжеииые атамаиа.

Район, где скрывались антоиовцы, представлял собой низкую котловниу размером шесть иа двеиадцать верст, ограннчеииую с запада крутым берегом реки Вороны, с востока — широкой открытой равнииой и рядом деревень, вдоль которых лежали глубокие озера, соедииеиные рукавамн между собой и с рекой. Виутрн — сплошиое болото, поросшее густым камышом, и ряд иебольших островков под общнм иазваиием Сухие Дубкн. Тут же иесколько иебольших озер — Змениое, Ясное, Лебединое и др. В иаиболее узком месте котловииы была расположеиа мельиица Прокудииа с мостом через реку. Несколько севернее иаходнлось нзлюблеииое место мятежииков, так называемая Тюремиая, нли Золотая, Клетка — лесистый островок, окруженный со всех сторои глубокой водой.

Для окружеиия этого районa привлекались 1-я бригада ВЧК 1-го боеучастка, кавбрнгада Г. И. Котовского, пешне эскадроны Борисоглебских и Орловскнх кавалернйскнх курсов, две роты Рязаискнх пехотиых

[1] *И. Я. Трифонов.* Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921—1923 гг.), ч. I, стр. 257.

курсов, две роты Владимирских курсов, две роты Иваново-Вознесенских курсов и Рязанский кавалерийский эскадрон.

Следы от лодок в камышах показывали, что часть бандитов ушла на север, в направлении Сухих Дубков, другая по кочкам двинулась на юг, к имению Петрово-Соловово. Осмотр Тюремной Клетки не дал никаких результатов.

Разведотряд на лодках с пулеметами на носу ночью отправился вдоль озер и по реке Вороне на юг. К утру он установил, что значительная группа бандитов находится у озера Змеиного. 2 августа в районе расположения рот Иваново-Вознесенских курсов были взяты в плен несколько бандитов, пытавшихся на лошадях перебраться через реку Ворону. Они подтвердили, что в районе озера Змеиного находится главная группа мятежников численностью до ста человек, среди них и Антонов. Другая группа (восемьдесят человек) ушла на юг.

3 августа красные курсанты на пятнадцати лодках с пятью пулеметами направились к озеру Змеиному, но их встретил сильный ружейный и пулеметный огонь. Вторая попытка добровольцев, сделанная в тот же день вечером, также не увенчалась успехом. Утром 4 августа из Тамбова прибыл отряд аэропланов, трехдюймовая конная батарея.

Артиллерийский обстрел, как выяснилось на другой день, нанес небольшой урон мятежникам, но моральное его воздействие было велико: к утру 5 августа сдалось двадцать пять человек, затем еще шестнадцать. В тот же день при поддержке артиллерийского огня курсанты на лодках направились на озеро Змеиное. Однако удалось захватить лишь четырех бандитов и большие запасы продовольствия. Остальные, по показаниям пленных, на лодках ушли в камыши.

7 августа командование решило прочесать район, поскольку Антонов и его ближайшее окружение оставались на свободе. Лодки с пулеметами двинулись по озеру с юга на север. За ними по суше шли красноармейцы.

8 августа лодки дошли до мельницы Прокудина и вернулись обратно. Ночью командир роты доложил в штаб, что пойман денщик Антонова, убито четыре бандита, среди них, возможно, и Антонов. Но оказалось,

что это был не он: в момент наступления советских частей Антонов и его брат Дмитрий отсиделись в кочках [1], и курсанты прошли буквально над ними.

10 августа операция закончилась: из 178 бандитов было убито и захвачено в плен 167 человек.

Летом 1921 года крупной антисоветской бандой, входившей в антоновское войско, оставалась банда Ивана Матюхина, насчитывавшая более 500 человек и скрывавшаяся в местных лесах.

В июле перед Котовским и его бригадой [2] была поставлена задача обнаружить и разгромить ее. Известно было лишь, что она находится где-то в районе Столовое — Александровское — Пахотный Угол. А найти банду было не так просто: Матюхин, зная о поражении антоновских отрядов, стал особенно осторожным и уклонялся от открытых боев.

И тогда возник дерзкий план. Котовского и комиссара бригады Борисова срочно вызвали к начальнику 6-го боевого участка П. А. Павлову.

— Командование решило поручить вашей бригаде,— сказал им Павел Андреевич,— ответственную и секретную операцию. Речь идет об уничтожении банды Ивана Матюхина. Есть такая идея. Но чтобы ее воплотить в жизнь, я должен вас познакомить с одним человеком. Он не наш, не коммунист. Это бывший помощник начальника антоновского штаба, в прошлом штабс-капитан. Впрочем, знакомьтесь.

В комнату вошел Павел Тимофеевич Эктов.

План советского командования заключался в следующем: бригада Г. И. Котовского под видом прорвавшегося с Дона и Кубани белогвардейского конного отряда под командованием казачьего атамана Фролова

---

[1] Кочки озера Змеиного представляли необычную картину: между ними были перекинуты жерди, на жерди наброшены ветки, листья, палки, солома. Получалось как бы настил, по которому можно было свободно ходить. На настиле стояли шалаши из тростника, камышовая церковь и др. В нескольких шагах на воде были обнаружены кочки; верхушки их были срезаны, земля из них выбрана. Кочки представляли собой нечто вроде норы, куда мог поместиться человек. Накрывшись верхушкой-шапкой и оставив небольшую щель для притока воздуха, он мог находиться там длительное время, оставаясь незамеченным.

[2] Комиссаром бригады был Петр Александрович Борисов, оставивший интересные воспоминания об этом эпизоде (см. «Черным летом». М., 1965).

(такой атаман действнтельно существовал, н котовцы в свое время потрепали его) входит в контакт с бандой Матюхнна — для этого-то н понадобнлся Эктов, которого лнчно знал вожак банды. Затем на «переговорах» о совместных действиях против Красной Армин коннкн Котовского уннчтожают всех главарей банды, а затем ликвндируют и ее.

Задача была нелегкая н рискованиая. Котовцам протнвостоял хнтрый н жестокий враг. Эктов так характернзовал Матюхина: «Бывшнй вахмистр. Вожак без идей, с уголовными наклоностямн. До революцнн был конокрадом, угодил в Снбнрь, нз ссылкн бежал. Скрытный, властный, хорошо знающий крестьянскую психологню, человек огромной физической снлы, скорый на расправу. После революцнн пробрался в продотряды, бесчннствовал, был арестован, но Антонов, будучи начальником кирсановской милнции, освободил Матюхина. Тогда, очевидно, и началось нх сближенне. Однако на Антонова смотрнт как на соперника. Однажды между ннмн была даже крупная ссора: Матюхин отказался поделиться с другнми «полкамн» захваченнымн им трофеямн. Тщеславен н властолюбнв».

Вот на этн качества Матюхнна н была сделана ставка в предстоящей операцнн.

Прежде всего преобразнлась сама кавбригада Г. И. Котовского, вернее, 1-й кавалернйскнй эскадрон: ее командир стал «атаманом Фроловым», комиссар Борнсов — его помощинком, командиры полков, иадев на головы шапкн-кубанкн с красиыми и белымн верхамн, превратнлнсь в есаулов и сотннков, рядовые котовцы напялнлн на себя зипуны н пиджаки. При посторонних онн называлн себя станичниками. К «надежде антисоветскнх снл на Тамбовщине», как нменовался Матюхнн, было направлено письмо от его «союзнника — атамана Фролова», а также от Павла Эктова. В пнсьме делался упор на то, что теперь не в Антонове, а нменно в нем, Иване Матюхнне, вндят руководителя всей борьбы с Советами, «вождя тамбовскнх повстанцев».

Но осторожный Матюхнн ие спешнл. Он послал своего брата Мнхаила на разведку, н только после встречн с Павлом Эктовым, когда Мнханл удостоверился, что Эктов действительно не подставная фигура,

Матюхин дал согласие на встречу своего штаба со штабом «атамана Фролова».

Развязка операции произошла в деревне Кобылинке 20 июля. Отряд Матюхина был «по-братски» принят «станичниками», размещен на квартирах, лошадей предусмотрительно расседлали, задали им корму и заперли в сараях «на отдых»; «гости» получили самогон. Тем временем в доме богатого кулака за обильным угощением встретились штабы двух «повстанческих» отрядов: матюхинский во главе с претендентом на трон крестьянского вождя и «белоказачий» во главе с «атаманом Фроловым» — Котовским. Матюхинцев было около пятнадцати, котовцев — двенадцать человек. Вначале шли общие разговоры: произносились речи, в которых прославлялся «новый глава восставшей Тамбовщины» Иван Матюхин, обсуждались детали «похода на Москву». А в самый разгар дружеской встречи поднялся «атаман Фролов» и крикнул, перекрывая гвалт за столом:

— Хватит ломать комедию! Я — Котовский. Расстрелять эту сволочь!

Через несколько минут штаб Матюхина был уничтожен в короткой перестрелке. И только раненому главарю банды удалось бежать: он сумел выбраться из избы и уйти огородами. В этой схватке был ранен и Григорий Иванович Котовский [1]. Во время боя в деревне перестал существовать грозный отряд Ивана Матюхина; лишь несколько десятков бандитов скрылись в лесу [2].

Вскоре эти уцелевшие ярые враги Советской власти, и прежде всего сам Иван Матюхин, стали основой новой банды, которая в сентябре 1921 года оставалась последней реальной силой «армии» Антонова.

Теперь в банде было около ста человек отъявленных головорезов, которым нечего было терять. Иван Матюхин стал еще осторожнее, еще более жестоким: он мстил за «атамана Фролова». Банда, хорошо вооруженная, подвижная, спаянная круговой порукой,

[1] Приказом реввоенсовета республики от 20 сентября 1921 г. Г. И. Котовский «за личное руководство 20 августа с. г. выдающейся по смелости операцией» был награжден Почетным революционным оружием.

[2] См. *Г. Котовский.* Тамбовская операция.— В сб. «Особое задание». М., 1968, стр. 244—251.

могла внезапно появиться там, где ее не ждали, сея смерть, разорение и террор. Уничтожить ее в открытом бою не представлялось возможности.

Ликвидация Матюхина была поручена двум бесстрашным людям — чекистам Василию Георгиевичу Белугину и Чеславу Марьяновичу Тузинкевичу.

Как и в предыдущей операции ВЧК, чекистам под видом представителей эсеровского центра удалось проникнуть в банду и встретиться с ее главарем.

Но путь к этой встрече был нелегким. Вначале Тамбовская чека «вышла» на лесника Александра Похрушева, по прозвищу Сашка Леший, — он был связным Матюхина, через него главарь последней банды поддерживал связь с внешним миром. В свое время Похрушев силой и обманом был втянут в антоновское движение, поэтому он и согласился сотрудничать с чека. С его помощью в Тамбов «нелегально» переправили для лечения раненного в руку начальника матюхинской «милиции» Ивана Карпова, матерого бандита, убежденного врага Советской власти. У Карпова начиналась гангрена, и только немедленное медицинское вмешательство спасло бы его от смерти. Завербовать Карпова не представлялось возможным. И тогда Белугин и Тузинкевич пошли на рискованный шаг. Открыв перед ним все карты, они предложили:

— Выбирай: или немедленный суд и расстрел, или помощь чека в уничтожении Матюхина и его банды, и тогда Советская власть будет снисходительна к бывшему бандиту. Во всяком случае, жизнь гарантируется.

Зверь был загнан в капкан. День, данный на раздумье, метался Карпов по комнате и сделал выбор: жить!

С ним и отправились в матюхинскую банду «представители» давно не существующего эсеровского центра чекисты Василий Белугин и Чеслав Тузинкевич. Риск был громадный: в банде, среди своих, Карпов мог в любой момент выдать отважных разведчиков. Но он не сделал этого: психологически чекисты рассчитали правильно. После истории с Эктовым Матюхин почти не верил никому. Правда, эти двое прибыли с его верным начальником «милиции» Иваном Карповым. На предложение «руководства» выйти из тамбовских лесов в Воронежскую губернию, в степи, якобы для соединения с другими повстанческими отрядами Матюхин

наотрез отказался. Как и Антонов, он не мыслил своего существования вне тамбовских лесов...

И тогда чекисты решили провести операцию на месте. Через связного им удалось вызвать из Тамбова небольшой отряд красноармейцев, который расположился недалеко от места, где обосновалась банда. Договорились: сигнал к бою — выстрел Василия Белугина. И он вскоре прозвучал...

— Именем революции! — с этими словами Белугин, мирно беседовавший с Матюхиным, выстрелил в главаря банды, а сам упал на землю.

Вскоре подоспели красноармейцы. Огромный труп Ивана Матюхина был единственным прикрытием, которое спасало чекиста от пуль врагов.

В приказе М. Н. Тухачевского о награждении Белугина орденом Красного Знамени говорилось, что сотрудник особого отдела армии В. Г. Белугин, получив задание ликвидировать отряд мятежников, вошел в доверие к его организаторам и на совещании с командным составом банды Ивана Матюхина открыл стрельбу, убив главаря. Совместно с подоспевшими на выстрелы красноармейцами В. Г. Белугиным был уничтожен весь остальной комсостав банды противника [1].

Бой был коротким и жарким. В этой схватке геройски погиб Чеслав Тузинкевич. Так сын польского народа отдал жизнь за дело русской революции [2].

Уничтожена последняя крупная банда мятежников. Но где же «главнокомандующий»? Конец Александра Антонова знаменателен.

Антонов не ушел с Тамбовщины даже после полного разгрома его банд. И хотя с лета 1921 года след Антонова потерялся, чекисты не сомневались, что он скрывается где-то в тамбовских лесах. Следы его обнару-

[1] См. «Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии. 1917—1921. Сборник документов». М., 1958, стр. 438.

Дальнейшая судьба Василия Георгиевича Белугина во многом похожа на судьбу Евдокима Федоровича Муравьева: чекист-орденоносец был направлен на партийную работу, затем окончил Инженерно-экономический институт, находился на руководящей работе по подготовке кадров специалистов народного хозяйства страны; в 1941 г. Василий Георгиевич вместе с семнадцатилетней дочерью Майей пошел добровольцем на фронт, был ранен под Сталинградом, воевал под Мценском, Орлом, на Днепре. Сейчас Василий Георгиевич на пенсии, живет в Москве.

[2] Об этой операции см. подробнее: *А. Лобоцкий.* Бой без выстрела. Воронеж, 1970.

жились в конце мая 1922 года. Губернский отдел ГПУ (так стали называться органы ВЧК) получил сведения о том, что Антонов со своим братом Дмитрием скрывается в селе Нижний Шибряй Борисоглебского уезда.

Операция по поимке и обезвреживанию Антонова была поручена чекисту Михаилу Покалюхину.

Разведка установила, что в ночь на 24 июня Антонов с братом находились в селе Нижний Шибряй, в доме Натальи Катасоновой. Следующей ночью они должны были уйти в лес.

В отряд по поимке Антоновых вошли сотрудник ГПУ Беньковский, начальник милиции 1-го района Борисоглебского уезда Куняков, трое бывших антоновцев из банды Грача, один из банды Матюхина, бывший командир особого антоновского полка Яков Санфиров, двое бывших мобилизованных антоновцами крестьян из села Перовка. В целях конспирации все они были одеты в рабочую одежду, оружие спрятано в мешках.

В 8 часов 24 июня оперативная группа прибыла на место. Посты расставлены, выходы из избы закрыты. На стук в дверь вышла хозяйка.

— Кто у вас в доме? — спросил Покалюхин.

— Никого нет,— ответила Катасонова.

Командир отряда настаивает, она отрицает. Наконец ей приходится сказать, что «двое каких-то вооруженных, при них два больших пистолета и два маленьких, да патрон целые сумки».

Чекист просит передать Антоновым записку — ультиматум о сдаче без боя. А в избе уже слышно щелканье маузеров. Почти тут же открывается дверь и раздаются выстрелы. Дверь захлопывается. Тогда Санфиров бросает гранату в одно из окон, попадает в раму. Граната разрывается, не принеся никому вреда. Покалюхин приказывает продолжать обстрел и поджечь избу.

Более часа продолжается бой. Все село в сборе. Наиболее смелые спрашивают в чем дело. И хотя сдержанно, но выражают сочувствие, желают успеха в борьбе.

Дом объят пламенем. Кругом стрельба.

Внезапно открывается окно, и Антоновы с невероятной быстротой выскакивают в него, пытаясь уйти в

лес через двор и огород. В перестрелке братья Антоновы погибают.

Так 24 июня 1922 года окончил свое существование лжесоциалист бандит Антонов.

«Собравшиеся крестьяне,— вспоминал М. И. Покалюхин,— внимательно всматривались в трупы убитых и, когда убеждались, что это Антоновы, горячо благодарили нас. Простое мужицкое, но сердечное «спасибо» сказали они нам, провожая до самого конца села. Под восторженные клики крестьян, с песнями покидали мы село Нижний Шибряй, увозя трупы убитых.

Хорошо запечатлелась у меня в памяти песенка, сложенная тут же Санфировым:

«Как у Шурки, у бандита,
Вся головушка разбита...»»[1]

29 июня 1922 года газета «Правда» сообщала: «Тамбов. 24 июня, после двухчасовой перестрелки сотрудников Тамбовского отдела ГПУ с известным руководителем эсеровского движения Антоновым и его братом Дмитрием, оба бандита убиты... Крестьяне села Нижнеширяево[2] горячо приветствовали сотрудников ГПУ, убивших Антоновых».

Клянемся не отступать от Советской власти!

Итак, антисоветский мятеж был подавлен. Политическая и хозяйственная жизнь губернии восстанавливалась. Военно-оперативные чрезвычайные органы в большинстве районов (уездные и волостные полномочные комиссии, волостные, районные и сельские ревкомы) в течение лета и осени 1921 года были ликвидированы. В селах начали функционировать выборные сельские и волостные Советы. С июля 1921 года Тамбовская губерния была объявлена вывозящей зерно.

---

[1] «Антоновщина...», стр. 91.
[2] Так в газете. Речь идет о селе Нижний Шибряй.

8—10 августа 1921 года состоялась XII Тамбовская губериская партнйиая конференция, которая подвела итоги борьбы с кулацко-эсеровскнм мятежом на Тамбовщние. Конференцня одобрнла полнтическую лннню Полиомочной комиссин ВЦИК и губкома РКП(б), отметнв, что основные задачн, намечеиные предыдущей, XI чрезвычайиой губпартконференцней, успешио выполнены.

Прошедшне по губерииии крестьянскне конференцни заклеймили антоиовское двнжение как аитниародиую эсеровскую аваитюру. Крестьяне заверяли партию н Советское правнтельство в своей готовности отстанвать завоевання революции. Делегаты 2-й общекрестьянской конференцин Кнрсановского уезда заявнли: «...В дальнейшем ннкакое эсеро-баидптское учение в нашнх деревиях ие прнвьется, н мы, честные труженнки и стороиннкн Советской властн, все как однн будем вести борьбу с остатками бандитизма»[1].

Трудовое крестьянство поняло, что Советская власть — это родная власть, только она защнщает его ннтересы н всемерно помогает ему. Представители крестьян Тамбовского уезда запнсали в своем решенин-клятве: «Тамбовская уездная беспартийная конференция одобряет меропрнятня Советской власти и от имени всего *честного трудового крестьянского населения* Тамбовского уезда заявляет, что больше не допустит залезть в деревню ин одиому врагу Советской власти, нн одному эсеро-бандиту, а вместе с Советской властью будет сейчас строить хозяйство, бороться с тунеядцами н лодырями, организовывать честную трудовую жизнь. Кроме Советской власти не может быть иикакой другой властн в деревне...

Клянемся не отступать от Советской власти и шлем горячий привет Красной Армии, которая разгромила эсеро-бандитские шайки»[2].

Земледельцы Лысогорского района от именн 93 тысяч местных пахарей поклялнсь «с корнем вырвать остаткн баидитов, укрывающихся до сих пор, как хищные звери, по полям, лесам н оврагам, передать (нх) в рукн рабоче-крестьяиской властн и впредь

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, он. 13, д. 1015, л. 237.
[2] *Вл. Докукин.* Правда о бандитах. Изд. 3, стр. 12.

не допустить их возрождения в нашем районе». Общая конференция крестьян Пичаевского района постановила: «Клеймить проклятием тех, кто под видом беспартийных друзей народа использует народную темноту и невежество и превращает его в орудие классового врага рабочих и крестьян — капитала». Беспартийные крестьяне Токаревского района обещали вырвать бандитизм с корнем и стать на защиту октябрьских завоеваний. «Мы считаем,— говорилось в резолюции Сампурской районной беспартийной конференции,— что затеянное в 1920 году эсерами восстание, привлекшее в свои ряды крестьян под лозунгом союза трудового крестьянства, привело лишь к полному разорению крестьянского хозяйства. Никакие силы, кроме рабоче-крестьянской Советской власти, не сумеют повести на правильный трудовой путь и восстановить наше крестьянское хозяйство» [1].

В конце августа 1921 года состоялась губернская конференция беспартийных крестьян. От имени тамбовского крестьянства ее делегаты поклялись «не отступать от Советской власти» и объявили беспощадную борьбу эсеро-бандитизму.

Эти факты красноречиво свидетельствовали о полном крахе антоновщины в Тамбовской губернии.

В обращениях к В. И. Ленину — руководителю Советского государства — трудящиеся Тамбовщины выражали решимость отстаивать Советскую власть и активно включиться в строительство социализма. «Мы, граждане Тамбовской губернии, которая вынесла на своих плечах все ужасы бандитского восстания,— говорилось, например, в письме Владимиру Ильичу Борисоглебского уездного съезда Советов,— ныне освободившись от антоновского кошмара, обязуемся все отныне и навсегда стоять твердо и уверенно на пути коммунистических Советов» [2].

Эти идущие от сердца слова простых сельских тружеников, обращенные к вождю революции, как бы подводили окончательную черту под тем черным временем, которое в истории именуется антоновщиной.

[1] Партийный архив Тамбовского обкома КПСС, ф. 840, оп. 4, д. 241, л. 25, 10, 7, 22.

[2] «Товарищу Ленину. Письма трудящихся В. И. Ленину. 1917—1924». Изд. 2, доп. М., 1969, стр. 322.

* * *

Опыт истории учит, что построение социализма встречает упорное противодействие со стороны свергнутых эксплуататорских классов, сил и традиций старого мира.

Кулацко-эсеровский мятеж в Тамбовской губернии был одной из попыток российской и международной буржуазии нарушить союз рабочих и крестьян нашей страны, подорвать у них веру в Коммунистическую партию, в идеи социализма, уничтожить Советскую власть — подлинную власть трудящихся классов страны.

На конкретном примере полностью подтвердилось ленинское учение о борьбе классов в условиях диктатуры пролетариата. К формам классовой борьбы в переходный от капитализма к социализму период В. И. Ленин относил не только меры принуждения государства диктатуры пролетариата в отношении сознательно сопротивляющихся остатков эксплуататорских классов, но и освобождение крестьян от влияния буржуазии и вовлечение их в активное социалистическое строительство. Процесс ликвидации антоновщины убедительно подтвердил это ленинское положение. Итоги разгрома мятежа свидетельствуют о правильности политики Коммунистической партии, ее поддержке широкими народными массами.

Успех ликвидации антоновщины зависел не только и не столько от военного разгрома боевых отрядов мятежников, а главным образом от умения партии и органов Советской власти привлечь на свою сторону трудовое крестьянство, по недоразумению попавшее в отряды антоновцев, и изолировать злостные антисоветские элементы. В связи с этим ликвидация антоновщины потребовала от партии огромной организаторской и политической работы по разъяснению и пропаганде политики Коммунистической партии, тех экономических мероприятий, которые проводились государством. И судьба авантюры была фактически предрешена сразу же после перехода к новой экономической политике, когда массы трудового крестьянства увидели на деле, что́ дает им Советская власть и что́ несет с собой кулацко-эсеровская антоновщина.

Но, обманным путем втянутое в восстание, крестьянство было разорено, погибло много хороших

и честных людей. И в этом заключается трагизм антоновщины, предотвратить который в полной мере не удалось. В воспоминаниях Михаила Покалюхина, еще не опубликованных, читаем:

«...Вот тут-то тамбовский мужичок и раскусил волшебный орешек, преподнесенный ему Антоновым и краснобаем Ишиным, понял он суть политики их партии, к чему это все привело. И пришлось ему, бедняге, переносить на своей изнуренной спине всю тяжесть последствий бандитской затеи. Остался он со своей семьей гол и голоден, с опустевшей душой: один его сын в результате колебаний подпал под влияние кулацко-эсеровской агитации и стал дезертиром, а потом вовлечен в банду и убит в боях с частями Красной Армии; другой сын, вернувшийся с фронта домой, демобилизованный красноармеец, за отказ вступить в банду был отведен в яругу и зарублен бандитами; сосед, всегда делившийся с ним и горем и радостью, коммунист, член сельского совета, был зверски замучен у него на глазах; семь бойцов из красноармейского отряда, захваченные бандитами и убитые ими, зарыты за его огородом; молодой красный командир — кавалерист зарублен бандитами перед его домом и брошен в колодец... Да разве можно перечесть все ужасы бандитской ванден, свидетелем которых пришлось быть ему, честному труженику земли тамбовской!..»

Крестьяне Тамбовщины на собственном опыте убедились, что их врагом является кулачество и его идейный вдохновитель — партия эсеров, а верным другом — рабоче-крестьянская Советская власть.

«Весенние события 1921 года,— отмечал В. И. Ленин,— показали еще раз роль эсеров и меньшевиков: они помогают колеблющейся мелкобуржуазной стихии отшатнуться от большевиков, совершить «передвижку власти» в пользу капиталистов и помещиков» [1].

Материалы, обнаруженные ВЧК при аресте членов ЦК партии правых эсеров и его уполномоченного по Тамбовской губернии Ю. Подбельского, неопровержимо доказывали, что ЦК партии эсеров непосредственно руководил восстанием кулаков, бандитов и дезертиров в Тамбовской и Воронежской губерниях, что все действия Антонова строго корректировались гу-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, стр. 241.

бернским центром эсеров и сам Антонов неоднократно присутствовал на совещаниях эсеров в Тамбове и выполнял их директивы [1].

В приговоре по делу ЦК и отдельных членов иных организаций партии эсеров, вынесенном после суда в 1922 году, было записано: «В феврале — марте 1920 года Тамбовская организация правых эсеров решительно встала «на точку зрения нелегальную». В союзе с левыми эсерами Тамбовская организация ведет резкую антисоветскую агитационную и организационную работу среди крестьян, особенно спекулируя на сборе продовольствия и ставя перед собой задачу «отвоевания власти из рук Коммунистической партии в руки нового Временного правительства». Вся работа в дальнейшем ведется в строгом согласии с циркуляром ЦК правых эсеров от 13 мая 1920 года... Организационная связь партии эсеров с тамбовским движением и ее вдохновляющая роль в мятеже совершенно бесспорна. «Антоновщина» стоила голов сотиям коммунистов, громадному количеству честных рабочих и крестьян, она стоила тамбовскому крестьянству многих жизней и разорения многих деревень» [2].

В ходе восстания были полностью разоблачены демагогия и лицемерие его вдохновителей, их подлинные контрреволюционно-реставраторские цели, далекие от интересов трудящихся. Поддержка, оказанная им в первое время в результате обмана или по принуждению, носила неустойчивый и временный характер. Трудовые массы крестьян не могли стать питательной средой мятежа на длительное время, и он, едва зародившись, был уже обречен на провал.

В борьбе за трудовое крестьянство победили партия большевиков, диктатура пролетариата, советский строй, идеи социализма.

Полностью оправдалось ленинское положение о том, что социализм в огромной степени поднял активность и энергию народных масс в строительстве нового общества, что в защите его от покушений империализма сами массы поднимутся и, поголовно сделавшись агитаторами, создадут несокрушимую силу. «Ни-

[1] См. «Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии. 1917—1921 гг. Сборник документов», стр. 456—457.

[2] «Правда», 9 августа 1922 г.

когда не победят того народа,— говорил Ленин,— в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, Советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда»[1].

Благодаря правильной политике партии, несмотря на чрезвычайно трудные условия (неурожай, голод, разруха), кулацко-эсеровские мятежи 1920—1921 годов были повсеместно ликвидированы. Выступая в «Правде» 23 апреля 1922 года, Е. М. Ярославский писал: «Крестьянство нигде не поддержало попыток поднять восстание против Советской власти». А в ноябре 1922 года В. И. Ленин с гордостью отмечал перед делегатами IV конгресса Коминтерна, что «крестьянство довольно своим настоящим положением»[2].

Это было важное политическое и экономическое достижение Коммунистической партии и Советского государства.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 315.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 285.

Содержание

Игорь Петрович
Донков

Антоновщина:
замыслы
и действительность

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*
Редактор *Л. И. Стебакова*
Младший редактор *А. С. Кочеткова*
Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*
Технический редактор *Л. А. Данилочкина*

Сдано в набор 29 октября 1976 г. Подписано в печать 17 января 1977 г. Формат 84 × 108 1/32. Бумага типографская № 1. Услован. печ. л. 6,72. Учетно-изд. л. 6,77. Тираж 100 тыс. экз. А01516. Заказ № 1191. Цена 23 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16.

23 коп.